

ISSN 0130-3600

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

2

1987

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

Орган Союза писателей Грузии

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1957 ГОДА

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА

- АННА КАЛАНДАДЗЕ. Стихи. Перевод
В. Еременко 3
- ГРИГОЛ АБАШИДЗЕ. Соболезнование. Ро-
ман. Перевод В. Солоухина 6
- МИХАИЛ КВЛИВИДЗЕ. Стихи. Переводы
Ю. Михайлика и А. Кушнера 67
- БЕСИК ХАРАГАУЛИ. Стихи. Перевод
Э. Ананнашвили 71
- АЛЕКСЕЙ ДЖОНУА. Стихи. Перевод В. Зо-
рина 75
- НАНА КАНДЕЛАКИ. И тогда шел дождь.
Роман. Окончание. Перевод Э. Нейман 77

ТРИБУНА ПИСАТЕЛЯ

- РОМАН МИМИНОШВИЛИ. Торжество тру-
да 116

КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- КОБА ИМЕДАШВИЛИ. О чем повествуют и
о чем умалчивают рассказы 123
- ДЖАНСУГ ГВИНДЖИЛИЯ. Пространство
стихотворения 141

2

1987

**ИГОРЬ БОГОМОЛОВ. Новый аспект освоения
интернациональной тематики** 152

**МАНАНА ЧИТИШВИЛИ. «Я избрал един-
ственный путь — к вам...»** 162

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОЧЕРК

**МЭЛОР СТУРУА. Музы и маски (Погасшие
люстры «Метрополитен-опера»)** 171

ДОКУМЕНТЫ. ПИСЬМА. ВОСПОМИНАНИЯ

**НОДАР ДУМБАДЗЕ. «Реальный герой 80-х?
Приглядись и увидишь!» (Предисловие и
запись беседы Н. Мартынюк)** 194

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

**СЕРГО ДЖОРБЕНАДЗЕ. Почитатель гения
Льва Толстого** 204

РЕЦЕНЗИИ

ГЛАН ОНАНЯН. «Сперва был сад» 209

**АЛЕКСАНДР ЗЛАТКИН. «Когда Орфей всту-
пил на берега Колхиды...»** 211

ИСКУССТВО

**ГУЛБАТ ТОРАДЗЕ. Шостакович и грузинская
музыкальная культура** 214

ХРОНИКА 76, 161, 203

ВЕРНИТЕСЬ!

Чащи лесные и осыпи горные...
 В памяти движутся роты.
 Вижу согбенные, пыльные, черные,
 Потные спины пехоты.
 Скатки под солнцем свинцом полосованы,
 Сердце мечтает о тени.
 Потом пропитаны,
 Солью окованы
 Веки и скулы, и время!..
 Новыми веснами дышит грядущее,
 Даты горят на граните.
 Вечные дети, к победе идущие,
 Матери ждут, напишите!
 Мир озарите счастливыми лицами,
 Смерть попирая ногами.
 Солнце встает над цветами и птицами,
 Солнце восходит над вами!
 Павшие в поле, сгоревшие заживо
 Молча идут без привала...
 Братья! Постойте! Вернитесь! Куда же вы?
 Нету войны. Миновала.

ЧТО Я! Я — СВИРЕЛЬ!

Ветры уверенно память дыханьем согрели.
 Плачу растерянно: музыка — слезы свирели!
 Где мой творец неразумный, строитель рисковый?
 ...Эхо мелодии лунной в глуши тростниковой.
 Миру, как другу, родник моей речи послушен,
 Полю и лугу, и небу, и водам, и душам.
 Но не причудой пустой, не усладой слепой —
 Волею плача дано мне царить над тобою!
 Нотой живую войду. Без единого слова

Сердце укрою в обители сердца родного.
Власть моя высшая —
В близкой душе продолжаюсь!
«Ты ошибаешься», — слышу я.
Я ошибаюсь?

Дуй наудачу, о, ветер! Зажги меня снова!
Истинно, плачу, что чувства не знаю иного!

Вверх рекою, вниз рекою:
Где ни ступишь — травы в пояс.
Колокольчик оглянулся, беспокоясь...
Кто смутил тебя, веселый,
Кто лишил и сна, и лада?
Эти бабочки и пчелы —
Что им надо!
Вверх рекою, вниз рекою
Лес и поле, лес и поле.
Мчит со скал вода живая,
Прозревая...
Ворожит тепло земное,
И стоит трава стеною,
Сенокоса ожидая.
Налитая...

НОЧЬ В ЛЕСУ БЕТАНИЯ

Невидимых скольженье? Мглы причуда?
Притихла ночь, вздохнувшая некстати...
Куда течешь тропою благодати,
Великое молчание? Откуда?..

Ветер, на отвесной скале
Хижину мою укрепи.
Чтобы рядом с небом жила.
Солнце утирала с чела.

Ветер, на отвесной скале
Хижину мою укрепи.

Приходи узнать обо мне,
Покружить в небесном огне.

Стану я вершинам сестра!
Век у золотого окна
Проживу я к солнцу лицом
В доме, на уступе крутом...

Будешь пролетать, загляни.
Сорванный листок оброни.

АРАГВИНЦЫ

О, триста барсов, отпылавших
Навеки!
Куда ведут дороги павших?
А реки?
Вон месяц в ранах, в шлеме смятом
Над ними.
Их кубки, полные закатом
Во имя!..
Но нет, не просочится слово
Из Оно —
Звезда как воплощенье зова
И стона.
И как ни долог путь сраженных,
А длится.
И льется свет неотраженный
На лица.
Глаза взывают из потемок:
С победой!
Из наших чаш испей, потомок,
И ведай...

Перевод Владимира ЕРЕМЕНКО

СОБОЛЕЗНОВАНИЕ

Р о м а н

1

Земля, очень ровная сама по себе, довольно круто поднималась, что, безусловно, приближало линию горизонта к человеку, идущему по земле. Да, земля была ровной до самого начала неба или, можно сказать, до самого конца неба, кому как больше понравится. Так или иначе солнце уже опустилось за ту линию, которая отделяет небо от земли. Черная линия земли отчетливо вырисовывалась на красноватом фоне заката. Красные отблески лежали на двух странных предметах (или существах?), расположившихся на самой той линии, которую мы называем горизонтом. Земля, значит, поднималась (и приближала горизонт) достаточно круто для того, чтобы предметы показались загадочными и большими, но недостаточно для того, чтобы человек сразу узнал их и определил бы, что же это такое.

Сначала он принял их за разноцветные воздушные шары, которым невидимая веревка, удерживаемая невидимой рукой, не дает улететь с земли. Через некоторое время человеку стало казаться, что это два сказочных дэва лежат на боку, касаясь головами друг друга. Они, возможно, только что поужинали, отправив в свои желудки (если судить по величине самих дэвов) не меньше, чем по оленю и по бурдюку вина, сделанному из цельной коровьей кожи. Такого ужина хватило бы на сто человек.

Поднимаясь по отлого-покатой земле, он приблизился к той черте, которая только что казалась горизон-

том. Теперь он разглядел: то, что он принимал сначала за воздушные шары, а потом за объевшихся великанов, оказалось двумя огромными кувшинами для вина. Кувшины лежали горлами друг к другу. Человек огляделся и удивился. Каким образом эти две посуды оказались в чистом поле, в пустынном месте? Если нет поблизости людей, их жилищ, не должно быть и винохранилища, называемого по-грузински марани. Он обошел огромные кувшины вокруг, похлопал их по крутым гулким бокам и, заглянув внутрь одного из них, прокричал:

— Э-ге-гей!

— Э-ге-гей! — откликнулся кувшин, многократно усилив и умножив человеческий голос.

Человек вспомнил детство, как играли они, маленькие братишки и сестренки, у своего собственного марани, во дворе своего дома. Воспоминания были приятны и принесли человеку душевное облегчение. Он присел на один из кувшинов и оглядел местность, которая ему была не видна, пока он шел на подъем, местность, которая скрывалась от него за условной линией горизонта. Тянулись вдоль и поперек странные канавки, словно землю нарочно исчертил гигант-чертежник. Линии образовывали прямоугольники, квадраты, иногда круги и полукруги. Там и сям возвышались какие-то каменные глыбы, валялись повсюду черепки, обломки керамики, покрытые глазурью. Поодаль виднелись палатки. Тогда человек, усевшийся на кувшине, понял, что он набрел на площадку, где происходят археологические раскопки.

Его крик в гулкую пустоту кувшина был, оказывается, услышан в палатках. Из одной палатки вышел археолог, некоторое время он вглядывался в человека, рассеявшегося на археологической ценности, затем взмахнул рукой и сердито крикнул:

— Отойдите от кувшина, сидеть на нем нельзя!

Сидевший поспешно вскочил и, не возразив ни словом, ни жестом, пошел прочь.

«Дорогая Дня!

Несколько дней тому назад мы начали раскопки

могильника, обнаруженного нами в конце городища. Самое интересное для нас то, что в могильнике мы обнаружили захоронения нескольких типов. Рядом с более обычными, каменными и черепичными могилами мы наткнулись на кувшины, используемые для захоронения людей. Это-то и представляет для меня самый большой интерес.

Кувшины эти сделаны из красной глины, обожжены и практически не отличаются от кувшинов, в которых мы, грузины, храним вино и по сей день.

Хоронить умерших в кувшинах из-под вина в древности было в обычае у шумеров, протохеттов и других народов Средиземноморья, в том числе, очевидно, и у предков грузин.

Грузия — страна виноградной лозы, а значит, и вина, а значит, и кувшинов для хранения вина. Некоторые считают, что само слово «вино» пришло к другим народам из грузинского языка. Было бы странно, если бы кувшины не вошли в быт грузин в самые древнейшие времена.

Раскопанные нами кувшины использовались для захоронения покойников. В кувшинах вместе с останками покойных мы находим много мелкой глиняной посуды и украшений.

Когда я глядел на бусы и украшения, то представлял их на твоей шее и груди, и в такую минуту они вновь оживали, рождая чувства нежности и любви.

Случайно ребята положили два кувшина горлами друг к другу, это вызвало у меня мысль о непреходящем стремлении людей друг к другу, и эту свою мысль я тотчас же перенес на бумагу.

Юноша и девушка тянутся друг к другу, чтобы соединиться в поцелуе, и мне видятся праздником вечной любви, побеждающей смерть. Юноша похож на меня, а девушка — на тебя.

Если этот рисунок-шутка вызовет в тебе другое, неприятное чувство, порви его, сожги или пусти по ветру.

Как обидно, что в такое важное для меня время тебя нет здесь и ты не радуешься вместе со мной удачным раскопкам.

Прошу тебя, отложи все дела и незамедлительно приезжай.

Без тебя мне здесь очень плохо. Все время думаю

о тебе, не могу полностью сосредоточиться на работе. Целую и обнимаю тебя. Жду с нетерпением. Твой
Гурам».

Много раз перечитала Дия это письмо, гладила его своей теплой и нежной ладонью, прижимала к теплой и нежной щеке. Как еще она могла передать свою ласку? Потом спохватилась и взглянула на часы. Автобус уходил через час. Она собрала чемодан и спустилась по лестнице. Вскоре автобус вез ее в сторону Нижней Картли. За окном тянулись зеленые склоны ближайших холмов и каменные шатры более отдаленных гор. Взгляд Дии скользил по ним, но она их и видела, и не видела. Она думала о другом, о своем.

3

ИЗ дневника Гурама Вашадзе

«Три дня, как приехала Дия, и все эти дни мне кажется, что нет на свете человека счастливее меня. Она все время на раскопках вместе с нами, помогает обрабатывать найденные вещи, она подобна здесь празднику жизни и красоты, который бросает вызов этим могилам, черепкам, костям, который заставляет забыть нас о существовании и неизбежности смерти. Гляжу ли на нее, доносится ли до меня ее звонкий беззаботный смех, само слово «смерть» словно теряет смысл. Перестаю верить в ее неизбежность, непобедимость, и это — находясь, можно сказать, в царстве смерти, среди скелетов, черепков, праха.

Захоронения расположены так, чтобы в случае второго пришествия мертвецы, воскреснув и встав, оказались бы лицом к востоку. Но покойников в этих могилах, вернее сказать, бывших покойников в этих могилах, боюсь, не волнует уже ничто: ни жизнь, ни смерть, ни второе пришествие, ни судный день, когда пришлось бы держать ответ за содеянные грехи.

Они — ничто. Они — вне бытия. Они — вне времени и пространства. Вокруг них не копошатся даже черви и муравьи. Все, что можно было с них взять, взято.

Древние евреи, а затем и христиане поступали с покойниками жестоко. «Из земли взят и в землю тую

же пойдешь». С этими словами опускали умершего в могилу, отдавали его тело сырой земле, где оно должно было разложиться, оставляли на съедение червям.

То, что этот способ считался неизбежным и данным от бога, хорошо видно из отношения к нему библейского Иова. Темную могилу многострадальный Иов считал своим домом.

Захоронение человека в кувшине из-под вина не отличается существенно от еврейских и христианских обычаев. Кувшин ведь не закрывается герметически, и труп ждет та же участь, что и в обычном гробу или просто в саване, как это принято у мусульман.

Индусы (и славяне до принятия христианства) сжигали покойников на огне.

Древние египтяне были единственным известным истории народом, который не предавал покойника ни огню, ни земле. По представлениям древних египтян, между душой и телом связь не прерывается и после смерти, то есть после их внешнего разъединения. Поэтому тело должно сохраниться неразложившимся, оно не должно терять своей формы. Душа человека после смерти претерпевает множество изменений и превращений, но все равно она не теряет связи со своим временным «жилищем», которое ей пришлось покинуть, поэтому это «жилище» должно сохраниться. Его пропитывали благовониями, бальзамировали, превращали в мумию.

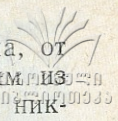
Грузины в прошлом называли усыпальницу «хранилищем для костей», «местом для закладывания костей».

Костям в прошлом приписывали также и магическую силу.

Кости полководца, прославившегося при жизни своими победами, хранили после его смерти, как святыню, несли впереди войска на поле битвы.

Один из английских вождей, непобедимый в битвах, завещал отделить после его смерти мясо от костей, мясо похоронить в земле, кости же беречь как талисман, приносящий победу.

Впрочем, надо сказать, что всем суевериям и фантазиям людей прошлого, уже тогда, в древние времена сопутствовал скепсис. Видимо, люди не до конца или, по крайней мере, не все верили в реальность загробной жизни или, может быть, и верили, но не счита-

ли ее полноценной. Жизнь души в отрыве от тела, от земных страстей и мучений иногда или некоторым из них казалась малопривлекательной, а то и вовсе ничемной.

Неподражаемый герой «Илиады» Ахилл не может смириться с жизнью теней в Элизиуме.

«Благородный Улисс! — горестно восклицает он, говоря с Одиссеем, — Не воздавай хвалы жизни умерших. Царствованию в мире покойников я предпочел бы земную жизнь бездомного поденщика и раба, в поте лица добывающего себе пропитание».

С этим перекликается и мудрая армянская пословица: «Под лошадиным копытом быть—лишь бы жить». Кажется, римляне говорили в том же духе: «Лучше быть живой собакой, чем мертвым львом». Во все времена человека беспокоил вопрос — что ждет его после смерти? Но кто знает? Может быть, прав мудрец, который сказал: «Ты спрашиваешь, где ты будешь находиться после смерти? Там, где находятся те, кто еще не родился!»

А сколько фантазии, сколько поэзии в мифологии древних египтян и древних греков!

По представлениям древних греков, сон и смерть—родные брат и сестра. Они дети одной матери — ночи, и нет между ними существенной разницы. Будто бы и спящие и умершие видят одни и те же сны. И вот теперь здесь, на территории могильника эллинистической эпохи спим в своих палатках мы, археологи двадцатого века. Живые люди, спим рядом с теми, кто уснул двадцать веков назад. Но боюсь, что положение наше не одинаково, мы не равны. Мы-то можем силой нашей мечты, нашего воображения, на крыльях мысли перенестись в их время, а вот они в наше... Или же погруженные, вроде меня, в любовное блаженство, испытывать ту радость жизни, когда люди приравниваются к богам и сами создают по образу и подобию своему продолжающих эту жизнь.

...Завтра, между прочим, привезут сюда переселенцев из Имеретии. Сразу целую деревню. Новая деревня здесь для них уже построена. Коттеджи готовы, школа готова. Скоро она наполнится детскими звонкими голосами. Новоселы разожгут свои очаги там, где горели очаги наших предков тысячи лет назад.

Кстати, один коттедж в новом поселке пообещали и мне. Если они сдержат свое слово, счастливейшее мое не будет на земле человека. Ведь и Дия тогда переедет жить сюда, ко мне».

4

Поезд резко затормозил, дернулся. От толчка посыпались с полок вещи. Шио проснулся, открыл глаза, приподнялся на постели. Испуганные, не вовремя разбуженные дети заплакали в разных концах вагона. Шио посмотрел в окно, однако ничего не увидел: за окном была непроницаемая ночная темнота. В вагоне было холодно. Шио вспомнил, как вечером он поругался с проводником, как потом разыскал начальника поезда, поругался и с ним. Но толку от всего этого было мало. Топлива у них не было, а криком и размахиванием рук поезда не нагреешь. Пассажиры дрожали от холода.

Дети постепенно уgomонились, затихли. Их матери, укpывшиеся кое-как, тоже, как видно, уснули. Наконец и мужчин сморил сон. Шио долго не мог уснуть. Но усталость взяла свое. Мысли стали туманиться, раздраженность притупилась, он задремал. И тут поезд дернулся снова, да так, что Шио едва не слетел с полки. Он опять, как и при первом толчке, посмотрел в окно и на этот раз увидел, что понемногу светает. За стеной вагона дул сильный ветер. Он раскачивал заиндевшие ветви деревьев, гнал по земле сухие мороженые листья. Нетрудно было вообразить, насколько пронзителен и холоден этот ветер, тем более, что он проникал в щели окон, выдувая из вагонов остатки тепла. Поезд пошел снова, но вскоре замедлил ход и остановился. Паровоз протяжно свистнул и тяжело засопел, выпустив белое облако пара.

Пассажиры засуетились. Сразу в вагоне сделалось тесно. Опять заплакали дети. Но не эта суета и не этот детский плач волновали Шио. Он всматривался в маленькую станцию и не видел там ни души. У него как-то сразу оборвалось и заболело сердце. Он выбежал из вагона, обежал вокруг безлюдный станционный домик и не обнаружил никого и ничего. Никого — это значит тех, кто должен был встретить переселенцев, а ничего — это значит машин для перевозки люда и их

41935340
41935339

скарба. Сама станция и земля вокруг нее были проморожены, продуты холодными ветрами и пустынно.

— Как же так? — бормотал про себя Шио. — Что же я буду делать с людьми на этом холоде?.. Дети... Женщины... Куда же с ними деваться? Под открытым небом... Мороз, ветер... Пронизывает до самых костей...

Тут Шио увидел дежурного по станции и со всех ног бросился к нему: последняя соломинка, за которую можно ухватиться.

— Нас должны были встречать на машинах, — кричал Шио дежурному по станции, — но никого не видно. Где же они? Не могу же я детей выбросить из вагонов на мороз. Они достаточно назяблись и в вагонах.

Дежурный выглядел невыспавшимся. Он осоловело уставился на кричащего Шио и никак не мог взять в толк, что произошло и что от него хотят.

— Где машины? — кричал между тем Шио. — Говори, где машины? Куда мне девать людей? — Шио до того разъярился, что схватил дежурного за плечи и сильно его тряхнул.

Дежурный как будто окончательно проснулся, пришел в себя, но ничего он не мог сделать, кроме как развести руками:

— Не знаю я никаких ваших машин, меня никто ни о чем не предупреждал. Понимаешь или нет — не предупреждали меня!

Шио понял, что никакого толку больше от дежурного он не добьется. Еще раз он огляделся вокруг, еще раз убедился, что вокруг пустынно и холодно. Надо срочно идти в поселок, в райком, искать начальство. Людям, высовывающимся с вагонных площадок, он крикнул:

— Какое-то недоразумение. Машин нет. Встречающих нет. Я бегу в райком. Сейчас же вернусь обратно. Пока всем оставаться в поезде. Вещей не выгружать.

Вслед ему неслись из поезда ругательства, если не проклятья. Но он уже ничего не слышал, он почти бегом устремился вниз, туда, где, конечно, еще спал в этот ранний час районный поселок. Возмущению Шио не было никакой меры. Непонятная безалаберность, непонятная неорганизованность, непонятная безответственность. Шио быстро шел встреч морозного ветра, а

сам все спрашивал и спрашивал с районного начальства: как? почему? Как получилось, что к переселенцам проявлена такая непростительная невнимательность? Люди снялись с родных мест, покинули родные места, они доверились, погрузились в поезд со всем своим скарбом, со всеми чадами и домочадцами, а здесь их даже не встретили, не прислали машин. В тюрьму, в тюрьму за такие дела!

Больше всего Шио злился на директора школы Мириана. То есть на будущего директора будущей школы в будущем поселке. Впрочем, не совсем так. И поселок уже построен, и школа построена, и директор получил назначение. Но колесики жизни еще не завертелись во всем этом механизме.

Вот этого-то директора Мириана Шио и послал три дня тому назад в эти места, чтобы он все приготовил к приезду переселенцев. Он должен был войти в контакт с райкомом, с райисполкомом, прислать машины на станцию. Конечно, Мириан — довольно беспечный и безалаберный человек, но местное руководство?.. Если в Тбилиси узнают о таком бездушном отношении к мероприятию, которое считается правительственным... да ни одного дня не продержится местное руководство на своих местах!

Так бормотал про себя в раздражении Шио, приближаясь к районному центру.

— Нет, произошло что-нибудь непредусмотренное, непредсказуемое. Ну просто невозможно поверить, что машины на станцию не прислали просто так, по халатности.

Еще окончательно не рассвело, поселок еще спал в это холодное зимнее утро. Наверняка и в райкоме, и в райисполкоме никого еще нет. Шио, запыхавшийся от быстрой ходьбы, завернул к школе. Расчет его оказался правильным, в школе он нашел сторожа: все-таки живой человек.

— Как же, знаю, знаю, — заговорил сторож, — и директора вашего знаю, и то, что вы должны приехать с людьми, мне известно. И начальство местное тоже знает... Наверное, они ждали вас попозже. Или, может, увлеклись и забыли...

— Да где они все?

— Хаши в ресторане едят. И райком, и райиспол-

ком, и директор ваш там... Да вы не бегите, не торопитесь. Не могут же они управиться с хаши так быстро. Не торопитесь, успеете...

— Что-о? Хаши?! — Шио не поверил своим ушам. Как хаши? Там же, на станции под холодным ветром женщины, дети... Правительственное мероприятие... Переселение... Дети продрогли... Правду ли ты говоришь? Не ошибаешься?

— Какая может быть ошибка? Сам видел. Ну, правда, и машины там для перевозки людей... А они зашли хаши поест. Сами знаете — раннее утро, самое время для хаши. И райком, и райисполком там, и ваш директор... Своими глазами видел, как все они, примерно так с час тому назад, зашли в ресторан.

Шио уже не слушал старика. Весь кипя от негодования и возмущения, он бросился к ресторану. Бежать он уже не мог, выдохся, перешел на шаг.

Чтобы попасть на главную улицу райцентра, не пришлось никуда сворачивать и искать. Еще издали Шио увидел пеструю, аляповатую вывеску ресторана. Перед рестораном действительно стояли грузовые автомашины. Шио насчитал десять машин. Шоферы сошлись все вместе, группой, чему-то смеялись. Шио молча прошел мимо них, побежал вверх по лестнице, толкнул дверь, оказался на пороге просторной комнаты. Только за одним столом сидели люди. Их было пятеро: секретарь райкома, председатель райисполкома, Мириан и двое не знакомых Шио людей.

Мириан стоял и в одной руке держал бокал с вином, другой рукой красиво водил, рассказывая что-то, отчего слушатели громко хохотали. Вдруг он увидел Шио, стоящего на пороге, и опустил бокал. Речь его прервалась, нижняя челюсть отвисла, рот остался открытым, и весь он сразу обмяк, словно проколотый детский шарик.

— Шио? — словно бы удивился Мириан. — Разве уже приехали? Так рано?

Мириан поглядел на часы, хлопнул себя ладонью по лбу.

— Убей меня, задуши меня своими руками! Не знаю, что такое со мной случилось!

Шио, когда шел в ресторан, настроился на ссору, на скандал, на крик, на ругань, на привлечение к от-

ветственности. Но испуганное, виноватое, а более того, умоляющее лицо Мириана обезоружило его. Сразу же примириться со всем и все простить он не мог, но как-то оттаял и отошел. Растерял все, что вертелось на языке, не мог выдать из себя ни слова. Все сидевшие за столом вскочили, засуетились:

— Сейчас, Шио, дорогой Шио, идем, Шио, все будет в порядке, не беспокойтесь, машины же наготове...

Районное начальство уселось в легковую машину. Шио и Мириана они пригласили к себе, но Шио решительно ушел в кабину грузовика и хотя бы этим выразил свое возмущение и свою обиду. Мириан тоже метнулся к нему:

— Я с тобой, Шио, как-нибудь поместимся. — Директор школы втиснулся в кабину, машина тронулась.

— Ты вправе убить меня, Шио, — лепетал Мириан. — Не знаю, что со мной случилось. В какое положение я поставил и тебя, и всех людей! Но ты ведь меня немножко знаешь... Несчастный у меня характер, не умею людям отказывать. Хорошо еще, что я не родился женщиной. Хи-хи. Дурак я, идиот. Бог не дал мне способности сопротивляться. Как пригласили меня на хаши, так я и не смог отказаться. Кретин я — одно слово, кретин. Но ты все-таки должен понять меня и простить, Шио. Лишь бы ты меня понял и простил. Об остальных я не беспокоюсь. Не такое уж непоправимое несчастье... Ну, опоздали на полчаса, на час, подумаешь... Им, людям, еще всю жизнь здесь жить, что такое полчаса или час по сравнению с целой жизнью? Нет, Шио, ты повернись, взгляни в мою сторону.

Мириан обнял Шио за плечи, прижался к нему, как провинившийся ребенок, и даже запел какую-то песенку.

Шио был уже другим, нежели когда от поезда шел к поселку. Недавней злости не осталось в нем и следа. Он начал подмурлыкивать песенке Мириана, которую вслед за ними подхватил и шофер. Так с песней они и подкатили к станции.

5

Два-три дня деревня, заселенная переселенцами, походила на развороченный пчелиный улей. Ведь не самое главное было разложить в новом доме вещи и

скарб. Надо было заботливым, ревнивым хозяйским глазом осмотреть каждый уголок и дома и усадьбы, все проверить, все освоить. Надо было еще и побывать в других домах, посетить соседей, взглянуть, как у них, лучше или хуже.

Боль от того, что пришлось сниматься со старых, насиженных, дедами и прадедами освоенных мест, где выросло и ушло в землю столько поколений родных людей, эта боль утихала понемногу от радости новизны, заслонялась тысячами мелких, повседневных, ежечасных и ежеминутных забот. Новые дымки потянулись вверх от огней, разведенных в новых очагах.

Через три дня в новой школе прозвенел первый звонок. Перед этим Мириан вместе со всеми учителями еще раз обошли здание школы, проверили инвентарь, оборудование учебных лабораторий. Учителя не могли скрыть восторга, садились за парты, пробовали прочность столов и стульев, зажигали и выключали свет, отворачивая краны, пускали воду.

Когда кончился первый учебный день, Мириан оставил всех учителей и устроил заседание педсовета. Он поздравил педагогов с новым зданием школы и с новосельем.

— Ну, какова наша новая школа? — спросил он.

Послышались возгласы одобрения:

— Великолепно.

— Прекрасно.

— Превосходно.

— Со старой школой нельзя и сравнить.

— Но некоторые из вас, насколько мне известно, не очень охотно согласились переезжать сюда, на новое место.

— Нас можно понять, — ответил за всех учитель математики. — Тяжело и больно оставлять родные насиженные места, там ведь кладбища, могилы наших отцов, матерей и вообще предков.

— Родные воздух, земля, вода... — поддержал кто-то еще своего коллегу.

— Воздух, наверное, и здесь не хуже, а здешняя земля когда-то славилась плодородием.

— Все это правильно, но вы ведь знаете, батано, в народе говорят: кто где родился, тот там и пригодился.

— Знаю, знаю, привычные невзгоды для вас луч-

ше, чем непривычные радости. Но подождите немного, привыкнете и к этим местам. Потом вы отсюда не то что по своей воле, но если даже будут прогонять, никуда не уйдете.

— Наверное, так и будет.

— Кроме того, не только о себе мы должны думать. Нас должно заботить будущее наших детей и нашей земли.

— Правильно, Мириан-батано, но...

— Никаких «но». Теперь этот спор уже не имеет смысла. Поселились и конец! Пройдет время, и вы не перестанете благодарить зачинателей этого дела.

Мириан встал.

— А сейчас я приглашаю всех к себе. Отметить начало учебы в новой школе.

Педагоги оживились и поднялись.

Директор всегда умел угостить сотрудников в своем доме, и на этот раз никто не удивился его приглашению.

— Когда вы успели, Мириан-батано?

— Приготовить хлеб-соль? Что я мог успеть? Все прислали из отдела народного образования. Но стол надо накрыть, так что дело за вами, женщины! Похозяйничайте в моем холостяцком доме, а мы, мужчины, пока посидим еще тут с полчаса.

— Ни о чем не беспокойтесь. И на стол накроем, и, если чего не хватает, добавим своего.

— Не хватает! Птичьего молока, и того не забыли. Вот ключи от моего дома. Стол накроете наверху, на веранде. Немного приберите там заодно, а то вы ведь знаете как бывает у одинокого человека... беспорядок.

— Ни о чем не думайте, Мириан-батано, подождите здесь, и все будет соответственно дому директора. — Цицино взяла у директора ключ и повела учительниц к дому Мириана.

Через час директор и все мужчины-учителя поднялись по лестнице директорского коттеджа. Мириан подвел гостей к перилам веранды и повел рукой, как бы приглашая посмотреть окрестности.

— Великолепный вид. Все ущелье как на ладони.

— Красиво... — согласился кто-то из учителей, — но все же хоть в одном согласитесь с нами — с нашей Имеретией все равно не сравнится.

УДК 82.09
ББК 84.030.01

— Ну... ландшафт, конечно, иной, но и в нем есть своя прелесть.

— А что там виднеется на горизонте?

— Это кувшины для вина. Старинные, и не просто старинные, древнейшие кувшины. Там археологи ведут раскопки. Я как раз вчера был там и видел эти кувшины вблизи. Оказывается, наши предки в таких кувшинах хоронили покойников. Как раз на такой могильник и наткнулись археологи.

— А знаешь ли ты, кто руководит там раскопками? — спросил Шио.

— Я не поинтересовался, да и не у кого было спросить, разве что у этих кувшинов.

— Руководит археологами сын нашего Сандро — Гурам.

— Что ты говоришь? У Сандро уже такой взрослый сын? Хотя да. Сандро ведь был старше меня, и когда он погиб, мальчик уже был подростком.

— Как-нибудь надо будет сходить туда и посмотреть на эти раскопки. Говорят, там очень интересные находки.

— Обязательно сходим. Ну, а теперь все за стол.

Тамадой стал сам хозяин дома Мириан, и вскоре за столом послышался смех, голоса сделались оживленнее и громче, а потом и смех, и громкие голоса как-то сами собой слились и преобразовались в рокошующее, слаженное пение. От песни даже потолок комнаты как будто приподнялся, да и стены раздались, сделалось просторнее и вольготнее.

6

Коттеджи в поселке были похожи друг на друга, как близнецы. Дома, доставшиеся директору школы и учителям, располагались вблизи школы. Около каждого коттеджа был свой двор и свой участок земли, огороженный провололочной сеткой. Уже на другой день новоселы дружно вышли на свои участки копать, взрыхлять, сажать. Сажали они фруктовые деревья, что касается Шио, то он с двумя сыновьями взрыхлял землю под виноградник.

— Интересно, какое получится вино из здешнего

винограда? — спросил Автандил, остановившись отдохнуть и опершись на лопату. — Как думаешь, отец?

— Какое? Сам пока не знаю. Но говорили, что здешнее не уступает даже кахетинскому.

— Неужели лучше, чем у нас в Имеретии?

— Наше вино кислее.

В это время Шио окликнули. Он обернулся на крик и увидел, что у калитки стоит молодой улыбающийся мужчина. По непринужденности позы, по улыбке видно было, что он чувствует себя в этих местах своим человеком. Не дожидаясь, когда Шио подойдет к нему, он сам толкнул калитку и вошел в огороженный участок.

— Работаете? Боретесь с землей? А образование не мешает? — продолжая улыбаться, говорил пришедший.

— Что поделаешь, — в тон ему отвечал Шио, — ведь вся жизнь есть борьба. Когда свободны от школы, ковыряемся на участке, возделываем нашу благословенную землю. Да и мои мальчишки тоже... Здравствуй, Гурам!

— Здравствуй, дядя Шио! Какими богатырями стали твои мальчишки.

Шио и Гурам обнялись и расцеловались.

— Я сам хотел разыскать тебя, Гурам, но ты меня, видишь, опередил.

— О чем ты говоришь, дядя Шио! Я в первый же день, как вы приехали, собирался подняться к вам, но эти могильники, которые мы раскопали... Весь ученый Тбилиси понаехал к нам.

— Нашли что-нибудь важное, интересное?

— Очень интересное. Образцы искусства эллинистической эпохи. Дорогие украшения, предметы из золота и керамики, выполненные с редким мастерством!

— Поздравляю! Это хорошо. Но если бы вы обнаружили образцы нашей письменности — вот это было бы открытие!

— О-о! Это мечта каждого грузинского археолога, но пока, к сожалению, ничего не видно.

— Зайдем в дом и там побеседуем, — обнял Шио Гурама.

— Ну-ка, мальчишки, хватит и вам служить отечеству и дому, пошли.

34935340
210933

Мальчишки воткнули лопаты в землю и последовали за старшими.

Цицино встретила Гурама как родного сына, расцеловала и стала расспрашивать.

— Говорят, ты женился на красавице. Почему до сих пор нам ее не показал?

— Как я мог ее показать, тетя Цицино, я здесь, а она в Тбилиси.

— Эх, это не годится, молодожены должны жить вместе.

— Мы и будем жить вместе. Мне вот обещали один коттедж здесь, недалеко от вас, и если для Дии найдется подходящая работа... мы станем вашими соседями.

— Что может быть лучше! А теперь скажи мне, какое образование у твоей жены? — спросил Шио.

— Врач она, детский врач, педиатр.

— Ну и пусть работает у нас школьным врачом.

— Разве есть место?

— Есть. Наш прежний врач не захотел оставить старые обжитые места и не поехал с нами. Так что место свободно.

Цицино накрывала на стол, суетилась, шутила.

— Садитесь, Гурам, сынок. Для этих тружеников-земледельцев я приготовила домашний ужин. Тебя не ждали, поэтому не осуждай нас за бедный прием.

— Ну что вы, тетя Цицино! Я недавно пообедал, так что все равно ничего не хочу. Так просто присяду, поговорим, побеседуем.

— И вина не выпьешь, нашего? — хитро улыбнулся ему Шио.

— От вашего вина отказаться не смогу.

— Ну и будем попивать из этого кувшинчика, будем мирно беседовать. Ты мне так и не ответил. Согласится твоя жена быть школьным врачом?

— Согласится ли? Что за вопрос, с радостью пойдет, но только...

— Что «только»?

— Я не смогу просить об этом директора, Мириана. А если и попрошу, едва ли он для меня это сделает.

— В этом положишься на меня, я с ним обо всем договорюсь.

Шио наполнил два стакана, один поставил перед Гурамом, чокнулся и коротко провозгласил:

— За нашу первую встречу на этой новой земле, в новом доме.

— За встречу, — ответил Гурам, — пусть моя нога, нога первого гостя в вашем доме будет счастливой для вас. Здоровье и радость, достаток и веселье. Чтобы множилась под новой крышей ваша семья.

Утомленные работой, проголодавшиеся парни с аппетитом принялись за еду. Взрослые ели тоже с удовольствием, но внешне сдержанно, словно бы нехотя.

Гурам отщипнул хачапури, потянулся к фруктам. Шио спросил у него:

— Почему ты не хочешь сам обратиться к директору и почему думаешь, что Мириан не поможет тебе с устройством жены?

— Не поможет. Я знаю его давно, знаю все его и старые, и новые грешки. Если бы его воля, он не то что устроить на работу мою жену, он и самого меня убрал бы куда-нибудь подальше. Недавно его наградили медалью Гогешашвили. Я где-то обмолвился, что раньше он считал своей заслугой ругать этого славного деятеля грузинского просвещения и получил за это награды, а теперь получает награды за то, что хвалит и превозносит. До него дошли каким-то образом мои слова. Говорят, был так разъярен, что чуть-чуть дело не дошло до инфаркта. С тех пор отводит от меня глаза, избегает встреч.

— А зачем ты это говорил? Ну, ошибался человек в молодости. Если же теперь он понял свою ошибку, исправился, зачем его попрекать?

— Если бы он публично раскаялся, поняли бы его, простили, даже одобрили бы этот его поступок. Чистосердечное раскаяние всегда можно понять. Но он этого не делает. Напротив, он стремится уничтожить в библиотеках те газеты, в которых напечатаны его статьи о Гогешашвили. Он обливал Гогешашвили грязью, и ему за это аплодировали. Теперь он восхваляет Гогешашвили, и ему опять аплодируют, даже вот наградили медалью. Если что-нибудь сейчас переменялось бы и снова наш классик попал бы в опалу, под огонь критики, я убежден, Мириан опять возвратился бы на свои прежние позиции...

все
34135348
10033

Гурам даже покраснел от возмущения, говоря это.

— Успокойся, не горячись. Будем ценить человека за его сегодняшние дела, зачем копаться в его прошлом... Он трудится на благо земли и народа, воспитывает молодое поколение... — Шио подлил вина в стаканы.

— Нет, по такому примеру я не могу ни жить, ни работать. Я представитель другого поколения. Забыть проступок — это тоже проступок.

— Вы молоды, у вас впереди вся жизнь. Вам должно быть доступно чувство милосердия. Что тебе даст выискивание прошлых ошибок человека... Я тебе не советую... Кстати... Мириан собирается на этих днях посмотреть на ваши раскопки. Ты уж, пожалуйста, не обижай его, встретить как положено.

— Встречу обыкновенно. В восторг от его визита я не приду, но и оскорблять или обижать не собираюсь.

— Так будет лучше. Спокойствие во всех делах — самая необходимая вещь. А теперь скажи — ты ведь, помнится, собирался писать роман, для этого и забрался сюда. И как у тебя идут дела?

— Дело продвигается, но мне нужен еще хотя бы год.

— Год — вовсе не так уж много. Роман, наверное, исторический?

— Да, о Бахтриони. О том, как шах Аббас переселил на грузинскую землю чуждое племя, о том, как это племя размножилось, угрожало поглотить грузин или, говоря научным языком, — ассимилировать, о том, как грузины, поняв опасность, сговорились и полностью истребили в Кахетии пришельцев.

— Неужели возможно поглотить целый народ?

— Возможно. В истории много тому примеров, когда целые народы исчезали с лица земли, и не потому, что их истребляли, а потому, что они растворялись в более многочисленных и более сильных племенах. Наши предки обнаружили большую дальновидность и энергию. Если бы в свое время они не взялись за оружие, не было бы теперь у нас ни Кахетии, ни Тбилиси.

— Возможно, так и было бы. Недаром этот подвиг наших предков воспет и в народной поэзии, и в ли-

тературе. Вспомним хотя бы «Бахтриони» Важа Пшавела.

— В те времена вопрос решался просто: кто — кого. Теперь, когда разные народы живут в мирном соседстве, дружно, никому и в голову не придет истреблять друг друга. Но все же проблема остается. Два народа, живущие по соседству, могут приумножаться по-разному. Возьми нас, грузин. Наши семьи успокаиваются на одном-двух детях. Если так будет продолжаться и дальше, мы просто-напросто вымерем.

— Да, малодетность и бездетность — большое наше несчастье.

— Мы сами занялись тем, чего не смогли сделать Тамерлан и шах Аббас, мы занялись самоуничтожением. Исчезнет грузинский народ, и даже памяти не останется о нас.

— Я тоже об этом много думаю, но где же выход из положения?

— Выход один. Надо женщину освободить от работы, вернуть ее дому и семье. У нас в Грузии сейчас ну прямо поветрие какое-то: высшее образование! Обязательно — высшее образование! А заботиться надо было бы в первую очередь о рождении детей. Сам посуди, на что это похоже: все мужчины и женщины тратят свои самые лучшие годы, свои самые молодые и здоровые годы на получение дипломов, вместо того, чтобы приумножать семьи и рожать детей. Сегодня для нас, грузин, было бы лучше иметь побольше многодетных матерей, чем женщин с дипломами. Эти женщины и для семьи уже не годятся, и для нашей культуры от них пользы не много.

— Все чувствуют, что положение ненормально, но выхода никто не находит. Ты тоже ведь упрощаешь эту сложную проблему. Образованный муж и необразованная жена — тоже не идеальная пара. Ну ладно, этой проблемы нам с тобой сейчас не решить. Скажи лучше, ты давно уже здесь работаешь?

— Больше года.

— Доволен?

— Конечно. Свободного времени у меня достаточно. Использую его на изучение этнографии, на собиранье фольклора.

— А местный язык уже освоил?

— Я немного и раньше его знал. А сейчас у меня на раскопках местные ребята работают. Приходится общаться, разговаривать, ну и над словарями я покорпел — ты же меня знаешь. Одним словом, не только говорить, но и писать могу свободно.

— Молодец. Если берешься за какое-нибудь дело, надо его осваивать основательно.

— Знание языка очень помогло мне. Я записал прекрасные песни, сказки, легенды. В них быт, история, а главное — своеобразно отражены взаимоотношения с грузинами. И вообще я хорошо изучил этот уголок земли. Вдоль и поперек исходил его пешком. По всем признакам этот край когда-то был очень развитым, передовым и богатым. Сохранилось множество великолепных памятников зодчества. Повсюду остатки каналов, оросительных систем, развалины крепостей. В прошлом году я набрел на древнейшую церковь. Крыша сорвана, дождями смыло все фрески, но каменные орнаменты сохранились. Церковь оказалась времен Тамар. Вакушти упоминает о ней как о «добротном построенном храме с куполом». Я сделал план храма, послал его в Тбилиси. Храм поставили на учет как исторический и художественный памятник архитектуры. В этом году, полагаю, начнутся реставрационные работы.

— Хорошее дело ты сделал. Пора нам обратить внимание на наши забытые уголки. Впрямь, сколько пользы от того, что ты живешь и работаешь здесь, а не в Тбилиси!

— Если человек хочет трудиться, он везде найдет себе дело. Но я все-таки думаю, что ты прав. Жить здесь для меня полезнее, чем в большом городе.

Мальчишки закончили ужин, извинились и встали из-за стола.

Гурам восторженно глядел на повзрослевших, ставших уже юношами, рослых, красивых братьев.

— Какими удалыми молодцами выросли!

— Да, ничего, должны превзойти отца, — горделиво сказал Шио.

— Так и должно быть, чтобы сын превосходил отца. Тариэл, кажется, в этом году заканчивает школу?

— Да, дядя Гурам, в этом году заканчиваю школу.

— А где затем будешь учиться, на каком факультете?

— Хотелось бы поступить на исторический, — застенчиво сказал Тариэл и опустил голову.

— Да, помню, ты любил читать исторические книги. Знаешь, что я тебе скажу, давай приходи ко мне, поработаешь на раскопках, заодно я позанимаюсь немного с тобой.

— Если ты так добр! — просияло лицо у Шио.

— Как можно, чтобы вы теряли на меня время, дядя Гурам, — запротестовал Тариэл.

— Что значит — терять время! Завтра же приходи, оформлю тебя рабочим на раскопки, практически познакомишься с археологией и к тому же заработаешь немного. И это не вредно такому юноше, как ты.

— Меня деньги вовсе не интересуют...

— Деньги? Деньги — это грязь, пристающая к рукам, но без них тоже нельзя. Одним словом, жду тебя завтра.

Гурам поднялся, взглянул на ручные часы.

— Пойду, а то уже поздно.

— В другой раз без жены не приходи. Пожелаем счастья твоей новой семье, — сказал Шио, подал полный стакан Гураму и, прищурясь, стал пить вино.

Вся семья проводила Гурама до калитки и там распрощалась с ним.

7

Дия рано лишилась отца. Мать поздно возвращалась с работы, поэтому девочка с детства привыкла к самостоятельной жизни.

Она и в детском возрасте была прехорошенькой девочкой, когда же миновала возраст подростка и расцвела девичьей красотой, глаз от нее оторвать было уже нельзя. Взгляд каждого останавливался на ней. Каждый парень стремился заговорить с ней, познакомиться. Телефон у нее дома звонил непрерывно.

После школы она поступила в медицинский институт.

— Я хочу стать детским врачом, — говорила она матери. — И чужих детей буду лечить, и своих нарожаю. А то что хорошего, что я у вас — единственная

1935
111033

дочь. Не было у меня в детстве ни сестренки, ни братишек, которых я могла бы любить и которые любили бы меня. Не с кем было играть, не к кому приласкаться.

Мать ничего не говорила против. Уставшая, преждевременно постаревшая от ежедневного труда, она надеялась во внуках найти покой и счастье.

Однако Дия в институте едва-едва дотянула до четвертого курса. В конце концов ей стало трудно отбиваться от крутившихся вокруг нее юношей и обузывать их. И мать понимала, что если дочка не выйдет вовремя замуж, то неизвестно еще, на какую дорожку соскользнет, и тогда все труды пойдут даром.

Среди претендентов, потерявших головы от красавицы Дии, было много юношей из богатых семей или сынков именитых родителей, но сердце матери всех больше тяготело к скромному, не имеющему, казалось, никаких шансов, безнадежно влюбленному в ее дочь Гураму.

Гурам слыл способным юношей, и уже громко говорилось о том, что его ждет в науке большая дорога. Но застенчивый по натуре Гурам не кичился ни своими способностями, ни будущим, которое ему пророчили. Всю его жизнь поглощала любовь к Дии. Эту любовь не питали ни честолюбие, ни корысть. Он любил Дию беззаветно и готов был пожертвовать ради этой любви всем, включая и жизнь.

При встречах он ничего не говорил Дии о своей любви, а чувства доверял лишь бумаге. Он писал стихи. Время от времени он приносил свои стихи любимой девушке, однако не позволял читать их в своем присутствии, краснел, смущался и так поспешно уходил, словно оставлял в руках Дии не лист бумаги, а бомбу, которая могла взорваться только в его присутствии.

Нельзя сказать, что эти стихи не тревожили душу девушки. Она всегда мечтала о возвышенной, романтической любви и вот, судя по всему, встретила в жизни именно с такой любовью. Ее сердце уже принадлежало другому, но и поэтическая исповедь Гурама не оставляла ее равнодушной. Постепенно эта доходящая до самозабвения любовь нашла в ней свое тихое и, быть может, неосознанное самой девушкой место.

Дия нарочно так подстраивала, чтобы от их встречи до следующей встречи проходило по крайней мере

несколько дней. Однако условленного дня всегда ждала с волнением, так как знала, что Гурам придет не с пустыми руками, что свои чувства он выплеснет в новые стихи. И она останется наедине с его стихами. Стихи заставят Дию задуматься о той первоизданной чистоте чувств, которая, по мнению многих, в наше время совсем исчезла, выродилась и почти не встречается.

Дии нравились стихи Гурама, но, не доверяя своему вкусу, она давала их читать, не называя автора, знакомым поэтам, профессионалам, и те подтвердили правильность ее впечатления. Для Дии это была большая радость.

Во время следующих встреч с Гурамом Дия хвалила стихи и как могла поощряла его.

— Преступление, — говорила она, — когда человек может писать такие стихи и не пишет их систематически! Кто знает, может, твое призвание — поэзия, а не наука?!

— Что скрывать, мне и самому иногда так кажется, — признался Гурам.

— В твоих стихах такая утонченность и новизна чувств, такая возвышенность и безупречность выражения. Видно, что ты не вчера начал писать стихи.

— С детства пишу, и не только стихи, но и рассказы, — еще больше раскрылся перед девушкой окрыленный похвалой Гурам.

Он обобщил материалы, полученные при раскопках Нижней Картли, начал разыскивать все, что относилось к этой теме, и решил написать серьезное и обширное исследование, монографию.

Между тем в жизни Дии произошли значительные события и перемены. Встречаясь с Гурамом, Дия думала про себя, что ее сердце все же принадлежит другому. Но вопрос их женитьбы считался решенным и был к тому же вопросом самого близкого будущего.

И вот этот действительно красивый юноша, увидавший и крутившийся вокруг Дии, словно ночная бабочка вокруг лампы, вдруг женился на дочери одного влиятельного человека в Москве, переехал жить в столицу, где тотчас перед ним открылись все дороги к диссертациям, ученым степеням, званиям. Короче говоря, любовь к Дии он принес в жертву карьере. На Дию все это обрушилось с внезапностью и силой землетрясения.

Она закрылась у себя в комнате и несколько дней никуда не выходила из дому. В эти дни она поняла, что не так уж безумно любила того парня, но самое любимое ее было крайне уязвлено, а кроме того она оказалась объектом пересудов и сплетен. Гурам же со своей любовью и со своими стихами всегда был тут как тут, но на этот раз и со своей новостью.

Новость его тоже была — из ряда вон.

— Уезжаю на год в Ленинград, к своему научному руководителю, профессору.

— Хорошо, поздравляю, — выговорила Дия, не зная, радоваться или огорчаться отъезду Гурама.

— Хорошо. Но ведь на целый год... Подумай, как же я буду без тебя, — вдруг выпалил Гурам, сам того от себя не ожидая.

— Никогда не была в Ленинграде. Говорят, очень красивый город... — говорила между тем Дия, словно не расслышав, что ей сказал Гурам.

— За чем же дело? Поедем со мной.

Разговор принимал странный и неожиданный поворот, словно у него была своя логика и свое течение, не зависящие от разговаривающих.

— А что я там буду делать и где я там буду жить?

— Где я, там и ты.

— А что ты будешь говорить своему профессору и вообще... людям? Как меня будешь им представлять? Сестрой или женой?

Дия вроде как шутила, но Гурам отозвался вполне серьезно.

— Профессор знает, что у меня нет сестры...

— Что же тогда? Остается вакансия жены. Другого ведь ничего не придумаешь.

— Я уж давно собираюсь просить тебя об этом, — вдруг осмелел Гурам. Он вдруг бросился к девушке, упал перед ней и обнял за колени. — Проси что хочешь, требуй что хочешь, все сделаю для тебя. Я и здесь-то без тебя не могу жить, не то что вдалеке, в Ленинграде, — бормотал Гурам, не переводя духа. Он целовал ей колени, руки, ноги, и девушка сама не почувствовала, как ее рука потянулась к волосам юноши. Дия продела пальцы в его волосы и спросила:

— А с моей мамой ты говорил? Она согласится?

Но это уж само по себе было согласием.

Мать Дии давно выделила Гурама из всех остальных женихов. Беззаветно влюблен молодой ученый, которому все прочат блестящее будущее, сам из хорошей семьи. О каком еще женихе могла она мечтать? Она благословила молодых и ободрила их:

— Это ничего, что у Дии нет отца. Я не хуже мужчины буду служить вам опорой, вам и вашим будущим детям...

В ту ночь мать с дочерью не спали до утра. Перед тем, как сделать решающий в жизни шаг, они впервые вместе перебирали и хорошее и дурное в человеке, с которым навсегда связывали свою судьбу и будущее.

— Слава богу, что я этого дождалась, — говорила мать, — теперь даже если умру, то без забот о тебе, так как оставляю тебя на такого человека, который любит тебя не меньше чем я.

— С сегодняшнего дня — цель моей жизни помогать Гураму. Все сделаю, чтобы его способности полностью раскрылись, чтобы им гордилась не только я, но и весь наш народ, — обещала матери Дия. Она так крепко прижималась к матери, как если бы очень соскучилась по ней, и радостными слезами увлажняла ей грудь и лицо.

Дия и Гурам поженились и уехали в Ленинград. Это событие стало поводом для многих разговоров. Разговоры эти доходили и до матери Дии, пересуды людей наполняли ее сердце гордостью: оказывается, Дия не только самая красивая, но и самая умная, если столько завидных поклонников она оставила ни с чем, а выбор свой остановила на юноше, у которого на сегодняшний день нет ничего, кроме способностей и будущего.

Год в Ленинграде пробежал быстро. Потом наступило лето, которое молодожены провели, как говорят археологи, в поле. Гурам возглавлял раскопки в Нижней Картли. Забот — полон рот. Дия тем временем проходила врачебную практику в местной больнице.

Жили они в палатке, здесь же, на территории раскопок. Каждый с утра и до вечера занимался своим делом.

Осенью вернулись в Тбилиси. Гурам, не разгибая спины, целыми днями просиживал в библиотеках, Дия ходила в институт на лекции. Что касается ее матери,

то у нее, казалось, была единственная забота — внуки, внуки, которые пока не хотели появляться. Время от времени она без обиняков напоминала молодым о том, что время течет очень быстро (вероятно, она в своем возрасте лучше молодых чувствовала это течение времени, несущее ей вместе с сединой холод и грусть неизбежной старости), что она хочет дождаться и увидеть своих внуков, но молодые пока что были непреклонны.

— Пока не получу диплома, о внуках и не мечтай, — отвечала ей дочь, — если я рожу ребенка, как же я буду ходить на лекции? И Гурам должен защитить свою диссертацию. Вот покончим со всем этим и будем рожать тебе одних близнецов, наверстаем упущенное, — все сводила на шутку Дня.

8

Из дневника Гурама Вашадзе

В детстве, когда я жил в деревне, ночью боялся проходить мимо кладбища.

Сейчас палатки стоят на древнем могильнике. Мы раскапываем все новые и новые могилы, глядим на человеческие скелеты, а спим так близко от них, что вроде их и не существует. Они не нарушают нашего покоя, смерть и жизнь находятся рядом друг с другом и друг другу не мешают.

Но разве смерть встречается только около могил?

Вечное сосуществование жизни и смерти в обычных условиях для нас незаметно. Они постоянно борются друг с другом, и об этой непрерывности борьбы мы задумываемся лишь тогда, когда одна из них побеждает другую, когда радуемся возвращению к жизни вышедшего из кризиса больного или когда предаем земле близкого человека.

Смерть почти абстракция, пока не коснется непосредственно нас или близкого нам человека; она как бы для себя, мы — для себя.

Смерть, церемониал проводов покойника — театр для тех, чьих сердец и чувств она непосредственно не коснулась. Поэтому не считаются кощунством шутка и смех вблизи покойника. В том, что это так, я сегодня еще раз убедился.

Был полдень. Меня позвали к телефону в тот момент, когда мы закончили раскапывать новое захоронение и обработали хорошо сохранившийся скелет.

Я поговорил с Тбилиси по телефону, вернулся назад и что же вижу?

В раскопанной могиле стоит Тариэл—сын Шио, в руках держит череп умершего и с выражением читает: «Бедный Йорик!

Это был человек бесконечного остроумия, неистощимый на выдумки. Он тысячу раз таскал меня на спине. А теперь это само отвращение и тошнотой подступает к горлу. Здесь должны были двигаться губы, которые я целовал не знаю сколько раз. Где теперь твои каламбуры, твои смешные выходки, твои куплеты. Где заразительное веселье, охватывавшее всех за столом? Ничего в запасе, чтоб позубоскалить над собственной беззубостью? Полное расслабление? Ну-ка, ступай в будуар великосветской женщины и скажи ей, какую она делается когда-нибудь, несмотря на румяна в дюйм толщиною...»

Монолог закончился.

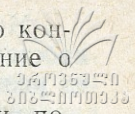
Грянули аплодисменты сгрудившихся вокруг захоронения археологов. За аплодисментами последовали смех и веселые возгласы.

Жизнь продолжается, и смерть ей нипочем. Даже человеку, убитому горем, потерявшему близкого, не хватает сил отказаться от жизни, от человеческих инстинктов, потребностей, удовольствий.

Жизни надо завершить свой путь, пройти от начала до конца свой цикл, и, что бы ни случилось, она должна этот путь пройти. Сколько ни косила бы смерть, каких близких людей она ни коснулась бы, человек не думает о том, что и сам должен умереть, так как предназначенный для него срок воспринимается им как дело далекого будущего.

То будущее кажется ему столь далеким, что его не огорчает неумолимый бег времени, приближение конца жизни с каждым прожитым днем.

Человек знает, что наступление конца неизбежно, но не знает, когда он наступит, и именно это неведение облегчает ему каждодневную жизнь. Человек старается продлить жизнь, как можно дальше отодвинуть тот конец, после которого уже не будет его самого. И по-

тому, что человек не может смириться с мыслью о конце жизни, об исчезновении, он создал представление о продолжении жизни на том свете.

Эти представления, с различными вариантами, повторяют и дополняют друг друга и утверждают веру в вечную жизнь после смерти.

Но от страха смерти и полного исчезновения человека не освобождает и религия. Поэтому ищет он других путей к бессмертию и вечности, поэтому борется за свое продолжение в мыслях и памяти потомков.

В соревновании, в борьбе за бессмертие возникают образцы героизма и высокой нравственности, шедевры литературы и искусства.

Их всех живых существ только у человека есть иллюзия преодоления смерти героизмом или искусством. Эта вера окрыляет его, приводит к самопожертвованию в жизни и творчестве...

Бедный Йорик!

Бедный Йорик!

Мне слышатся горестные слова благородного принца, затем эти слова заглушаются аплодисментами и смехом, и в темную пропасть неверия медленно опускается птица со сломанным крылом веры в бессмертие.

Мириан и Шио давно собирались приехать к нам на раскопки. Мириан все время грозился, что вместе с ним придет руководство района. Еще бы! Он любит пустить пыль в глаза. Повсюду разъезжает на райкомовской и райисполкомовской машинах, и где бы ни накрыли хороший стол, Мириан тут как тут.

И вот гости приехали. Дия, к сожалению, уехала на несколько дней в Тбилиси, и я не мог принять гостей по-семейному. Ну, а что касается руководства района, то Мириан, конечно, не ошибся. Еще два школьных учителя дополняли группу.

Видно, что первый секретарь райкома — человек начитанный, историю этого края он знает хорошо и проявляет интерес к нашим раскопкам.

Он подробно расспросил меня, где и как мы храним добытый материал, пообещал нам поставить выставочное здание и обеспечить охрану нашей территории.

Когда мы закончили нашу экскурсию по раскопкам, я пригласил гостей к себе и угостил их фруктами.

Мириану бросилось в глаза множество расклеванных на стене фотографий Дии. Он подошел поближе и стал их разглядывать.

— Гурам, кто эта красивая женщина, какая-нибудь кинозвезда? — спросил наконец он.

Я на первый раз ничего ему не ответил.

— Марлен Дитрих или Пола Негри? Нет, ни та, ни другая, но лучше их обеих, — продолжал Мириан и переводил взгляд с одного снимка на другой. — Видимо, среди твоих работников нет женщин, что ты душу отводишь на фотографиях?

— Большинство членов экспедиции — женщины...

— Ну и очень хорошо. Выбери самую прекрасную и женись на ней, а то как доживешь до моих лет, выбирать будет труднее.

Только он хотел остановиться в своем красноречии, как вдруг заметил на стене мой шуточный рисунок — обращенные друг к другу два больших кувшина, а из них выглядываем Дия и я.

— Это она? — спросил он, показывая на фотографии.

— Да, — говорю, — она.

— А это ты?

— А это я.

— Молодец! Неплохо устроился, — почему-то раздраженным тоном пробурчал Мириан и вернулся к столу.

— Здесь недалеко, мне говорили, есть бьющий из-под скалы родник, — обратился ко мне секретарь.

— Есть и родник, — подтвердил я, — если хотите попробовать родниковой водички...

— Было бы хорошо.

Я дал знак стоящему у дверей молодому парню, рабочему нашей экспедиции, и тот, взяв медный кувшин, вышел. Рабочего этого звали Ладо Дарбаидзе.

Через некоторое время он возвратился и стал разливать воду из кувшина по стаканам, которые тотчас же запотевали. Пока секретарь смаковал вкусную родниковую воду, Мириан что-то усердно шептал ему на ухо, показывая глазами на парня, ходившего к роднику. Секретарь тоже перевел свой взгляд на Ладо, тот смутился, поставил кувшин на стол и поспешно вышел.

Вскоре и остальные поднялись из-за стола. Секре-

тарь райкома поблагодарил нас и сказал, что в ближайшие дни мы увидимся, чтобы уладить все наши дела. И действительно, уже на другой день он позвонил и попросил зайти к нему в райком.

Принял он меня, можно сказать, по-домашнему, усадил за стол, сам сел напротив, распорядился, чтобы принесли чай.

— Вы делаете большое национальное дело и, что самое главное, на высоком научном уровне, — говорил секретарь, — ну а что касается бытовых и организационных мелочей, мы все сейчас же уладим...

Секретарь позвонил в несколько мест, вызвал к себе несколько человек и дал им разные поручения, предупредив, чтобы все было сделано в срок.

После этого я подумал, что нашу встречу можно считать законченной, и поднялся, но секретарь жестом остановил меня.

— Есть еще один разговор, менее приятный, но что поделаешь.

Я насторожился.

— Хорошо, если бы выбор кадров вы согласовывали бы с нами, с райкомом.

— Какие кадры вы имеете в виду? Состав экспедиции был укомплектован в Тбилиси, там он согласован со всеми необходимыми инстанциями.

— Я не имею в виду научных сотрудников, — возразил секретарь, — я говорю о местных кадрах, о людях, которых вы привлекаете к работе здесь.

— Здесь мы берем на работу только землекопов, чернорабочих.

— Вот о них-то я и говорю... — секретарь улыбался улыбкой всезнающего, во все проникающего человека, улыбкой бога и победителя. — Вчера тот парень, который ходил на родник за водой... — секретарь взглянул в папку с бумагами, — Ладо Дарбаидзе... так, кажется, его зовут...

— Да, Ладо Дарбаидзе.

— Когда вы брали его на работу, вы, наверное, знали, кто его отец, кем были его родители?

— Я этим не интересовался. Какое мне дело до родителей человека, который у нас копает землю. Я бы не отказал ему, если бы даже...

— Должны были отказать. Да вам и самому следует вести себя осторожнее...

Такого поворота в разговоре я настолько испугался, что опешил и не нашелся что ответить.

— Кроме того, — продолжал секретарь, — вам следовало бы знать, что этот парень деклассирован. Он не задерживается на одном месте, постоянно пьянствует...

— Я слышал об этой его слабости, но отчасти именно поэтому взял его на работу. С тех пор, как он у нас, никто ни разу не видел его выпившим. Мне кажется, он на пути к исправлению.

— О его исправлении, если будет нужно, мы позаботимся сами. Думайте лучше о своей науке, — после этих довольно резких слов, сказанных к тому же угрюмым тоном, секретарь протянул мне руку.

— Так что же вы предлагаете? Уволить его с работы?

— Это ваше дело. Мы заботимся о вашем же авторитете. Если не уволите этого парня, не доверяйте ему ответственной работы.

— Что у нас может быть ответственного? Копают землю...

— Оставим игру в наивность. Мы не дети, — секретарь холодно пожал мне руку на прощанье и проводил меня насмешливой улыбкой.

Я вышел, не понимая, что происходит и что от меня хотят. Секретарь выразил недоверие не только к Дарбаидзе, но и ко мне самому. Сегодня он ставит вопрос об увольнении этого парня, а завтра захочет уволить и меня самого. И что им дался этот юноша, чем он им помешал? Почему они не хотят, чтобы он, выросший в сиротстве, теперь честным трудом добывал себе кусок хлеба, а не бездельничал и пьянствовал...

Конечно, я, думая обо всем этом, не мог не вспомнить вчерашнего эпизода у меня в гостях. Я вспомнил, как усердно Мириан что-то нашептывал секретарю, когда Лад Дарбаидзе разливал родниковую воду из медного кувшина. Неужели секретарь райкома говорил и действовал сегодня по навету Мириана? Как резко он говорил об этом парне, а потом в конце концов перекинулся и на меня самого, на мою биографию. Вчерашняя картина явственно стояла у меня перед глазами, все я

помнил до мельчайших подробностей. Вот Мириан при-
гляделся к Ладю Дарбаидзе, словно ему нужно было
удостовериться, что это именно он. Вот Мириан нахму-
рился, словно эта встреча с парнем ему не понравилась.
Вот он начал шептать на ухо секретарю, причем так к
нему прилип, что — показалось мне — хотел он сузиться
и растянуться, превратиться в змею и буквально
влезть в секретарское ухо. Эта ассоциация со змеей
окончательно испортила мне настроение.

Первой моей мыслью было пойти к самому Мириану
и все ему выложить и все разъяснить. Но потом этот
способ действий показался мне почему-то поспешным, и
я вдруг вспомнил о Шио. Кто же знает Мириана лучше,
чем Шио? И кому я могу довериться больше, чем
Шио? Он одинаково близок Мириану и мне. Мне он
просто заменяет отца. Значит, с ним-то и надо все об-
судить. Неизвестно, решим ли мы с ним что-нибудь, но
душу я все же облегчу.

Утвердившись в этой мысли, я не стал медлить, а
тотчас направился к Шио.

Не переводя духа, поднялся по лестнице. Дверь бы-
ла открыта. Шио сидел за столом и писал.

— Можно? — спросил я, остановившись у порога.

При виде меня лицо у него посветлело, он встал и
пошел мне навстречу.

— Как хорошо, что ты пришел! — искренне обра-
довался Шио.

— Я зашел ненадолго, ты мне должен помочь ра-
зобраться в одном вопросе.

— Почему ненадолго! Садись, пожалуйста, сюда.
И скоро приступим к ужину. Но что случилось, ты
мне кажешься возбужденным, — спросил Шио и усел-
ся напротив меня.

— Ты знаешь Ладю Дарбаидзе, дядя Шио?

— Ладю? Этот парень, что работает у тебя?

— Да... вчера угощал вас родниковой водой.

— Как не знать сына Васо?

— А кто был Васо?

— Васо? Большим человеком был. Его сына спер-
ва бабушка воспитывала в деревне, затем приютила
тетка. Школу едва окончил, о дальнейшей учебе и не

думал. Скитался из деревни в деревню, работал по-де-
но и довольствовался самым малым.

— Как он сюда попал?

— Вся их деревня переселилась, и он не захотел
остаться один.

— Как он вообще... как человек?

— Немного непутевый, пьет, но зла никому не де-
лает. Как разживется копейкой, так напьется, а где
напьется, там и засыпает. Раньше, в детстве, говорил
про себя, что подобно отцу большим человеком должен
стать. Ну, а потом понемногу об этом желании забыл
и отца забыл, в конце концов превратился в безобидное,
но безвольное существо. Ни от кого ничего не хочет,
но и людям пользы не приносит. В здоровье недостатка
не испытывает, тяжелым трудом добывает себе кусок
хлеба.

— У меня он рабочим, копает землю.

— Хорошо, если ему не наскучит. Обычно на од-
ном месте он долго не задерживается.

— Если бы его оставляли, возможно, он и остал-
ся бы. По-моему, он сейчас перестал выпивать.

— Что ты говоришь! Что ему помогло?!

— Тут у меня есть одна девушка-археолог, тоже
выросла без родителей, в сиротстве. Подружился он с
ней и теперь ради нее не то что от вина, от себя отка-
жется.

— Хорошая новость. Может, исправится этот не-
счастный.

— Никто не даст ему такой возможности, а то
исправился бы!

— Как это никто не даст возможности, что ты та-
кое говоришь?

— Дядя Шио, Мириан знает этого парня? Вер-
нее, раньше он его знал?

— Знает ли? Он был неразлучным другом его отца,
Васо без Мириана куска хлеба не надломил бы, и этот
парень всегда сидел у Мириана на коленях.

— Как же этот Мириан везде успевает? И там он
хорош, и тут хорош.

— Ты же Мириана знаешь. Он и правда умеет по-
нравиться людям, есть в нем этакое обаяние. Человека
он не обидит, напротив, похвалит, обласкает. Хороший
разговор и хорошая песня всем приятны. Если кто-ни-

будь посидит с Мирианом за одним столом, потом без него уже за стол не сядет.

— Это все хорошо. А дело, работа?

— Его характер помогает ему в работе. Конечно, мелочами он не очень любит заниматься, но все сложные и крупные проблемы решает как-то легко и быстро. Все у него идет как по маслу. И школа наша всегда оказывается в передовых.

— А мелочи он, значит, оставляет вам?

— Не совсем уж так. Можно ведь за день или за час, решив важную проблему, сделать больше, чем за неделю.

— Может быть, то, что ты называешь приятным разговором — «похвалит да обласкает», может, это проще назвать подхалимством?

— Ну нет. Подхалимство — недостойное дело. Мириан же ни перед кем не унижится и своего достоинства не уронит.

— Ты ничего не заметил вчера у меня в гостях в поведении Мириана, когда этот парень Ладо разливал родниковую воду из кувшина?

— Ничего не заметил. А что такое?

— Сначала он удивился, увидев Ладо, а потом припал к уху секретаря райкома и что-то долго ему шептал.

— Что он ему мог нашептывать?

— Не знаю. Но сегодня меня вызвал к себе секретарь райкома и выговорил, зачем-де я взял на работу Ладо Дарбаидзе.

— Ты считаешь, именно это нашептывал секретарю Мириан?

— Секретарь на этом не успокоился. Потом он перекинулся на меня самого. Дескать, и самому мне не мешало бы заботиться о своем авторитете, говорил с какими-то нехорошими намеками.

— И в этом ты грессишь на Мириана? Ты же взрослый человек, через многое успел пройти. Пора бы тебе знать наши порядки. Ты еще только собирался сюда ехать, а твое личное дело уже лежало на столе секретаря райкома. И мое тоже, и Мириана, и каждого человека, который заинтересовал бы секретаря райкома.

— Так-то оно так. Но очень уж увязываются меж-

ду собой эти два момента — вчерашнее нашептывание и сегодняшний разговор.

— Перед иконой могу поклясться, что **Мириан** не стал бы говорить ничего плохого о Ладо Дарбаидзе. Скажу больше. Когда Ладо потерял отца, Мириан тайком передавал этому парню деньги, не оставлял его в беде.

— Где он набрался такого мужества? Что-то не верится.

— Я свидетель. Он дважды через меня передавал эти деньги. А я — бабушке, а бабушка уж — Ладо.

— Дай бог, чтобы я ошибался, дай бог.

Шио проводил меня до ворот и долго упрашивал остаться поужинать. Но я был расстроен, не хотелось ни есть, ни продолжать разговор.

Уставшего и расстроенного, ноги едва донесли меня до нашего лагеря. Я вошел в палатку, не раздеваясь, бросился на койку и тотчас заснул.

Не прошло и недели после моей беседы с секретарем, как утром на столе меня ждало заявление Дарбаидзе об уходе с работы. Я попросил привести ко мне этого парня, чтобы спросить хотя бы о причине его ухода, но тот не пришел.

Вчера он, оказывается, встретил Дию и сказал ей, что не хочет, мол, чтобы из-за него упрекали руководителя экспедиции. Лучше, говорит, я уйду и буду жить так, как жил до сих пор.

«Этот парень — сбившийся с пути, подолгу не задерживается на работе, пьянствует», — вспомнилось сказанное секретарем. Наверное, он и пить потому стал, что нигде не встретил человеческого тепла и нигде не нашел убежища.

«О его исправлении, если посчитаем нужным, мы сами позаботимся», — слышались мне слова, бездушно сказанные секретарем. Злость душила меня, не столько из-за равнодушия секретаря, сколько из-за своего бессилия.

На районной конференции учителей председательствовал первый секретарь райкома.

После докладчика председатель первое слово пре-

доставил Мириану. Мириан был предупрежден об этом за две недели. Он выступил с интересным, содержательным докладом, и восторженный зал устроил ему овацию.

Под гром аплодисментов оратор спустился с трибуны, в знак благодарности с довольной улыбкой поклонился залу и сел на свое место в президиуме рядом с председателем.

Председатель дал слово следующему оратору и, как только сел, рассыпался в комплиментах Мириану.

— Вы произнесли великолепное слово, — шепотом говорил ему секретарь, — все, кто знакомы с вашими способностями и вашей эрудицией, иного и не ждали. Особенно интересным был экскурс в историю нашего района и разгвор о перспективах национального возрождения этой части Грузии. А цитаты из Ильи Чавчавадзе и народные стихи еще больше украсили ваше и без того прекрасное выступление. Это выступление достойно быть опубликованным, чтобы все его прочитали.

— Ну что вы, мне ведь часто приходится выступать. Если все печатать...

— Все — не все, но это обязательно нужно опубликовать. Об этом я позабочусь... — убежденно сказал секретарь.

На трибуне сменяли друг друга директора и учителя других школ района.

Когда председатель давал слово очередному оратору, он объявлял и фамилию следующего выступающего.

Заседание длилось более двух часов. Председатель взглянул на часы и, давая слово оратору, следующего выступающего уже не назвал.

— Кто будет следующим? Кому приготовиться?

— Следующий будет объявлен после перерыва, — спокойно разъяснил председатель.

— Я требую слова. Прошу разрешить мне выступить до перерыва, — послышалось из зала.

Высокий мужчина с седой шевелюрой встал с места и, опираясь на палку, направился к президиуму.

— Садитесь, пожалуйста, товарищ Валериан! — призвал председатель к порядку и позвонил в коло-

кольчик. — Вы не записаны в прениях, так как не являетесь делегатом конференции.

— Я требую дать мне слово, — опять послышался бархатный баритон, и старик потряс палкой в воздухе.

— После перерыва, товарищ Валериан! Во время перерыва договоримся, — примирительно говорил председатель.

— Ладно, договорились! — сказал Валериан и где стоял, там и сел на свободный стул.

— Кто это? — спросил у секретаря Мириан.

— Это старый революционер — бывший эсер. Одно время был большим человеком, потом его сослали. В ссылке он немного свихнулся и попал в психиатрическую больницу. Его подлечили там, и он возвратился в Грузию. Здесь его родные места, здесь он и осел. Легла забота на наши плечи. Надо было его трудоустроить, но какую же работу ему можно было подыскать и доверить? Сделали его продавцом в газетном киоске. Сидит и торгует газетами. Но свободного времени у него предостаточно, а в больнице, как видно, его не долечили. Он засел за книги и помешался на одной навязчивой идее. Все существующие на земле религии примирить между собой, создать одну общую, универсальную религию, и тогда исчезнут все противоречия на земном шаре, все народы объединятся в единую семью: не будет ни вражды, ни зависти, ни корысти, ни войн с их истреблением людей.

— Да, как следует он свихнулся!

— Свихнулся, конечно, но ведет себя мирно, вреда никому не приносит, сидит у себя в киоске, стены увешал изображениями Христа, Будды, Конфуция, Лютера, корпит над толстыми книгами.

Тем временем очередной оратор закончил свою речь. Секретарь перестал шептаться с Мирианом и объявил получасовой перерыв.

Все, кто сидели в президиуме, перешли в комнату, расположенную за сценой. Некоторые уселись в кресла, некоторые стоя пили минеральную воду и лимонад. Секретарь райкома и Мириан расположились на диване. К Мириану то и дело обращались, хваля его выступление.

— Прекрасно, Мириан!

- Превосходно, Мириан!
— Какое великолепное выступление!
— С удовольствием слушали вас!

Все его благодарили, пожимали ему руку, а он в ответ благодарил и знакомых, и незнакомых людей.

Секретарь райкома разлил боржом по стаканам себе и Мириану, и тут перед ними появился Валериан.

— Товарищ секретарь! После перерыва первое слово — мое! — решительно сказал он и сел, втиснувшись между секретарем и Мирианом, на последнего даже не взглянув.

— Сперва должны выступить педагоги, это ведь их конференция. Слово об улучшении педагогической работы принадлежит им.

— Это так, но...

Валериан только сейчас заметил Мириана, извинился и протянул ему руку.

— Мне очень понравилось ваше выступление, молодой человек, но, думаю, и мое слово будет не менее интересно.

— А все-таки, о чем вы хотите говорить, батоно Валериан? — лукаво улыбнулся секретарь.

— Конечно же, о религии, о созданной мной универсальной религии.

— Но подходящая ли для этого аудитория?

— Какая аудитория может быть лучше учительской?! Послушают меня, поймут, а затем будут передавать мои мысли своим ученикам. Так распространялись все новые религиозные учения.

— Будут ли вас слушать, батоно Валериан? В этом зале, наверное, не найдется ни одного верующего. Молодежь отвернулась от религии, от мала до велика — все атеисты.

— Именно в эту почву надо бросать семена нового вероисповедания. Они обязательно прорастут и дадут обильные плоды.

— Я бы не мог дать вам такой гарантии. Сперва, подобно Христу и Магомету, надо занять нескольких единомышленников, а когда их число постепенно умножится, можно будет обращаться и к многолюдной аудитории. Тогда успех обеспечен. Множество людей будет приобщено к вашему учению.

— Наверное, ваш совет верен, но для этого требуется много времени. Как Христос, так и Будда сами неустанно проповедовали и распространяли свои религии. Я же лучшие годы своей жизни потратил на проповедь атеизма. Лишь когда постарел, уразумел истину и приступил к созданию новой религии на основе согласования всех главнейших религий.

— Уже все религии согласовали друг с другом, батона Валериан? — с серьезным видом спросил Мириан.

— Согласовал. За малым исключением согласовал почти все религии друг с другом. Некоторые, например, христианство и буддизм соединяются на почве всепрощения и любви к ближнему. Но устранение некоторых противоречий остается головоломкой для меня. Никак не могу приблизить к учению Христа и Сакья Муни семитские религии — религию Моисея и религию Магомета. Семитские религии мстительны: око за око и зуб за зуб, так проповедуют Моисей и Магомет. Христос же учит всепрощению: если тебя ударят в правую щеку, подставь левую. Как должны сочетаться эти два взаимоисключающих учения, до сих пор я не уразумел, до сих пор не нашел ключа к этой тайне.

— Серьезное препятствие возникло перед вами. После религий Христа и Будды больше всего последователей у Магомета, и если ислам остается вне вашей новой религии, это очень помешает ее универсализму и всеобщему распространению.

— Верно! Совершенно правильно. Именно поэтому я ломаю себе голову, чтобы привести в согласие семитские религии с христианством. Однако так много думать тоже вредно. Я, видимо, устал, у меня появились ужасные головные боли...

Валериан потер себе лоб и бессильно опустил руки.

— Вам плохо?

Мириан протянул ему стакан, полный воды. Валериан отпил, затем намочил водой лоб.

— Слабо себя чувствую, поволновался... Пойду я лучше домой, отдохну, — сказал побледневший Валериан.

Секретаря райкома испугала неожиданная бледность старика.

— Действительно, вам лучше пойти отдохнуть... Я дам машину.

Секретарь подозвал водителя, поручил отвезти Валериана домой.

— Мы еще встретимся, молодой человек, и у нас будет интересная беседа, вам, наверное, нужны книги и журналы, я могу их откладывать для вас, заходите ко мне.

— Да, батано, с удовольствием зайду! — Мириан проводил старика до дверей и там попрощался с ним.

— Как вы ловко его успокоили, видимо, знаете, на каком языке с ним говорить.

— Я ведь не впервые с ним встречаюсь. Если податься и начать с ним спорить, он еще больше разъярится, тогда с ним нельзя сладить. А когда пойдешь на мировую и переведешь разговор на созданную им религию, он сразу же оттаивает, становится как шелковый и наслаждается проповедованием своего учения. А то, что он побледнел, — так с ним это часто случается, внезапно ему становится плохо. Сердце и старость.

Предупреждающе зазвонил звонок. Все опять пошли за стол президиума.

10

Мириан сидел у себя в кабинете директора школы, за своим директорским столом и просматривал газеты. Вдруг дверь приоткрылась и женский голос, который Мириан мог сравнить только с музыкой, спросил:

— Можно войти?

Мириан оторвался от газеты и не поверил своим глазам. На пороге его кабинета стояла та самая «кинозвезда», чьи фотографии он восторженно разглядывал недавно в гостях у археолога.

Мириан пожирал глазами прекрасную незнакомку, а та стояла перед ним, не поднимая глаз.

Затем Мириан спохватился, выбежал из-за стола, схватил стул и предложил его посетительнице.

— Пожалуйста, проходите, садитесь, пожалуйста.

Женщина, видимо, либо смушалась, либо робела, но и сидя уже на стуле, не поднимала головы.

Директор, после того, как предложил стул посетительнице, в полубессознательном состоянии плюхнулся в свое кресло и в растерянности замолчал. Только спустя некоторое время он обрел дар речи и спросил у посетительницы, чем он ей может служить.

— Я жена Гурама Вашадзе... — робко и скромно поведала красавица. Если бы Мириан не сидел прочно в своем прочном директорском кресле, у него, наверное, подкосились бы ноги. А теперь лишь глаза широко раскрылись и выпучились, словно собираясь выскочить из орбит. Могло бы сложиться впечатление, что Мириана чем-то мягким, но тяжелым стукнули по голове.

Мало-помалу Мириан справился с неожиданностью и потрясением и даже изобразил на лице улыбку, хотя она и получилась вымученной.

— Очень приятно, очень приятно. Чем же могу служить?

— Вам должен был обо мне сказать Шио... Я хотела бы... у вас свободно место школьного врача...

Дия впервые подняла на директора глаза и улыбнулась ему. Глаза у нее были темно-медового цвета, а улыбка сверкнула ослепительно белыми зубами. От всего этого у Мириана опять закружилась голова.

— Да, да... конечно... Шио... он говорил...

— Как советовал Шио, я написала заявление и принесла его вам. Вот оно.

Дия открыла сумочку и вытащила оттуда вдвое сложенный лист бумаги.

— Очень хорошо, очень хорошо, — лепетал Мириан.

Он протянул руку и почти вырвал у Дии ее заявление, словно боялся, что все, что он видит перед собой, — это видение, которое может растаять в воздухе и исчезнуть. Он, не читая заявления, ни на секунду не задумавшись, начертал на листе резолюцию.

Дия, хоть и смотрела в это время больше на лицо Мириана, заметила однако, что его рука, когда он писал, дрожала от волнения, отчего надпись получилась размашистая, во всю страницу.

— Я отдам это в канцелярию и вас сейчас же оформят.

— Большое спасибо. — Дия, еще раз обворожительно улыбнувшись, встала. Мириан тоже привскочил в своем кресле и пробормотал:

— Когда же приступите к работе?

— А уж это воля ваша. Когда вы скажете.

— Да... но мне... хоть бы даже сегодня!

— Ну... Сегодня день уже почти закончился. Я думаю, не стоит. Лучше начать с утра.

— Как вы желаете, так и будет.

Дия протянула директору руку. Мириан набросился на нее и схватил обеими руками, словно человек, умирающий с голода, на кусок хлеба. Он бы, наверное, долго не выпустил женскую ладонь из своих рук, но так как-то легко и незаметно внезапно выскользнула сама.

Дверь кабинета за Дией закрылась, но директор долго еще в некотором оцепенении смотрел на эту дверь. Он не мог поверить, что женщина подобной красоты только что сидела перед ним на стуле и что она теперь будет приходить в школу каждый день. Постепенно Мириан приходил в себя. Он почувствовал в душе и во всем теле необыкновенную легкость, словно у него появились за спиной крылья. Он почувствовал, что в его жизни произошло что-то очень большое, значительное и важное, хотя и не понимал, к добру это или не к добру.

11

В семье Гурама был праздник. Дия устроена на работу школьным врачом. Теперь молодые супруги будут жить здесь вместе, осуществилась их мечта.

Дия говорила возбужденно, не умолкая. Она то строила планы на будущее, то рассказывала о своей встрече с директором школы. Она не показывала виду Гураму, но в душе понимала, что одержала над Мирианом полную и безоговорочную победу.

Собираясь работать школьным врачом, Дия не однажды разговаривала с учительницами о школе и, конечно же, в том числе и о директоре. Теперь их болтовню Дия пересказывала Гураму.

— Оказывается, все они считают, что не может

быть более привлекательного мужчины, чем их директор. Оказывается, все они тайно в него влюблены. Оказывается, все женщины мечтают выйти замуж за Мириана. Но сам он, оказывается, и не помышляет о женитьбе, никого никогда не любил и не любит и ведет себя со всеми женщинами одинаково — иронично, а то и цинично. Оказывается, если он иногда сблизается с той или иной женщиной, то это ненадолго, он мастерски обрывает короткую связь, не оставляя за собой никаких моральных обязанностей перед вчерашним увлечением, ведет себя так, как будто ничего и не было, не случилось. Но интересно то, что женщины, брошенные им, оказывается, не проклиняют его, но с гордостью вспоминают проведенные с ним часы и дни.

— Наверное, эти счастливые часы и дни для Мириана остались в прошлом, — безразличным тоном возразил Гурам.

— Почему? — удивилась Дия.

— Мириану перевалило за сорок. Не думаю, чтобы он все еще годился на роль сердцеда и Дон Жуана.

— О чем ты говоришь. Во-первых, что за возраст для мужчины—сорок лет? Во-вторых, для такого мужчины, как Мириан. Он выглядит так, что ему не дашь и тридцать.

Все это вырвалось у Дии произвольно и необдуманно. Она поняла это и прикусила язычок, но поняла и то, что уже поздно.

— Ого, — ледяным тоном сказал Гурам, — оказывается, и ты попала в число почитательниц директора Мириана. Ну что же, поздравляю.

— Вовсе нет, — возразила Дия. — Если хочешь знать, идя к нему, я твердо решила совсем не глядеть на него, и так себя и вела. Когда я сидела перед ним, я, конечно, чувствовала, что он меня пожирает глазами, но сама я не поднимала головы, разговаривала с ним сухо, по-деловому, мы быстро закончили дело, и я тотчас же вышла, так же холодно, как и вошла. И в дальнейшем наши отношения останутся такими же, не выйдут за рамки деловых отношений, пусть он не надеется, что ему удастся со мной то, что удастся с другими женщинами. Ничего у него не выйдет. Все его планы, если он строил их, провалятся.

Чтобы совсем размягчить сердце мужа, Дия обви-
ла его шею рукой и прошептала ему на ухо:
— У меня же муж моложе, умнее и лучше! Чем
этот директор может привлечь меня...

Так говорила Дия, но так говорила только одна по-
ловина ее сердца, вторая же половина радовалась, что
она, Дия, произвела такое неотразимое впечатление на
мужчину, о котором мечтают все женщины. Женское
честолюбие праздновало победу. И хотя разум призы-
вал Дию к осторожности и хладнокровию, она вспоми-
нала все потрясение, которое произвела она, появив-
шись в кабинете директора, и все бессилие Мириана
перед ее красотой, и это наполняло ее гордостью и вол-
нением.

12

Из дневника Гурама Вашадзе

С нынешнего дня Дия — школьный врач, наша
мечта сбылась. Теперь мы будем жить вместе.

Напрасно я опасался Мириана. Когда Шио попро-
сил его взять Дию к себе на работу, он, оказывается,
не колебался ни минуты и сказал, что это доброе дело,
что молодожены, особенно в начале семейной жизни,
должны жить вместе, а иначе это — не семейная жизнь,
и ей в этом случае рано или поздно придет конец, дело
кончится разводом.

Мириан остается для меня загадкой. Я хорошо знаю
его, как говорят, биографию и поэтому жду от него
самого худшего, любой подлости, любой грязи. Однако
это мое представление о Мириане часто расходится с
его действительными поступками. Вот я узнал, что он
помогал (причем тайно) сироте Ладю Дарбаидзе. Вот
он помог Дие, то есть фактически мне и семье моего
отца. Но как тогда быть со слухами о том, что причи-
ной несчастья, случившегося с нашей семьей, является
он и только он?

Все-таки сложный и непонятный он человек. Извест-
ный комсомольский активист, часто выступающий на
страницах газет и с разных высоких трибун, он при-
влек к себе внимание, а потом неожиданно для всех
освободился от ответственных должностей, которые за-

нимал, и добровольно пошел работать директором школы в захолустное село, словно решил похоронить себя заживо.

Правда, надо сказать, что он всегда больше говорил, чем делал. Работал он главным образом языком. Всего больше он любил руководить застольем в качестве тамады. Говорят, он уехал в глухое село по совету друга своего детства Шио. Он стал директором той сельской школы, где Шио был заместителем директора. В школе он тоже больше говорил, нежели делал, а работал за него заместитель, Шио. Ну, правда, всего, чего нужно было добиться для школы, он добивался, и тут никто с ним не мог бы сравниться. Нигде ни в чем ему не отказывали. Все ему давалось легко.

Шио любил Мириана и, сам будучи честным и трудолюбивым, закрывал, однако, глаза на все недостатки своего друга. Ему нравилось в Мириане и хорошее, и плохое, казалось, нет предела доверию Шио по отношению к Мириану.

Мириан и Шио оба были студентами моего отца. Отец их обоих выделял из общей массы студентов и, хотя был гораздо старше их, обращался с ними, как с ровесниками, брал их с собой в экспедиции, часто приглашал домой в гости.

Однажды Мириан, собрав вокруг себя студентов в вестибюле университета, что-то им горячо доказывал. Одним словом, получилось что-то вроде митинга. Затем вдруг Мириан повел своих слушателей к портрету основателя университета, дотянулся до него, сорвал со стены и бросил на пол.

В это время отец спускался вниз по лестнице. Он не мог допустить такого оскорбления своего любимого педагога. Быстро он подошел к Мириану и влепил ему пощечину.

Мириан растерялся, не нашелся сразу; что ответить отцу, а отца тем временем увели подальше от места скандала.

Потом, когда арестовали отца и вместе с ним еще нескольких профессоров университета, колесо судьбы нашей семьи повернулось вспять.

Мама с большим трудом нашла какой-то скудный заработок, на который наша семья перебивалась с хлеба на воду.

Однажды ночью пришел Мириан.

Я лежал в постели, но заснуть еще не успел. Дверь ему открыла мама. Мириан зашел растерянный и какой-то взбудораженный.

Мама вместо приветствия, нахмурившись, бросила ему в лицо:

— Каин, где брат твой, Авель?

Мириан побледнел, челюсть у него задрожала, и он не мог произнести ни одного слова.

Как побитый, оглядел он нас, холодно повернулся и так хлопнул дверью, что чуть не сорвал ее с петель.

С этого дня он и близко не подходил к нашему дому, не спрашивал больше ни у кого ни о маме, ни обо мне.

Но до нас доходили слухи, как он слезно, клятвенными заверениями оправдывает себя, как он мучается из-за распространившихся сплетен о его вине, из-за всяких злых кривотолков.

Вскоре нас уплотнили, заставили освободить две комнаты из наших трех и оставили нам одну комнату. Вещей и мебели у нас было не так уж много, но разместить библиотеку оказалось нелегким делом. Мама следила за нашими подселенцами, чтобы не пропало ни одной книги.

Наконец мы закончили «раскладываться». Книги лежали одна на другой от пола до потолка, в комнате негде было повернуться, но все-таки мы не унывали. Мама твердила одно: «Только бы мой ребенок не остался сиротой». Бога она всегда просила о том же. Когда мы еще «раскладывались», к нам в гости неожиданно пришел Шио.

У дверей он снял с плеч набитый продуктами рюкзак и вытер со лба пот.

— Как же ты решился принести это сюда, если кто-нибудь увидит и донесет на тебя, ты ведь погибнешь! — поразилась мама.

— Это меня вовсе не волнует. Пусть мою жизнь возьмут взамен за все ваши беды, — спокойно сказал Шио и прсел на стул.

Шио Самхарадзе считался лучшим студентом в университете. Способный и трудолюбивый, он мог бы многого добиться, но рано обзавелся семьей. С одной

стороны молодой семье, а с другой стороны — пожилым родителям требовались все его силы и внимание. Он понял, что с таким грузом не смог бы далеко пойти по трудному пути в науке, и предпочел поехать в родное село учителем.

Вначале он взял уроки по истории, но вскоре ему добавили заведование учебной частью, потом сделал заместителем директора и перегрузили сверх всякой меры.

Родители, пока держались на ногах, образцово содержали приусадебный участок и виноградник, а уже когда сын стал жить рядом с ними, силы у них удвоились.

Шио женился по любви. Его жена, как и он сам, была женщиной без особых претензий. Не колеблясь ни минуты, она согласилась уехать в деревню и в той же сельской школе стала преподавать русский язык.

Шио часто бывал в Тбилиси. Если он встречался там с однокашником по университету или с кем-нибудь из профессоров и если эти старые знакомые с удивлением узнавали, что Шио променял столицу на деревенскую жизнь, то он отвечал полушутя: «Хороший сельский учитель лучше плохого городского ученого. Я там больше нужен. Очевидно, учить детей и воспитывать их — мое призвание, и я считаю это почетным делом».

Как и в студенческие годы, теперь, будучи уже учителем, Шио отличался усердием и чувством ответственности. Он не парил в небесах, подобно Мириану, не страдал бессонницей от желания показать себя во всем первым и лучшим. Да и некогда ему было страдать от бессонницы. Очень часто ночи напролет он сидел за книгами, занимался.

С Мирианом в университете он сошелся с первого дня знакомства. Он был сразу же покорен удивительной способностью нового товарища сближаться с людьми, быть душой общества.

Родители баловали Шио. Часто он получал от них разные домашние припасы и домашнее вино. Поэтому Мириан, любя и то и другое, буквально поселился у Шио. И с теперешней женой, Цицино, познакомил своего друга Мириан, он же посоветовал жениться не откладывая, он же за свадебным столом был тамадой.

С моим отцом, профессором университета Сандро

Вашадзе, и вообще с нашей семьей Шио сблизился, как я уже упоминал, в студенческие годы. Моей матери он понравился с первой же встречи, с самого начала она доверяла ему больше, чем Мириану.

Из своей деревенской глуши он привозил нам, когда приезжал в Тбилиси, разные гостинцы, а меня, когда я еще был маленьким, брал иногда с собой в Верхнюю Имеретию.

Но на этот раз посещение нашей семьи да еще с рюкзаком, набитым продуктами, было не только большой смелостью, но почти безрассудством и самопожертвованием.

Он окидывал взглядом комнату, похожую скорее на склад, нежели на жилое помещение, оттого, что из трех комнат стащили сюда все вещи, а главным образом книги, покачивал головой и подбадривал мою маму.

— Не падайте духом, Тamar, главное — сохранить здоровье и чтобы Гурам не почувствовал сиротства.

— Я и сама все время то же самое говорю себе. Ничего мне не надо, лишь бы вырастить этого ребенка и дожидаться встречи с Сандро.

— Всякого добра дождетесь. Сегодня так, а завтра все будет иначе, — Шио приоткрыл дверь бывшей нашей квартиры, минуту оглядывал ее и вновь закрыл дверь.

— Вы знаете, кто должен был вселиться в ваши комнаты?

— Нет, кто нам скажет.

— Мириан...

— А-а? — поразились мама.

— Да, Мириану, оказывается, предложили эту квартиру.

— Вот еще одно наказание! Как бы я ежедневно смотрела на этого Каина, погубившего моего мужа и разрушившего мою семью.

— Мириан отказался по той причине, что едет к нам директором школы.

— Пусть едет хоть к черту на рога!

— А так, если бы он вселился, было бы для вас лучше. Он человек одинокий и уважает вашу семью.

— И слышать об этом не хочу, Шио! Видно,

большое он имел к нам уважение, если погубил Сандро, да и нас поставил в такое вот положение.

— Не говори так, Тамар, не слушай сплетен и не ругай во всеуслышание честного человека!

— Почему же не сплетничают о тебе? Если хочешь, чтобы и тебя я не потеряла, имени Мириана больше при мне не упоминай, — жестко отрезала мама, и оба они замолчали.

Наступившую тишину нарушил опять Шио:

— Я сейчас пойду... Не поймите меня превратно... Оставляю вам немного денег. Знаю, в какой вы теперь нужде... — из нагрудного кармана он вытащил деньги и положил их на стол.

Мама отказывалась, не хотела брать деньги, но Шио схватил свою шапку и поспешил к дверям.

Остановившись на пороге, он окинул нас еще раз взглядом и вышел.

В наши комнаты вселили какого-то футболиста.

Шио время от времени наведывался к нам и как мог помогал нам.

Добро, посеянное моим отцом, и другие не забывали.

Одним из них был папин друг — армянин, учившийся с ним в Сорбонне. На далекой чужбине сыновья двух братских народов подружились, как кровные братья. У них был общий руководитель, известный профессор-археолог, по происхождению поляк.

Этот профессор обоих кавказцев особенно любил. Летом возил их на раскопки в Египет и обоих хотел оставить в Сорбонне, однако ни один из них не смог расстаться с родиной, и сразу же после окончания университета оба возвратились домой.

Потом случилось так, что папин армянский друг женился на русской девушке и переехал в Ленинград.

Однако он не порвал отношений с отцом, летом приезжал в Грузию и с семьей отдыхал вместе с нами.

После происшедших событий армянский друг не только не прекратил переписку с матерью, а и по телефону часто звонил, и ежемесячно присылал нам денег.

Затем, когда я подрос и поступил на исторический факультет, он взял меня на раскопки Кармир—Блура и практически приобщил меня к археологической науке на развалинах столицы Урарту—Тейшебаини.

16935329
110-1110933

Подозрение на Мириана и недоверие к нему ^{пе-}решло и ко мне. Мириан много раз пытался смягчить наши отношения и сблизиться, но всякий раз сталкивался с холодностью и недоверием с моей стороны. Его ласки и заботы оказывались тщетными, и поняв это, он махнул рукой и отдалился от меня.

Как говорится в народе, обходил конский щавель на пастбище, а все-таки встретил его около своей конюшни, — так получилось и у нас. Судьба вновь столкнула меня и с Мирианом, и с друзьями моего отца.

Мне хватало того, что Дия работает у него в школе врачом.

А теперь нам обещают дом в их поселении, и если мы станем соседями, тогда уж никуда не денешься, каждый день придется с ним сталкиваться, я должен буду отвечать приветствием и разговором в ответ на его приветствия и расспросы...

13

Жизнь Мириана резко изменилась. Внешне все оставалось по-прежнему. Он — директор школы, приходит утром на работу, он не женился, не заболел, не выиграл себе машину, не построил нового дома. Но он стал неузнаваем. Все окружающие заметили перемену в Мириане. Он и без того был всегда жизнерадостен и весел, а теперь вечно что-то напевал себе под нос, в глазах у него так и прыгали зайчики молодого задора.

Раньше, зная добросовестность своего заместителя Шио, Мириан мог прийти и не точно к началу занятий, мог исчезнуть в середине дня и надолго, мог уйти раньше. Теперь, если бы ставили оценки директорам школ за посещаемость и прилежание, Мириан был бы круглым пятерочником.

В школу он приходил раньше всех остальных учителей, а уходил, когда школа совсем уже пустела. Раньше стоило его только позвать на какое-нибудь застолье, пусть даже во время учебного дня, он все заботы перекидывал на Шио и никогда не отказывался побыть тамадой. Теперь кутежи и застолья его вовсе перестали интересовать.

Теперь он, хоть в этом и не было необходимости, перед началом уроков обходил всю школу, заглядывал

в каждый класс, в каждое учебное помещение. Перед таким обходом он обязательно смотрелся в зеркало, поправлял прическу, искал в усах седые волоски и тщательно их выщипывал. Когда он подходил к кабинету школьного врача, ноги у него делались ватными, в коленях появлялась дрожь, а сердце замирало. Он быстро открывал дверь, убеждался, что Дия на месте, важно кивал ей головой, закрывал дверь и продолжал свой путь по школьному коридору. Закончив обход, он запирался в своем кабинете и опускался на стул, как после тяжелой работы. Больше всего он досадовал на себя за то, что и на этот раз опять не заговорил с Дией, не сказал ей хотя бы «здравствуйте», опять потерял дар речи, опять у него язык присох к гортани. И значит, еще один день пропал впустую.

Мириан, хоть и не хотел признаваться самому себе, но в тайниках души знал, что эти ежедневные, вернее, ежеутренние обходы школы делает только ради того, чтобы увидеть Дию.

Если они случайно сталкивались в коридоре, то и та, и другой поскорее старались пройти мимо, Мириан, возможно, даже и не успевал заметить, что Дия при таких встречах краснела. Молча, кивнув друг другу в знак приветствия, они расходились каждый в свою сторону.

Вообще-то Дию сместили эта беспомощность и растерянность директора. Иногда у нее появлялось желание подразнить его, ободрить словечком или движением, или хотя бы выражением глаз, придать смелости этому завязтому сердцееду, столь разговорчивому и находчивому с другими женщинами и столь неловкому рядом с ней.

Но одновременно с этим озорным желанием возникало и чувство опасности. Она понимала, что игра в кошки-мышки с ним может кончиться плохо, тем более, что сама себе в этой игре доверяла не полностью.

Дия как зеницу ока берегла репутацию и свою, и своего мужа. Поэтому она старалась сохранить эти внешне холодные отношения с директором, но чувствовала, что холодная броня не столь уж непробиваема для стрел Мириана. Она призывала весь свой разум и всю свою волю, чтобы устоять перед искушением и с честью выйти из испытания.

На заседаниях педсовета или на других школьных собраниях она садилась в самом дальнем углу, изредка лишь взглядывала в сторону директора школы, ходила незаметно и тихонько, как и вошла.

Все в школе, особенно учительницы, замечали изменение в характере и поведении Мириана, возможно, даже догадывались, почему это произошло, рады были бы пошущукаться и посплетничать, но у них, увы, не было в руках ни одного факта.

Мириан всегда любил одеваться красиво. Теперь он сшил себе подряд два новых костюма. Забот о своей внешности у него прибавилось.

Когда школа переезжала сюда, в новые места, все знали, что с Мирианом должна переехать и его сестра. Она была старше Мириана, не замужем и всегда жила при нем, вроде хозяйки дома и экономки. Однако Мириан не торопился вызывать сюда сестру и жил одиноко.

Раньше у него в квартире не было ничего, кроме железной койки, старого стола и нескольких расшатанных стульев. Сейчас он понемножку начал обставлять свое жилище новой, красивой мебелью. Если бы у Мириана спросили, зачем он это делает, возможно, он и сам не ответил бы на этот вопрос. В него как бы вселился другой Мириан, и этот другой готовился к большим переменам в жизни того, прежнего Мириана.

Все видели, что у директора школы появился какой-то новый интерес, но никто не знал источника этого интереса.

14

Наконец, как и было обещано, Гураму дали дом, только что построенный новый дом в только что построенной новой деревне для переселенцев. Этот дом стоял в том же ряду, что дома Мириана и Шио, если бы Мириан позвал погромче со своего балкона, то Гурам, наверное, услышал бы его голос. Вроде и по соседству, но все ж не соседи, чему Гурам очень радовался.

Из найденного во время археологических раскопок все наиболее ценное и значительное Гурам отвез в Тбилиси, остальное выставил в построенном на скорую руку выставочном зале здесь же, на территории рас-

копок. Устроить экспозицию ему помогла Дия. Работу, и без того интересную, ее участие сделало еще более увлекательной. Тонкий вкус Дии, врожденное чувство прекрасного проявлялись во всем: и в расположении материалов на стендах, и даже в шрифте, которым были сделаны надписи под экспонатами.

По субботним и воскресным дням поднимались сюда, на возвышенность, переполненные экскурсантами автобусы. Гурам не только водил туристов по раскопкам, не только все рассказывал и показывал им, но не мог избежать и застолий, которые тут же, на вольном воздухе, устраивали туристы после экскурсии.

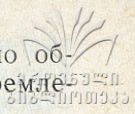
Все качества Диигодились ей и при оборудовании и устройстве того маленького коттеджа, который они с Гурамом получили. Мебели у них было немного, но то, что было, все они подобрали со вкусом, все было красивым, все они расположили по-своему, поэтому обстановка и атмосфера в их доме не походила на остальные дома. Из их домика, если уж гости зашли к ним, не хотелось уходить.

Гостеприимные супруги редко садились за стол одни, был ли то обед, был ли то ужин. Уже поднималась луна, уже зажигались звезды, а с балкона Гурама долго еще слышались голоса: декламация стихов, звуки гитары и, разумеется, пение. А так как приезжали из Тбилиси не кто попало, но и поэты, и артисты, то, пожалуй, постояв под балконом Гурама, уже можно было бы не ходить на иной концерт.

Дия, находясь всегда в центре внимания, была счастлива. Она щедро пожинала плоды сделанного ею решительного шага, который многие в Тбилиси считали опрометчивым и даже глупым: «Как это — уехать в деревню и заживо себя там похоронить?!»

Время от времени счастливые супруги выбирались в Тбилиси, посещали научные диспуты либо нашумевшие спектакли. Их появлению радовались все друзья и знакомые.

Но все это — и общение с людьми здесь, на месте, и поездки в Тбилиси — отнимало, оказывается, время. Незаметно, незаметно, но пролетали дни, недели, месяцы... Гурам вдруг спохватился, что не движется, стоит на месте главное его дело: начатый роман и начатая диссертация. Много раз он давал себе слово

все оборвать и заняться этими двумя вещами, но ^{об-}раз жизни засасывал и оказался сильнее его стремлений.

— Вовсе не обязательно бывать тебе на раскопках по субботам и воскресеньям, — заявила в один прекрасный день Дия, и Гурам понял, что его жена не меньше его самого переживает, что он отрывается от главного дела.

— С экскурсантами отлично справятся и твои археологи, в особенности «Йорик», — за Тариэлом так и закрепилось это имя.

— Да, монолог Гамлета его просят читать над черепом каждого нового скелета. Кто-то однажды его самого назвал «Йориком», это вызвало общий восторг, и прозвище подхватили. Теперь его уже никто не зовет Тариэлом, и что самое главное, он и сам привык к прозвищу. Вообще должен сказать тебе, Йорик—прекрасный парень, честный и порядочный, весь в отца. Ты должна послушать, как интересно он все объясняет посетителям, с каким увлечением рассказывает об эллинской культуре и о Грузии тех времен.

— Ну вот и оставь свою самоотверженность, доверь это дело парням, а сам встречай только специалистов и почетных гостей.

— Пожалуй, ты права, — согласился Гурам.

— Того, что делаешь и пишешь ты, никто кроме тебя не напишет, оставь суету и засядь за дело.

— И роман у меня доведен до половины, и для окончания диссертации не хватает самой малости...

— Сколько раз тебе советовать — брось гоняться за двумя зайцами, возьми за что-нибудь одно и думай только об этом.

— Я иногда похож не то что на гонящегося за двумя зайцами, а на Буриданова осла. Сюжет романа — тезисы докторской диссертации: ни тому, ни другому не могу отдать преимущества. Сердцем хочу продолжать роман, а разум в это время советует закончить диссертацию и лишь потом думать об окончании романа. Да и семья...

— Глупости! Ты что, обременен большой семьей? Не можешь свободно вздохнуть и делать то, что тебе хочется, что кажется более существенным? Я радовалась наступлению ночи еще и потому, что ты мне чи-

тал новые главы романа, написанные днем. Помнишь? Когда ты мне сообщил, что хочу, мол, написать грузинского Уленшпигеля, я на второй же день привезла роман Шарля де Костера и всю ночь читала, не смыкая глаз. А когда ты познакомил меня с планом своего романа, радости моей не было предела. Он похож на «Уленшпигеля» лишь боевым духом народа, а во всем остальном он грузинский, навеян нашим прошлым и нашим сегодняшним днем. С каким увлечением ты его писал, а потом вдруг остановился. Неужели ты можешь оставить своих любимых героев так надолго, не повести их смело в Бахтрионскую битву, а потом не лить слез вместе со всем народом из-за их мучений и пыток? Ты только вернись к роману, и я освобожу тебя от всех дел, буду поднимать тебя утром рано, укладывать вовремя, чтобы, хорошенько выспавшись, ты мог работать в полную силу. Каждую новую страницу тут же перепечатаю и ни на секунду не буду тебя ни на что отвлекать.

— А получится ли роман? Я ни одной живой душе не давал прочитать уже написанного. А ведь как много значат чья-нибудь похвала и поддержка!

— Неужели мое мнение ничего для тебя не значит, Гурам?

— Ты и я — одно. Духом и телом мы теперь одно существо. Мое дело — это и твое дело, преданность мне и преданность нашему общему делу, возможно, лишает тебя способности быть объективной. Я сверх меры критичен к себе, но и этого недостаточно. Человек видит недостатки своей внешности в зеркале. Зеркало писателя — читатель. Строгий и беспристрастный читатель Дия, а не родная жена.

— Дай почитать своим ребятам. Среди них много толковых...

— Что ж, и дам почитать. Почему же не дать? И они, вроде тебя, придут в восторг. Они ведь зависят от меня, они мои подчиненные, я для них установившийся авторитет.

— А если дать почитать Мириану? — сорвалось у Дии.

Тут же она сама удивилась, что ни с того ни с сего вспомнила этого человека и смущенно взглянула на Гурама.

Ушедший в свои мысли Гурам и не заметил смущения Дии.

— Да, и я об этом подумал. Мириан тоже историк, но ему я дам прочитать самому последнему, когда узнаю мнение других, исчерпаю, так сказать, все свои возможности. Мириан будет читать мою книгу не с доброй душой, он начнет выискивать слабые места. Но в конечном счете такой читатель тоже принесет пользу.

— А Шио? Он ведь историк, трезвый судья и твой доброжелатель...

— Да, несомненно, надо дать и ему почитать... Недавно он даже упрекнул меня. Почему, говорит, я должен узнавать о твоём романе от других, неужели ты так не доверяешь мне... Может, и я, говорит, могу дать тебе полезный совет.

— Я думаю, что ему понравится. Не может не понравиться. Я думаю, равнодушными не останутся и враги, и доброжелатели. В романе заложен глубокий смысл, а написан он вдохновенно. По форме — новый, своеобразный... Или я слепа и ничего не понимаю, не вижу. Если я разбираюсь в других книгах, то почему должна ослепнуть от твоей? Разве я тебя люблю слепо?! Я вижу многие твои недостатки. Исправить некоторые из них я тебе помогаю, с некоторыми смиряюсь, потому что иногда тебя невозможно перебороть. Разве и ты не так же относишься ко мне?

— Ну... У тебя нет никаких недостатков. По крайней мере для меня.

15

...Перед вечером ко двору Мириана подъехали две арбы. На одной арбе едва умещался огромный глиняный кувшин для вина, из тех, что закапывают в землю. На другой арбе лежали кувшин поменьше размером и два глиняных же горшка. Вся эта посуда была бережно и аккуратно уложена на кукурузные листья и умело привязана веревками, чтобы во время езды не сдвигалась с места.

Мириан с высоты балкона посмотрел на арбы и просиял:

— Все же Арчил сдержал свое слово, прислал мне кувшины?

— Да, батано. Вместе с этими кувшинами проси еще передать привет, — седобородый аробщик шалку и поздоровался.

— Дело было за столом, — объяснил Мириан, спускаясь по наружной лестнице. — Мы разговорились, он сразу пообещал мне эти кувшины. Я говорю: «За чем мне? Где я возьму вино, чтобы их наполнить». Он и слышать ничего не захотел. И вот все-таки сдержал свое обещание.

Развязали веревки, спустили кувшины на землю, стали оглядываться, куда бы их поместить.

— Где у вас будет марани, там и положим кувшины, — подсказал аробщик.

— О марани я пока еще не думал, но наверное, вот здесь придется его устроить. Давайте несите кувшины сюда.

— Арчил просил передать, что на днях пришлет рабочих, чтобы врыли кувшины в землю.

— Ну, это уже лишнее, скажите своему директору.

— Он сказал, что и вином наполнит эти кувшины, так что вам ни о чем не надо будет заботиться.

— Что вы со мной делаете, люди! — шутливо и театральнo вскричал Мириан, — я что, сирота, бедняк? Или вы готовите мне приданое?

— Кувшины тяжелые, нам одним не справиться, как бы не разбить.

— Сейчас позовем друзей, соседей, — успокоил аробщиков Мириан. — Эй, Шио, Тариэл! Вы дома? Выйдите на минутку, помогите соседу.

Через минуту появился Шио с двумя сыновьями, молодцами. На крик сошлись и другие соседи. Пошел гомон. Каждый советовал, как лучше поднять кувшины, как лучше их перенести, где лучше зарывать в землю.

Среди собравшихся Мириан увидел и Гурама. Он улыбнулся молодому ученому, подошел к нему.

— Этот кувшин по величине такой же, как и раскопанные тобой, — похлопал он рукой по большому кувшину.

— Пожалуй, даже и больше, — подтвердил Гурама и погладил огромный кувшин рукой.

— Из какой он глины? — обратился он к аробщику.

кам.

— Из местной, батоно, из нашего села. Мы живём в пяти километрах отсюда.

— Вы обжигали кувшин?

— Мы, батоно.

— А от кого же вы научились обжигать кувшины?

— От кого мы могли научиться? Наши отцы и деды ничем не занимались, кроме этого.

— Слышите, батоно Мириан? Ведь этим подтверждается местное, эндемическое происхождение материала, добытого нами в результате раскопок, и неразрывность культурных традиций, — пояснил Гурам, хлопнул рукой по кувшину и приложил ухо.

Звук, изданный кувшином, многократно повторился, как будто ветер колыхнул невидимые волны и не давал им затихнуть.

Несколько человек осторожно подняли кувшин, занесли его под балкон и также осторожно опустили на землю.

— Ничего не скажешь, хороший кувшин, но кувшин без вина? — пошутила Цицино.

— К свадьбе дяди Мириана будет и вино, — без всякой задней мысли сказал Гурам, но когда взглянул на покрасневшего вдруг Мириана, замолчал.

— И вино скоро будет, и моя свадьба, только не тебе быть на ней шафером, и настроения петь у тебя тоже не будет! — внезапно взорвался Мириан и исподлобья зло поглядел на Гурама.

Мириан впервые вслух произнес то, что у него было на сердце и в чем он самому себе, возможно, не признавался. Он сам не понимал, как это у него могло вырваться, и тотчас осекся, прикусил язык. В то же время он окинул быстрым взглядом всех слышавших его слова, как бы желая узнать, какое впечатление сказанное им произвело на людей.

Но никто как будто не обратил внимания на слова Мириана, не понял их настоящего смысла. Гурам тоже ничего не понял, кроме того, что шутка Мириана оказалась неудачной. Но сам Мириан все же обеспокоился: как бы Гурам не заподозрил чего и не стал бы докапываться до истинного значения его слов. Воспользовавшись каким-то предлогом, он поднялся по лестнице и ушел в дом.

Соседи все разошлись, а робщики поправили сбрую

на волах, собираясь в обратную дорогу. Тогда Мириан опять появился на лестнице с подносом в руках. На подносе были кувшин с вином, стаканы и блюдо с фруктами.

— Надо выпить на дорогу, — обратился Мириан к аробщикам, наливая вино в стаканы. Все выпили, благословляя кувшины и будущее марани. Гурам в это время был уже далеко, по узкой тропе он шел к своему дому.

— Молокосос, — подумал Мириан, глядя ему вслед, — посмотрим. И вино будет, и свадьба будет, но такие, что не возрадуешься.

Утром классная руководительница сообщила Мириану о том, что один из учащихся заболел.

— Четыре дня, как в школу не ходит. У него высокая температура и подозрительные симптомы. В районе имеются случаи тифа, и боюсь, что...

— Наш врач не смотрела его?

— Нет, я ей ничего не говорила. Вчера я сама навестила ребенка, он показался мне подозрительным. Как бы не было инфекции.

— Что ты говоришь! Сейчас же пошлем нашего врача и вызовем инфекциониста из района, — заволновался директор.

Он нажал рукой на звонок и поручил вошедшей секретарше найти школьного врача. Затем набрал телефонный номер и попросил заведующего отделом здравоохранения района прислать врача - инфекциониста.

Когда он положил трубку, вошла секретарша и доложила:

— Уважаемая Дия пошла, оказывается, на квартиру к больному ученику.

— Наверное, туда и пошла, — решила классная руководительница, — я тоже пойду, батано Мириан.

— Да, иди... иди... к семи часам вечера обещали прислать врача из района, я тоже буду на месте к этому времени.

Днем Мириана не было в школе, и он ничего не знал о состоянии больного ученика. Перед семью часами он вышел из дому и направился в сторону школы. Когда он проходил мимо усадьбы Гурама, у него невольно забилось сердце. Он и не хотел смотреть в сто

рону этого дома, и все же не удержался, скосил глаза. Он увидел, что Гурам лежит во дворе на ковре и читает книгу.

«Если Дия уже вернулась, — подумал Мириан, — то Гурам должен знать о состоянии больного».

Мириану не очень-то улыбалось разговаривать с Гурамом, тем не менее он подошел к изгороди, окликнул его.

Гурам приподнялся, встал, не выпуская книги из рук.

— Батоно Мириан? Заходите, пожалуйста, извините за мой домашний вид. Не ждал гостей...

— Читаешь? Это хорошо. Читай, читай, пока молод. Успевай! Как постареешь вроде меня, будет уже не до книг. Интересную книгу читаешь? Покажи.

— «Жизнь Нерона». Сейчас я читаю, как Нерон подстраивает убийство собственной матери.

— Да, — сокрушенно отозвался Мириан, — это надо же — убить собственную мать. Что ни говори, а очень развратными людьми были эти римские императоры!

Мириан листал книгу, которую протянул ему Гурам.

— Вот послушай, послушай... «Утверждают также, что император сам подошел взглянуть на тело убитой матери, трогал руками обнаженные части тела и восхищался их красотой». Каково? Щупал труп своей матери. Нет, убери ради бога эту книгу, не хочу даже держать ее в руках. Вот и дай власть такому вот человеку... А кто это там у них въехал в сенат на коне?

— Калигула.

— Вот, вот, Калигула! Такой же чокнутый был, как и Нерон. Эти императоры напомнили мне случай с одним юристом. Твой отец хорошо его знал. Он был до того известным тамадой, что все уже и забыли, что он юрист. Считался хорошим оратором, высокопарными и цветистыми словами одурманивал слушателей. Вот он и любил ссылаться на римских Цезарей и ораторов. Когда я впервые услышал его тосты, я изумился, у меня закружилась голова от цитат, которые он мастерски вставлял в свою речь. Мне он показался обладающим феноменальной памятью и энциклопедически образованным человеком. Но когда я вторично слушал его за другим столом, руководимым им, то первое впечатление

полностью рассеялось: те же тосты, те же заученные наизусть цитаты, которые он выдавал с тем же апломбом и пафосом. В третий раз мне уже не захотелось садиться за его стол... А так, насколько мне известно, римские императоры были либо полными мудрецами, либо полными дураками.

— Ну, почему же, бывали и просто умные люди. Однако неограниченная власть порождала тиранов, подобных Нерону. Когда ослабевало влияние сената и вся власть сосредотачивалась в одних руках, тогда даже у такого мудрого императора, каким был Марк Аврелий, наследником оставался разрушитель мира.

— Да, так и было! Однако ну их к черту, и Рим, и его императоров! У нас своя беда, и сейчас нам нужно о ней думать.

— Какая беда, батона Мириан?

— А то, что у нас заболел ученик, подозревают тиф.

— Знаю... знаю... Дия в полдень ушла проведать его и до сих пор еще не возвратилась.

— Не возвратилась? — на миг задумался Мириан.

Он не знал, как ему поступить. В то время, как сердце рвалось на встречу с Дией, разум говорил нечто обратное!

Пока он колебался, просигналила машина и затормозила недалеко от него. Опустив стекло, из машины высунул голову председатель исполкома.

— Привет Мириану!

— Здравствуй, Андро! — заулыбался Мириан, двумя руками схватил протянутую председателем руку и некоторое время тряс ее. — Как живешь, Андро-батона, все в порядке?

— В порядке-то в порядке, но сегодня вечером проводится внеочередной пленум райкома, я не надеялся на телефон, к тому же у меня было в ваших местах и другое дело. Вот и решил заехать за тобой, забрать тебя в райком.

Председатель приоткрыл дверь и знаком показал, чтобы директор школы сел в машину.

Мириан сел рядом с председателем, помахал Гурому рукой, и машина тронулась.

Перевод Владимира СОЛОУХИНА

Продолжение следует

Тоскую по тебе душою и строкою,
Повсюду и всегда, во сне и наяву..
Нет ничего во мне, чтоб не было тоскою.
Тоскую по тебе. Тоскую и зову.

Тоскую по тебе. Нет силы на иноз.
Ищу тебя, как пес хозяина в толпе.
И даже в час, когда ты полностью со мною,
Вся с головы до пят, — тоскую по тебе.

Перевод с грузинского Ю. МИХАЙЛИКА

Маленькому Гоги

Мальчик мой, маленький Гоги,
Величиной с ноготок,
Ах, языком бы дороги
Я твои вылизать мог,
Сгладить все кочки и ямы.
Чтоб не споткнулся вовек
Мальчик мой маленький, самый
Мне дорогой человек.

Ты, как глоток родниковой
Чистой воды, для меня.
В сумрачной жизни суровой —
Искра живого огня.
Все христианство, все братство —
В этом огне может быть.
Славы не надо, богатства,
Лишь бы в полет снарядить!

Высокогорная обсерватория
Снится мне в ярких полдневных лучах...

Словно небесная фантазмагория
Держится вся у нее на плечах.

Сложные предпринимая усилия
Для изучения звездных орбит,
Здесь современная дышит идиллия:
Прыгает белка и дятел стучит.

В звездном душа обновляется инее,
Алгеброй чудо здесь охлаждено,
Небо такое мучительно-синее,
Что даже кажется черным оно.

Господи! Как величава симфония
Эта, подобье сновидческих нег!
Все-таки, значит, возможна гармония,
Может с природой совпасть человек?

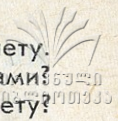
В общности этой, согласиём дышащей,
Непонимания нет и обид.
Вслушаюсь: рядом с машинкою пишушей
Маленький дятел бесстрашно стучит.

У МОГИЛЫ ЕЛЕНЫ МАЧАБЕЛИ

В КАНОБИЛЬСКОМ ЛЕСУ

Уж если кто и вправе «Я любила»
Сказать, то это вы; так безоглядно
Любили вы, что, мнится, не остыла
Любовь и после смерти, так громадна
Была любовь, столь искреннего рода,
Что с той поры, как веки вы сомкнули,
Здесь, у могилы вашей, вся Природа
Стоит как бы в почетном карауле.

Разве время проходит? Оно не проходит, неправда!
То, что было, то есть и пребудет на свете вовеки.
И Крцаниси всегда будет с нами, и будет Марабда,
Благородство и подлость, враждуя, живут в человеке

Мы стареем — и только для времени старости нету.
Где все те, кто прошли роковой чередой перед нами?
Что их страсть погасило, столкнуло их в темную Лету?
Где поток временной? Гладь замерзшей реки под ногами!

Мы скользим. Человек увлекается, спорит, смеется,
И надеждой живет и, отчаявшись, тянется к чуду.
Эта жизнь, как китайская грамота, трудно дается,
И все кажется, лед может треснуть в любую минуту.

Как эта девушка прекрасна у киоска,
Она стоит в невыразимо милой позе,
Как бы танцуя; легче пуха, мягче воска;
Вдруг улетит сейчас? Вдруг эту землю бросит?

Где научилась так стоять, в каком журнале
Картинку видела, быть может, в «Совет вумен»?
Ах нет, не думаю, она его едва ли
Читает, слишком скучен он, благоразумен.

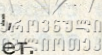
Что ж. Скопас, может быть, поможет нам, Пракситель.
Им женской пластики секреты все известны.
Античность милая — помощник наш спаситель
Недолгой прелести земной знаток чудесный.

О чудо! Друг мой, унывать нам нет резона:
На людной улице, нарядной, разодетой
Средь эры атомной, пластмассы и нейлона,
Сестра Аспазии, смотри, стоит с газетой...

Ноги ив от стоянья в воде покраснели,
Стадо — как пересохшее русло реки...
Лишь представлю себе эти камни и мели, —
Так заслышу забытого детства шаги.

Эгетей! — окликает оно издалика,
Из-за пасмурных гор, из-за шумной листвы.
Босоногий мальчишка волнует глубоко
И тревожит меня, пожилого, увы!

О, как воспоминания эти мне любви,
Как шальной ветерок пробирает и льнет,
Как мне хочется, господи, вымазать губы
Ярким соком ореховым, терпким, как йод...

ОДНО СТИХОТВОРЕНИЕ

Хвала любителям поэм
И циклов, тем не менее
Какое счастье — написать
Одно стихотворение!
Одно прекрасное, одно
Живое, полнокровное,
Чтоб заменить могло оно
Топтанье многословное.

Я столько строк зарифмовал,
Их хвост за мной волочится.
А все еще не написал
Стихов таких, как хочется.
Собой довольная вполне
Есть среди поэтов мафия
Своя... Пускай удастся мне
Хотя бы эпитафия!

Перевод Александра КУШНЕРА

ДВА ОРИЕНТИРА

Покинутая пастушья хижина,
твоя дверь все еще скрипит,
как прошлой осенью,
когда я навещал тебя,
странствуя по горам?
Или вернулись пастухи
и снова украсили твой скелет
зелеными ветками?

Снова прилетели следы родственных копыт
в отгороженный около тебя загон,
раскинулись на нарах паласы и кошмы,
разобрались по полкам смех и шутки?
По-прежнему прижимают
к твоим стенам пастухи
девушек-доильщиц?

Ты — место действия.
И если кто-нибудь, напившись без памяти,
выдернет кол из забора
и ударит собрата,
ты поглядишь на горы за ущельем:
помнишь, как выли тогда в чаще волки?
Если бы они содрали с меня мясо,
кто прикрыл бы мою последнюю наготу?

Мы оба порознь идем ко дну... Прощай,
я не могу откинуть тебя, как занавес,
чтобы высмотреть что-либо живое
в оледенелом саду
и тем натешить свой взор.
Я не могу отложить тебя, как книгу,
чтобы, закутавшись и затихнув в блаженстве,
закрыть глаза и заснуть.

Я тоже — место действия,
потому что там,
где нет ни горы, ни ущелья,
ни одинокого дерева,
ни мимо текущей речки,
должен виднеться какой-нибудь знак, замета,
чтобы человек не сбился с пути.

«Когда дойдете до испуганной души,
сворачивайте направо».
«Опасность начинается с взгляда,
страх начинается с живота».
Вот так обращаюсь я с самим собой —
словно подталкиваю ногой
катящуюся впереди жестянку.
Ночь, полная отступничества...
Но еще ужасней
осознавать среди мук,
что сияние дня примирит тебя
со всем, что ты отверг
минувшей ночью.

Для того блистает утренний солнечный луч,
превращая в обычные предметы
сонмы ночных страшилищ,
для этого гремят птичьи песни,
и кто-то, отчаявшийся еще больше, чем ты,
смело пересекает улицу поутру.
Последний взгляд в зеркало,
взмах руки, приглаживающей волосы,
и горькое чувство
очередного примирения с жизнью.

Ночь страшит меня:
Она угоняет куда-то
привычные, близкие мне предметы,
и все, что было весь день со мной,
около меня гнездится теперь
невесть где по ее велению.
Это ею напуганный пастух
поставил часовенку на верхушке
пригорка, где днем он пас овец.

Я хочу жить без суеты,
без душевной робости,
без грубости, без громких слов,
не кичась и не кланча..

Среди тихо переливающихся оттенков,
под безмолвное прорастание нив,
но без грохота, без визга тормозов,
без желчи, зависти, злобы.

Хочу задумчиво положить голову на подушку,
спокойно проспять ночь и в утренней дреме
радостно возвестить себе: «Просыпаюсь!»

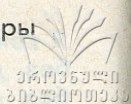
Я люблю этот город,
люблю, хотя он предлагает мне
вместо жизни — игру;
— Ступай, собирай по крохам любви!
Город и люди в нем — все твое,
и сам ты принадлежишь себе.
Нынче погожий день, и ты заметен,
как золотистая роза у осени на груди.
Чего тебе еще нужно?

Неужели тебе никогда не хочется
того, чего я все время жажду:
чтобы в городе считали меня дурачком.
«Эй, красавчик, жениться не охота?»
«Нет, нет, жена меня обьест,
обопьет и ограбит!»

Хи, хи, хи, хи, хи,
вот какой я человек!
Вот что горит во мне и дымится.
Мальчишка смотрит на меня из окна
и, верно, думает:
«Вырасту и так же поставлю машину
в тени и буду дымить сигаретой».
Эх, мой мальчик,
Не вырастешь, а растолстеешь.

Зачем тебя родили, не спросясь?
Разве ты упрасивал, ползал на коленях?
Разве ты подытоживал их вялую кровь крапивой?
Разве ты напевал им любовные гимны?

Стоило ли мгновение их сладостной игры
твоего появления?

Благослови же ориентиры,
они стары по самой своей природе,
они боятся ночи и одиночества.
Благослови любой — большой или малый,
ну, хоть звезду,
по которой правит путь караван,
или корень неведомой травы,
что указывает минералу дорогу к ручью.

Лучше я понижу голос,
я уже понял,
что однажды высказанная мысль
возвращается, обернувшись новым вопросом.

Идет дождь.
Я обопрусь лбом о завесу дождя и усну,
дождь не подведет меня,
не уберет вдруг из-под меня опору.

Видали вы огонь,
который питался бы лишь самим собой?
Видали вы ветер,
который веял бы лишь сам для себя?
Видали вы дождь,
который мочил бы лишь себя самого?
Если бы жизнь
знала, что она обогащает!
Если бы смерть
знала, от чего и зачем она отнимает!

О жизнь,
ты разлучаешь друзей
на скрещеннях дорог!

Перевод Элисбара АНАНИАШВИЛИ

ПОКА БЬЕТСЯ СЕРДЦЕ

Стучит в груди, как будто мчит сквозь тьму,
Предчувствуя беду, удачу...
Но мне ли только нужен одному
Комочек чуткий и горячий?
Быть одиноким сердце не должно,
Быть полным лишь собою — мука.
Готов его отдать — пускай оно
Вам служит, коль придет разлука!
Живое сердце тянется к живым,
Теплом любви смягчая зимы.
Прошу вас: сердцем пользуйтесь моим,
Пока мы с ним неразделимы!

НА ПАРТИЗАНСКОЙ ТРОПЕ

Ракета, небо прочертив,
Звездой мелькнула ложной.
В боях был краткий перерыв,
И лес шумел тревожно.
Срывался снег с седой сосны,
Рассвет синел туманом,
И строки о родной Апсны
Читал я партизанам.
Лесная чаща речь мою
Кружила в снежной пляске.
Быть может, странно в том краю
Звучал язык абхазский...
И пусть товарищи мои
Абхазии не знали, —
Она сквозь грозы и бои
К нам шла из снежной дали
Безоблачной голубизной,
Орлиных крыл размахом,

Морскою ласковой волной,
Вершинами Ерцаху...
В боях для братства нет помех
Тепло краев абхазских
Как будто согривало всех
На тропах партизанских.
От сердца к сердцу напрямик
Шла нить прочнее стали,
И все в отряде мой язык
Отлично понимали!
Давно растаял дым войны,
Но строки те простые
С названием солнечным — Апсны —
Звучат во мне
Живые!

Перевод с абхазского Валентина ЗОРИНА

ХРОНИКА

ВСТРЕЧА С ПИСАТЕЛЕМ

Общество книголюбов Тбилисского государственного университета организовало встречу с писателем Тенгизом Буачидзе.

Встречу вступительным словом открыл председатель общества книголюбов ТГУ профессор Р. Сирадзе. От имени собравшихся он поздравил Т. Буачидзе с 60-летием и пожелал ему дальнейших ус-

пехов в творческой и общественной жизни.

С разбором книги писателя «Малая проза» на вечере выступили профессор Ш. Гагошидзе, доцент Т. Маглаперидзе, критики Г. Гачечиладзе и З. Абзианидзе и другие.

В заключение вечера Т. Буачидзе поблагодарил собравшихся за теплые пожелания в свой адрес, ответил на многочисленные вопросы.

И тогда шел дождь

Р о м а н

И тут появился Солико.

— Ты вся промокла, Дзя! — забеспокоился он.

— Ты что же, думал, в воде я не вымокну? — искоса посмотрела я на него.

— Зачем ты вышла из машины, что я скажу твоей маме, если не дай бог простудишься?!

— Ты даже не представляешь, какое удовольствие я получила от этой прогулки.

— Не знаю, когда уже наконец ты утихомиришься, Дзя! — рассердился Солико.

— Никогда! — я посмотрела на свои мокрые туфли и весело рассмеялась.

— Чему ты смеешься?! Пойдем домой, представляю, как волнуются наши. Хорошо еще, что дождь кончился. Идем. Холодно. Хотя бы такси появилось... А где же наш шофер, куда он подевался? Я видел, как он шел за тобой...

— Вернулся в свою машину.

— Ты расплатилась с ним?

Окончание. Начало в № 1. 1987.

— Нет.

— Дэя, как же так, что он подумает?!

— А что хочет, пусть думает.

— Как ты можешь так говорить, Дэя? — изменился в лице Солико. — Этот человек знает, кто я такой.

— Не волнуйся, он не заподозрит тебя ни в чем дурном, у тебя такая интеллигентная внешность, что тебя трудно обвинить в мошенничестве.

— Издеваешься?!

— Идем, Солико, я тороплюсь домой, разве ты не видишь, в каком я виде?

— Ты собираешься идти пешком? Простудишься!

— Если бы ты волновался за меня, то топал бы со мною по воде, — сказала я зло.

Солико, видимо, поразил мой упрек, но он ничего не сказал мне в ответ. Насупленный, хмурый, молча, довел меня до дому.

6

Обо всем, что было в тот вечер со мной и с Солико, я рассказала своим подружкам.

— Какая ты счастливая, Дэя, — позавидовала Нуну. — Я всю жизнь только и мечтаю о таком романтическом приключении.

— А шофер был красивый? — спрашивали меня девочки.

— Что значит «красивый»? Он ведь не кукла. Мужчина прежде всего должен быть мужественным.

— Кого он напоминает, Жана Марэ или Грегори Пека?

— Ни того, ни другого.

— Ты больше его не встречала?

— Нет.

— И чего это вам вздумалось кататься в такую ужасную погоду?

— Я уже говорила, Солико так захотел.

— Вот и получилось, что собственной рукой он сам себе горло перерезал, — захихикала Нуну.

— Не говори глупостей, ты что меня проклинаешь!

— Хотела бы я, чтобы меня так вот прокляли, — снова засмеялась она.

— Только, девочки, чтобы все это до Анеты не дошло, не то не сносить мне головы.

— Ты, дорогая, вместо того, чтобы нравоучения читать, скажи лучше, почему не пригласила нас на концерт Солико. Конечно, может, толку от нас было бы немного, но букет цветов мы бы непременно принесли, — рассердились на меня подруги.

— Откровенно говоря, я не думала, что у него будет такой успех.

— Может, ты и на свадьбу нас забудешь пригласить?!

— Ладно, девочки, хватит вам меня критиковать!

— Когда у вас свадьба?

— В новогоднюю ночь.

— Ты слышишь, Сосо Циклаури, в новогоднюю ночь наша Дэя выходит замуж, — крикнула Нуну стоящему тут же неподалеку Сосо.

— Слышал уже, — нехотя, сквозь зубы процедил Сосо.

— Ну вот и готовь подарок.

— Обойдусь без твоих напоминаний, — буркнул Сосо.

— Смотри, как он расщедрился, а ты сам не собираешься жениться? — не отставала от него Нуну.

— Не собираюсь, не приставай...

— Почему, почему, ну скажи честно, может, девушки тебя не любят?

— Отстань, Нуну, не лезь, когда не спрашивают.

Нуну вспыхнула.

— Ах, ты несносный. С таким характером и впрямь без жены останешься, так и знай!

— Послушай, ты, не твое это дело! — разозлился Сосо.

— Чего орешь, ты что, вообразил, что в лесу находишься? Пошел к черту! Еще постучишься ко мне за конспектами!

— И обязательно получу их. Ты ведь ни за что мне не откажешь, — насмешливо улыбнулся Сосо.

— Нет, вы только поглядите на этого наглеца! — возмутилась Нуну.

— Не откажешь, не откажешь, — поддразнивал ее Сосо.

Нуну едва сдерживалась, чтобы не расплакаться.

— Ну-ка, Циклаури, убирайся отсюда! — сказала я сердито.

— А ты что, ты ведь... — вспыхнул Сосо, но не посмел поднять на меня глаз.

— Хам ты, Циклаури. Не умеешь разговаривать с женщинами, а доктор в первую очередь должен быть человеком воспитанным.

— Ну, значит, я буду исключением.

— Вероятно, только не думай, что этим можно хвастать.

Сосо угрюмо посмотрел на меня и сказал:

— Вот и остерегайся меня, раз уж я хам, могу такое сотворить, что только держись!

— Ай-ай-ай, смотри не убей нас! — рассмеялась я, глядя на его рассерженное лицо.

— Отвяжись, девочка, не зли меня, не то я за себя не ручаюсь... — придвинулся он ко мне вплотную.

— Ты с ума сошел! — испуганно встала между нами Нуну. — Белены, что ли, объелся, поди водички выпей, может, полегчает.

Сосо больше не сказал ни слова, еще раз взглянул на меня горящими глазами и вышел из аудитории.

— А во всем, Нуну, виновата ты. Посадила на голову этого медведя, вот он и обнаглел.

— Что ты говоришь, словно не знаешь, какой червь этого парня точит.

— О чем ты? — притворно удивилась я.

Нуну посмотрела на меня в упор и недоверчиво сказала:

— Не знаешь? Ну, раз не знаешь, так не надо! Пошли в кино, девочки!.. — крикнула она вдруг.

— А что, идет новый фильм?..

— Не все ли равно, новый, старый, вы ведь знаете, как я люблю кино.

— Ты, Нуну, должна поступить на работу в кино-театр, будешь себе сидеть и смотреть фильмы с утра до вечера.

Нуну весело рассмеялась в ответ:

— Сама актрисой не стала, так хоть на других порадуешь.

— Вот и иди радуйся, а я не могу, маме надо помочь, у нее стирка.

— Нет, Дзэ, раз так, то пойдем лучше вечером вместе.

— Ладно. Зайдешь за мной?

— Конечно.

Только мы кончили обедать и я убрала со стола, как Нуну явилась.

— Видишь, как изменилась погода, давай-ка лучше посидим дома, что-то мне неохота выходить, — сказала я.

Нуну нахмурилась.

— Почему ты расстраиваешь девочку, — вмешалась мама, видя, что у Нуну испортилось настроение. — Что с тобой, Дзэ? Вы ведь будете сидеть в помещении, так что никакой дождь вам не страшен.

Не хотелось мне выходить из дому, но чтобы не обидеть Нуну, я согласилась.

Зал был полон. Мы прошли на свои места, и Нуну толкнула меня в бок:

— Смотри, и он тут...

— Кто? О ком ты говоришь...

— Сосо... Разве не видишь? Вон там, у дверей, — прошептала она.

— Что-то ты очень часто о нем вспоминаешь, не поручал ли он тебе какого-нибудь дела?

Нуну побледнела.

— Что с тобой, Дзэ? О чем ты говоришь?..

— Пожалуйста, только не зови его сюда, достаточно, что мы видимся с ним на лекциях.

— Что ты имеешь против этого парня? — пожалала плечами Нуну. — Если хочешь знать правду, и вовсе никакой он не хам. Просто нервничает, вот и ведет себя так странно. Ну-ка погляди, кто в этом зале лучше нашего Сосо.

— Признайся, Нуну, тебе он нравится? А может, ты его любишь, а? — спросила я с любопытством.

Нуну даже руками развела:

— С чего ты это взяла?..

— Ну так вот! Мне он не нравится, и тебе, оказывается, тоже, поэтому давай договоримся: не будем о нем вспоминать; да и что за предмет для разговоров — Сосо, разве у нас нет другой темы?

Нуну молча кивнула мне в знак согласия. На этом наш разговор о Сосо оборвался.

Когда кончился фильм, я заметила, что он идет за нами следом. Чтобы избежать нежелательной для меня встречи, я помахала рукой, останавливая проезжавшее мимо такси. Машина остановилась, я схватила Нуну за руку и буквально втокнула ее в такси.

— На угол Шерозия и Клары Цеткин! — сказала я водителю.

— Сперва отвези меня, — попросила Нуну и назвала таксисту свой адрес: — Поедем, пожалуйста, сначала на улицу Толстого.

— На улице Толстого? Пожалуйста, — многозначительно сказал водитель и обернулся ко мне: — Здравствуйтесь, Дэя!

— Бондо, вы?!

— Узнаете? — улыбнулся он.

Нуну воззрилась на меня с любопытством.

— Это, Нуну, тот шофер, который катал нас в ночь концерта Солико, — намеренно громко сказала я.

— Какой красивый!.. — шепнула мне на ухо Нуну. Я еле сдержала смех.

— Почему мы стоим, ждем кого-нибудь? — спросила я.

— Разве он не с вами? — поинтересовался Бондо.

— Кто? — спросила я удивленно.

— Ваш жених.

— Солико? Нет, мы с подружкой одни. Солико сегодня занят, поэтому мы с Нуну...

«И что это я извиняюсь перед ним?!» — рассердилась на себя я и почти резко сказала:

— Ну чего вы стоите, поезжайте!

Бондо кивнул мне и помчал машину.

Неловкое молчание нарушил Бондо.

— Как вы попали домой в ту ночь?

— Пешком потащились.

— Простудились, наверное.

— Представьте себе, нет.

— Сказал я вам тогда — счастливая вы!

— Счастье. О да! Оно пригоршнями сыплется нам на голову, — вставила слово Нуну и с улыбкой посмотрела на меня.

— Почему вы говорите с такой горечью, разве счастье вас не жалуует?

— Н-не знаю... Ну с Дэйей я сравниться не могу.

она действительно родилась под счастливой звездой. Да прибавится ей и воздастся, как у нас говорят!

— У Нуну чрезмерно развито чувство юмора, уж простите ее, — обратилась я к Бондо и, предпочитая переменить тему разговора, стала извиняться перед ним за то, что мы с Солико не расплатились за наше ночное путешествие.

— Не стоит об этом вспоминать! — смутился Бондо.

— Если вы будете возить таким образом всех своих пассажиров, вам и тройной зарплаты не хватит, чтобы покрыть задолженность перед государством.

— Есть такие люди, ради которых можно влезть и в долги. Добро, говорят, не пропадает. Кто знает, где еще доведется встретиться.

— Будьте уверены, за Солико действительно не пропадет, — заметила Нуну и неожиданно воскликнула: — А вот и мой дом. Остановите машину! Спасибо, Дзя, расплатись, пожалуйста, не то этот человек, чего доброго, по миру пойдет.

Мы с Бондо улыбнулись.

— Да, Нуну! Завтра на первую лекцию я не приду. Мне нужно на вокзал, приезжает тетя, попроси, чтобы меня не отмечали.

— Не забудь обо мне, если тетушка привезет что-нибудь вкусенькое.

— Обязательно! Ну, мы поехали, до свидания!

Нуну стояла на тротуаре и так усердно махала мне рукой, словно мы расставались надолго. Бондо на прощанье посигналил и развернул машину в сторону Плехановского проспекта.

— О-о, вы оказывается храбрец. У вас могут быть неприятности, ведь сигналы запрещены.

— Иногда человек нарушает все запреты. У меня сегодня радостный день. А неприятности — что ж, если даже так, я не трус и за свои действия всегда готов отвечать.

Я не нашлась, что ответить.

Когда мы свернули на улицу Шерозия, Бондо поехал медленнее и снова заговорил со мной:

— После того вечера я часто вспоминал вас... Вы тогда рассердились, что я назвал вас рожденной под

счастливой звездой, но, видите, того же мнения и ваша подруга. Честное слово, я не хотел вас обидеть.

— А я и не обиделась.

— Вы и сейчас не сердитесь на меня? Это для меня очень важно! — взволнованно сказал он.

— Нет, я ведь вам сказала, что не сержусь, — я почувствовала неловкость и очень обрадовалась, когда заметила, что мы приближаемся к моему дому. — Остановите тут.

Когда я взялась за кошелек, Бондо рассердился.

— Не обижайте меня, уберите ваш кошелек.

— Да, но....

— Я очень прошу вас, не говорите больше ничего. Я не стала с ним спорить, спрятала кошелек, поблагодарила, попрощалась и вышла из машины.

Бондо пошел за мной.

— Во дворе темно, разрешите я провожу вас.

— Не беспокойтесь, я могу ходить тут с закрытыми глазами, я ведь здесь выросла.

— Мокро после дождя, не поскользнитесь.

— Ничего со мною не случится, не беспокойтесь. До свидания. — Я махнула ему рукой и ускорила шаг, но он все-таки пошел за мной.

Сердце мое забилося учащенно. Одна в темноте, с посторонним мужчиной. Такого со мной еще никогда не было.

Кругом во дворе были лужи, и Бондо несколько раз помогал мне перепрыгивать через них. Я не сопротивлялась... Наконец мы подошли к подъезду.

«Отчего я так волнуюсь, еще минута, и он уйдет» — разозлилась я на себя и только тогда поняла, что именно это и волновало меня: мысль о том, что мы с ним сейчас расстанемся навсегда словно обожгла меня.

Лампочка в подъезде горела тускло. В полутьме плохо различала лицо Бондо, но мне вдруг показалось, что и он волнуется. Он протянул мне руку. Его огромная сильная рука словно поглотила мою маленькую. Я стояла в оцепенении. Я знала — сейчас должно произойти что-то необыкновенное — и замерла в ожидании. Бондо стоял совсем близко, так близко, что я слышала его тяжелое дыхание. Глаза его блестели, губы что-то шептали, но я ничего не разбирала. Вдруг он притянул меня к себе.

— Я люблю тебя... люблю!.. — донеслось до меня словно из тумана.

Его горячие губы обожгли мне лицо. У меня закружилась голова. Это был мой первый поцелуй. Никто до этого не целовал меня так... Все произошло настолько неожиданно, что я и слова не успела вымолвить. Когда я пришла в себя, меня охватил стыд, я не знала, куда деть глаза, и попыталась высвободиться из сильных рук Бондо.

— Почему, почему вы поступили со мной так?! Вы употребили во зло мое доверие. Сейчас же оставьте меня, слышите!

— Дэя, дорогая...

— Пустите, я закричу!..

Бондо разжал руки. Он дышал тяжело, руки его бессильно опустились вдоль тела, широкие плечи вздрагивали.

— Прости меня, Дэя... Я сам не знаю, как это случилось. Не знаю... я потерял голову, прости...

— Оставьте меня, убирайтесь, наглец...

— Клянусь тебе, Дэя, я не наглец...

— Убирайтесь!..

Я стояла потрясенная, происшедшее казалось мне сном. Потом постепенно вспомнилось все, что произошло этим вечером. Перед глазами у меня всплыл образ Бондо, его горящие глаза, широкие, вздрагивающие плечи. И я поняла, что в жизни моей случилось что-то такое, что вычеркнуть теперь уже было невозможно.

7

Настал последний день старого года.

Церемониал нашего с Солико бракосочетания был назначен на два часа. В доме у нас царил праздничный суета... От избытка счастья у мамы все валилось из рук. Однако ее это не огорчало.

— Дай бог здоровья моей девочке! А посуда — это чепуха. Посуда, говорят, бьется к счастью!

Папа вел себя так, словно ничего не замечал, но когда мама уронила и разбила дорогое блюдо, он сказал мне, улыбаясь:

— Боюсь, доченька, что до прихода гостей наша мама всю посуду перебьет и нам придется попрошайничать у соседей.

— А ты ей самой скажи об этом...

— Ладно уж, пусть бьет, ей сегодня простительно, она ведь из-за тебя нервничает.

— А ты...

— Я конечно, тоже, но мать — это совсем другое дело.

— Знаешь, о чем я все время думаю, папочка, а будет ли у нас с Солико такая семья, как у тебя с мамой?

— Все зависит от тебя, девочка. Женщина — ствол, на котором семья держится.

— А как же мужчина?

— Ну, мужчина, разумеется, ее опора, но все зависит от женщины, это она должна устраивать так, чтобы в семье были радость и счастье.

— Моя мама — лучшая из женщин, правда, папочка?

— Да, Дэя, и ты, ее дочь, должна брать с нее пример.

— Но ведь мама очень любила тебя, она и сейчас, после двадцати лет супружества, смотрит на тебя с обожанием.

— Ну, а ты, Дэя, разве ты не любишь своего Солико? — удивился папа.

— Н-не знаю, — ответила я, помедлив.

Отец улыбнулся и ласково погладил меня по голове:

— У вас, родная, будет чудесная семья! — подмигнул он мне.

Последние две недели перед свадьбой мы с Солико почти не встречались, — он готовился к предстоящему концерту в Москве.

Я боялась признаться даже самой себе, но все, что произошло после его концерта, — та дождливая ночь, вторая встреча с Бондо — стали решающими в моей судьбе.

Я не находила себе места, стала молчаливой и раздражительной. Меня мучила бессонница и раздражало чужое присутствие.

Несколько раз я собиралась поговорить с мамой,

но разговора почему-то не получалось. Взгляды на женское счастье у нас с мамой были самые противоположные. Всю свою молодость мама провела в нужде и лишениях и считала, что истинное счастье женщины — это жизнь в довольстве и роскоши. Для меня же главным условием счастья было духовное богатство человека, которого я люблю.

Мама была так счастлива, что я выхожу замуж за парня из имущей семьи, что мой отказ выйти за Солико мог убить ее, поэтому я все время откладывала этот разговор, слова не шли у меня с языка.

За неделю до свадьбы, совершенно неожиданно к нам пришли Анета и Солико.

Мама цвела от счастья.

— Слава богу, дождались наконец! Что это, дорогие, вас не видно—не слышно. Ну, меня забыли, еще куда ни шло, девочку бы пожалели, извелась бедняжка от тоски, — упрекнула она гостей.

— Милая Дарико, ты напрасно сердисься, мальчик так занят, у него ведь скоро концерт в Москве, неужели ты хочешь, чтобы он оскандалился?!

— Бог с тобой, Анета, только ведь и девочку жаль, целыми днями одна сидит.

— Ничего, зато после концерта в Москве наши молодые повеселятся на славу. А кроме того, была у нас еще одна причина, отчего мы так долго не приходили: свадебного подарка ждали. Наконец сегодня вот получили и тотчас же к вам. Ну-ка, невестушка, открывай! — весело улыбнулась Анета и сунула мне в руки сверток.

— Откройте сами, — сказала я холодно, возвращая ей его.

Анета позеленела от злости.

— Что это с ней, совсем девочка от рук отбилась, не знаю, что с ней дальше-то будет! — недовольно сказала она маме.

— А-а, брось, — успокоила ее мама, — стоит ли обращать на них внимание, дети ведь еще. Забыла, небось, как сама в невестах ходила? Дай-ка мне сюда этот сверток! — сердито посмотрела на меня мама: — Сама открою.

Солико бросился помогать ей.

Когда наконец развязали все узлы, мама так за-

кричала от восторга, что, вероятно, у соседей за стеной слышали.

Анета довольно улыбалась. А Солико, я и оглянуться не успела, как накинул мне на плечи черную каракулевую шубку.

— Нравится? — спросил он тихо.

— Да... — растерянно ответила я.

— Восхитительно! — снова закричала мама.

— Подойди к моей маме, — прошептал мне на ухо Солико. — У нее еще кое-что для тебя есть.

Но я и не двинулась с места. Анета сама приблизилась ко мне и, надев мне что-то на шею, подвела меня к зеркалу.

— Носи его на радость! Тебе очень к лицу это ожерелье, Дэя. — сказала она.

— Чего ты стоишь, поблагодари же Анету, детка, — рассердилась на меня мама, но, к счастью, Анета перебила ее, и я так и не сказала ей спасибо.

— Твои подруги лопнут от зависти, когда увидят на тебе это ожерелье!

— Да, да, — подтвердила мама. — Ты уж слишком ее балуешь, милая Анета, — сказала она и расцеловала Анету.

— Шубу можешь надеть в институт уже завтра, покрасоваться перед подружками, а вот ожерелье — на свадьбу, — приказала мне Анета, закуривая сигарету.

— Правильно! Правильно!.. — закивала ей мама.

— Принесли бы тогда уж все это на свадьбу, — сказала я резко, снимая ожерелье и кладя его вместе с шубой на тахту перед Анетой.

Анета вспыхнула и, сердито сунув сигарету в пепельницу, проговорила:

— Ох и несносная пошла молодежь! Слова не скажи, у них на все ответ готов тут же.

— К счастью, ваш сын составляет приятное исключение, он как ягненок, — улыбнулась я насмешливо.

— А что в этом плохого? Разве сын не должен стесняться и уважать своих родителей?

— Разумеется, но ведь и всякая покорность имеет границы, — не уступала я.

— Ты с ума сошла, как ты разговариваешь с Анетой! — прикрикнула на меня мама.

193521
10000

— А это вместо спасибо, — принужденно улыбу-
лась Анета.

— Что вы напустились на нее! Дэя совершенно
права, — вступился неожиданно за меня Солико. —
Подарки, которые мы ей подарили, теперь уже ее соб-
ственность, и она вольна распоряжаться ими, как ей
удобно.

Слова сына вконец вывели Анету из себя:

— Посмотрите-ка на этого дурачка, еще не же-
нился, а уж пляшешь под ее дудку?!

В ответ я весело расхохоталась. Солико некоторое
время пребывал в растерянности, но потом тоже рас-
смеялся. Глядя на нас, не удержалась от смеха и сама
Анета:

— Э-эх, мои дорогие, неужто вы думаете, сама я не
была молодой? И мне многое не нравилось тогда, но
старшим перечить мы не смели. По правде говоря, мы,
старшие, иногда не знаем меры, вы уж нас должны
за это простить, потому что мы — родители, а родите-
лям дети, даже взрослые, всегда кажутся несмышлены-
шами.

— Но ведь и у молодежи, мамочка, есть свои за-
просы, свои идеалы, — робко возразил ей Солико. —
Разрешите уж и нам немножко свободы.

— Ох, сынок, не будь у тебя таких родителей, по-
глядела бы я на твои идеалы, — улыбулась Анета.

Все рассмеялись.

— Ты, мама, благодари бога, что труды твои да-
ром не пропали, а то знаешь ведь, до чего иногда ро-
дительская любовь да баловство доводят?!

— Ну к чему тебе, скажи на милость, уподоблять-
ся всяким подонкам?! — замахала на него руками
Анета. — Я ведь жизни не жалела, чтобы вам, детки,
хорошо было, но и вы должны постараться, не малень-
кие, небось.

— Да, милая Анета, уж ты и Бидзина такие роди-
тели, каких мало, потому-то и сын у вас такой, что им
тордиться можно, — сказала мама.

— А Дэя твоя чем хуже? Скромница, умница, вос-
питана хорошо и собой красавица, чего еще лучше же-
лать!

— Будет вам, тетя Анета, совсем вы меня захва-
лили, — досадливо отмахнулась я.

— Вот и оставьте нас с этой раскрасавицей на ее кунду вдвоем, — сказал вдруг Солико, подходя ко мне и обнимая меня за плечи.

Мама с Анетой, переглянувшись, рассмеялись. Анета покорно наклонила голову в знак согласия, потом взяла маму за талию и увела на кухню.

Когда мы с Солико остались одни, он поцеловал меня в щеку и сказал почему-то шепотом:

— Ты сегодня очень красивая, Дя.

— Отстань! Надоели мне твои комплименты! — произнесла я с раздражением, усаживаясь на ручку кресла.

— Ты сердита на маму? Не принимай все так близко к сердцу, она ведь любит тебя, как родную дочь! И чего это они с тетей Дарико так волнуются? Смешно даже.

— Надоела мне вся эта кутерьма!..

— Потерпи, родная, еще немного, и мы уедем в Москву. Я знаю, тебе там понравится. Театры, музеи... Я всюду тебя поведу. В этом году я прощаюсь со своими студенческими годами и хочу отметить это особо.

— Неужели ты знаешь, что такое годы студенчества? — спросила я с издевкой.

— Почему ты видишь во мне только недостатки? — спросил он жалобно.

— Вероятно, в тебе преобладают именно эти свойства, — ответила я спокойно.

— Ты сегодня не в настроении и почему-то непременно хочешь со мной поссориться?

— Очень!..

— Ссорься, ссорься на здоровье, если у тебя от этого улучшится настроение. Я тебя слушаю.

— Ты невыносим, Солико.

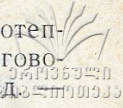
— Всею виною моя любовь к тебе.

— Не нужно мне такой любви, понимаешь, рабской, покорной! Это невыносимо, невозможно!

— Но я не могу по-другому, потому что люблю тебя, Дя, — серьезно сказал он, заглядывая мне в глаза.

Не знаю почему, но, не выдержав этого взгляда, я отвернулась, упустив тем самым последнюю возможность рассказать ему откровенно все, что накопилось у меня на душе.

— Говорят, в Москве чудесная зима. Мороз. Много

снега. Покатаемся с тобой на санках. Оденемся потеплее, тогда никакой холод не страшен! — Солико говорил так, словно мы и не поссорились минуту назад. Ты ведь любишь снег, Дэя. Помню, как в детстве ты ему радовалась. Любишь? Интересно, кого ты все-таки любишь больше, меня или снег?

— Да ну тебя! — отмахнулась я и пошла к окну. Солико последовал за мной. Он потянулся поцеловать меня, но я посмотрела на него так, что протянутые ко мне руки опустились и бессильно повисли вдоль тела:

— Какая ты жестокая, Дэя!

— Уж какая есть!

— Скажи, что шутишь, — попытался улыбнуться Солико. — Эх, Дэя, Дэя, пользуешься ты тем, что я так люблю тебя...

— Мои родители тоже очень любят тебя...

— Но ведь не из уважения же к ним ты выходишь за меня?

— Я покорная дочь! — ответила я зло, надеясь, что он наконец выйдет из себя, но ничего подобного не случилось.

— Если бы я с детства не знал твоего характера, у меня бы от твоих слов сердце разорвалось, — улыбнулся Солико. — Ну, ладно, шутки в сторону, а теперь я должен тебя оставить. У меня репетиция с оркестром. Если ты располагаешь временем и хочешь меня послушать, пойдем вместе.

— Нет у меня времени!

— В таком случае я убегаю. Профессор через полчаса будет в консерватории. — Он вышел в переднюю и, уже надевая перед зеркалом пальто, крикнул мне в открытую дверь:

— Да, знаешь, кого я сегодня встретил?!

— Откуда мне знать.

— Нашего знакомого, Бондо Чичуа, помнишь того шофера, что катал нас ночью после концерта в такси?

— Ну и что же?.. — я почувствовала, как сердце мое бешено заколотилось.

— Ничего. Я, конечно, тут же предложил ему деньги. Мы ведь тогда с ним не расплатились. А он — ни в какую. О тебе спрашивал. Я его даже на нашу свадьбу пригласил.

— А он?!

— Обещал, что придет.

Я вдруг почувствовала, что голова у меня раскалывается от боли и отчаянно щемит сердце.

Но Солико, как обычно, ничего не заметил. Он крикнул в кухню маме и Анете, что уходит.

Анета поспешила за сыном. Она извинилась за него, снова сославшись на его занятость, и, обнадежив меня, что в конце концов все будет хорошо, тоже ушла.

Мама с минуту смотрела на меня с участием, но потом занялась своими делами. Мне показалось, что она намеренно не заговаривала со мною.

Ночь я провела плохо, почти не спала, и на следующий день мне не стало легче.

Мое подавленное настроение не укрылось от Нуну.

— Что с тобой? — встревоженно спрашивала она.

— Ничего. Устала просто. Зачеты, экзамены... Надоело все!

— Брось! Можно подумать, это нам впервые... Ты что-то скрываешь, — недоверчиво посмотрела на меня Нуну. — Вид у тебя такой несчастный, что все кругом это замечают. Может, вы с Солико рассорились?..

— Ну что ты, это просто невозможно, только попытаешься поссориться, а он тут же начинает объясняться в любви.

— Это же счастье!

— Да, о таком счастье возможно только мечтать, — горько засмеялась я.

— А, может, по желанию Анеты свадьбу отложили?

— Нет, свадьба состоится в назначенный срок...

— Значит, кутим?

— Непременно...

— Твоя мама рассказала мне, что Анета подарила тебе на свадьбу шубку, отчего же ты мне ее не показала?

— Увидишь, я надену ее во дворец бракосочетаний.

— Она тебе идет?

— Не знаю... Сама увидишь.

— А кольцо и ожерелье?

— Тоже.

— Счастливая ты, Дэя, я так за тебя рада!

— И мама... Она чуть с ума от радости не сошла?

— А что говорит твой папа?

— О, папа сдержан, как и подобает мужчине.

— Дэя! — пристально посмотрела на меня Нуну. — Что с тобой творится? В последнее время ты какая-то странная... Может, разлюбила Солико?

— С ума сошла! С чего это ты взяла! — притворно рассердилась я.

Нуну некоторое время смотрела на меня недоверчиво, потом, виновато улыбаясь, проговорила:

— Прости, но мне почему-то показалось, что ты... Впрочем, знаешь ведь, такой уж у меня характер: мне всегда что-нибудь кажется...

Мы с Нуну дружили с самого детства и никогда ничего не скрывали друг от друга. Впервые я что-то угаивала, но чувствовала, что не в силах открыться ей.

Мучило меня и чувство вины перед Солико. Перед глазами моими неотступно стояла та дождливая, темная ночь после концерта, Бондо и все, что случилось потом. Втайне я не переставала мечтать о том, когда снова увижу его, услышу его голос.

Разве все это не измена?! Я была в отчаянии.

«Глупая, пустая девчонка! — сердилась я на себя. — И как только я позволила ему поцеловать себя, — мы ведь едва знакомы! Да он бог знает что обо мне подумает! А может... Может, этот шофер и вовсе забыл обо мне, может, для него это легкое приключение, а я, дурная, мучаю себя понапрасну!» — терзалась я одолевшими меня мыслями и обнадеживала себя тем, что после свадьбы все пройдет, забудется, ведь впереди новая жизнь, новые заботы, радости и огорчения.

И вот теперь, когда Солико сказал мне, что встретил Бондо и даже пригласил его к нам на свадьбу, а тот обещал обязательно прийти, все во мне снова всколыхнулось.

«Да он и в грош меня не ставит! Я ему безразлична. Забыть, не вспоминать даже его имени!» — лихо-радочно твердила я себе, отчаянно рыдая.

8

Готовить и накрывать свадебные столы маме помогали соседи и родственники. В доме было полно народу. Нуну и девочки обещали явиться к часу дня.

Несмотря на то, что все шло, как надо, я места себе

не находила: то сердилась на Солико за то, что он за-
поздывает, то принималась примерять свадебное пла-
тье, — оно мне не нравилось, как, впрочем, не нравилось
сегодня себе я сама, — то начинала бесцельно бродить
по комнатам. Мне было жарко, я задыхалась, словно
от удушья. Шум и суета, множество людей невероятно
раздражали, хотелось побыть одной, наедине со своими
мыслями.

— Пойду немного пройду, тут ужасно душно, —
сказала я маме.

— Что с тобой, деточка? Ты нездорова? — посмотре-
ла она на меня с беспокойством.

— Нет, я прекрасно себя чувствую.

— Да не сходи ты с ума по всякому поводу, Да-
рико, — вмешался папа, — пусть девочка выйдет на
свежий воздух. Здесь действительно дышать нечем.

— Открой окна, Ладо.

— Хорошо, но пусть Дэя пойдет прогуляться.

— Иди, дочка, — согласилась мама, — только не
задерживайся! Солико уже скоро будет здесь, да и
гости вот-вот соберутся.

— Тогда я лучше останусь...

— Иди, Дэя, иди... — сказал папа, помогая мне
надеть пальто.

— Одеда бы уж шубку, — крикнула мне из кухни
мама.

— Шубку она наденет во дворец бракосочетаний, —
подмигнул мне папа. — Так ведь было обещано Анете?

Спускаясь по лестнице, я вдруг услышала, как зна-
комый голос спрашивает:

— Мальчик, скажи, пожалуйста, в этом подъезде
живет Дэя?

— Дэя?.. Какая вам нужна Дэя, дядя, у нас ведь
их две, маленькая и большая.

— Та, у которой сегодня свадьба.

— Ах, Дэя Узнадзе? Она живет на четвертом эта-
же. Вас проводить?

— Спасибо, найду сам.

Я тотчас же узнала этот голос, я различила бы его
среди сотен других. Это был он, Бондо!

«Вероятно, пришел поздравить нас с Солико. Но
почему он пришел сюда? Ведь Солико наверняка пр»

гласил его к себе? Ладно, пусть поздравит здесь же, стану я из-за него возвращаться».

Мы столкнулись с ним лицом к лицу на третьем этаже и на мгновение оба словно окаменели от неожиданности. В праздничном костюме он выглядел необыкновенно красивым.

— Дзя!.. — глаза Бондо сияли. — Здравствуй!..

— Пришли поздравить меня с замужеством? — спросила я, принужденно улыбаясь.

Он смертельно побледнел.

— Вы... вышли замуж?

— Сегодня в два часа дня во дворце бракосочетаний вы сможете стать очевидцем этого счастливого события.

Из груди его вырвался вздох облегчения. Он подвинулся ко мне вплотную, сияя улыбкой:

— Если бы вы только знали, сколько я искал вас! Не пойму, как это получилось, но в темноте я не разглядел номер вашего дома и не запомнил подъезд, а, кроме того, я ведь не знаю вашей фамилии...

— И все-таки, почему вы пришли?..

Бондо ответил не сразу.

Оглянувшись, он сказал совсем тихо, почти шепотом:

— Я хотел вас увидеть... мне нужно сказать вам кое-что...

— Сейчас?..

— Да, сейчас. Для вас это, вероятно, не имеет никакого значения, но я все-таки хотел бы, чтобы вы знали — я не подонок, я...

Трудно описать словами, какое счастье овладело мною в эту минуту. Я смотрела на его пылающее лицо, горящие глаза, вслушивалась в звуки глухого, прерывающегося от волнения голоса и не могла поверить, что это не сон, но, пересилив себя, холодно спросила:

— Это все?..

— Я хотел вам сказать... — Бондо вдруг осекся. Он снял кепку и машинально вертел ее в руках. Некоторое время угрюмо смотрел на меня, потом вдруг сказал:

— Выйдем на улицу, тут вам стоять неудобно.

Медленно спускалась я по лестнице. Он шел рядом. Во дворе играли дети. Бондо подхватил толстого,

краснощечкого карапуза на руки и высоко подбросил его вверх.

Целая ватага ребятишек с веселым визгом окружила нас:

— И меня, дядя, и меня! — кричали они наперебой.

— Ах вы, чертенята, и не боитесь? Вот заброшу вас в космос!

— Хотим в космос! В космос!..

— Тогда становитесь в очередь!

Я смотрела на него с восхищением и думала: «Какие они с Солико разные!.. Сколько в Бондо жизни! Но не следовало мне разрешать целовать себя. Скорей бы уж говорил то, что хочет... Нехорошо, если Солико увидит нас вместе...»

— Ну, а теперь хватит, я тороплюсь, остальные в следующий раз! — сказал Бондо, весело отбиваясь от наседавших на него малышей.

— Дядя, дядя! Приходи еще! — кричали ему вслед ребятишки.

Бондо проводил их ласковым взглядом.

«Как он любит детей!» — глядя на него, подумала я и попыталась припомнить любит ли их Солико, но никак не смогла представить, как он относится к детям.

Из задумчивости меня вывел вопрос Бондо:

— На улице холодно, может, посидим в машине, если хотите, можем прокатиться?..

— Это ваша машина? — спросила я, указывая ему на стоявшую неподалеку голубую «Волгу».

— Нет, моего друга. Может слышали, есть такой Заза Тухарели, его многие знают. Он великолепно поет и играет на гитаре, его даже по телевизору показывали, а, кроме того, он передовой водитель.

— Так как же его показывали по телевизору: в машине или с гитарой?

Бондо рассмеялся:

— Представьте себе, ни так, ни эдак, а как отца близнецов, жена его недавно родила тройню — двух мальчиков и дочку.

— Нет, такого не знаю! — пожала я плечами.

— Наш главный называет его экстра-парнем, — снова засмеялся Бондо и, вдруг покраснев, продолжал: — Машину эту ему подарил отец, дом в деревне они недавно продали, вот на эти деньги он ее и приобрел.

А с Зазой мы вместе в армии служили, золотой парень!
— Вы, что же, пришли сюда для того, чтобы рас-
сказать мне биографию этого Зазы? — спросила я не-
терпеливо.

Бондо рассмеялся.

— Скажите наконец зачем вы пришли... — прого-
ворила я резко.

— Тут неудобно!..

— Удобно, говорите.

— Холодно, вы простудитесь, сядьте в машину.

Я быстро отворила дверцу и уселась на заднее си-
денье. Бондо сел за руль.

— Поедем на набережную! — сказала я очень ти-
хо и почему-то низко опустила голову. Я знала, что де-
лаю глупость, что не имею права оставаться наедине
с этим человеком, да еще сегодня, но не могла побороть
себя...

— Вам холодно?

— Немножко...

— Включить печку?

— Да, пожалуйста...

— Последний день декабря... Холодно... Должен
пойти снег, а где он?..

— Еще может выпасть ночью.

— Хорошо бы...

Так, разговаривая о всяких пустяках, мы выехали
на набережную. Бондо сбавил скорость и, полуобернув-
шись ко мне, вдруг многозначительно спросил:

— Вы и теперь не верите в судьбу?

— Какие глупости! И вам не стыдно?! Молодой, а
такой суеверный!

— А мы, водители, народ суеверный, — улыбнул-
ся он и, снова обернувшись ко мне, задумчиво продол-
жал: — Когда он встретил меня и пригласил на свадь-
бу, я чуть ума не лишился от горя, в этот миг мне по-
казалось, что у меня отняли даже мечту о встрече с
вами. Я ведь искал вас, как одержимый, всю следую-
щую неделю, но бесполезно, вас нигде не было, а вот
сегодня судьба улыбнулась мне!..

— И все-таки, как же вы нашли меня?!

— Сегодня утром, когда, казалось, исчезла уже
всякая надежда, я встретил на улице своего друга, мы
разговорились. Рядом с нами остановились поговорить

несколько девушек. Друг мой обратил внимание на то, что одна из них не сводит с меня глаз, и, смеясь, сказал мне об этом. И кто, как вы думаете, это оказался?! Ну ну! Ваша Ну ну!..

— Ну ну?!

— Да, она.

— Так это Ну ну дала вам мой адрес?

— Вам неприятно, Дэя?

Я не ответила, да и что я могла ему ответить.

— Со дня нашей встречи я потерял покой... Я ведь, чего греха таить, и до вас знал многих девушек, но такого со мной, поверьте, еще никогда не случилось. Почему, почему мы встретились так поздно?! Разве не судьба надсмеялась надо мной? Эта дождливая темная ночь... Мы вдвоем, шлепающие по лужам... Потом снова встреча и снова дождь! Не оплакивала ли природа меня, невезучего, Дэя!

— Те две ночи, Бондо, были красивой сказкой, но сегодня эта сказка должна кончиться, сегодня я выхожу замуж...

— Ты... Ты не любишь его! — крикнул он отчаянно. — Не любишь!..

— Выходит, люблю, если выхожу за него.

— Неправда!.. — остановил он машину. — Если бы ты любила его, ты бы не была сейчас тут со мной!..

Такого обвинения я никак не ждала. Щеки мне залила краска стыда:

— Вы правы, я виновата, я вела себя как глупая, легкомысленная девчонка... — сказала я почти шепотом и, низко опустив голову, зарыдала.

— Дэя, любимая, прости меня! Я безмозглый идиот, сам не знаю, что говорю! Ты даже не представляешь себе, как я счастлив от того, что ты рядом. При мысли, что ты уйдешь к нему, у меня мутится разум. Не уходи! Останься, умоляю тебя, любимая!.. Ты не любишь его, я знаю, я понял это еще в тот вечер, когда ты оставила его в машине и одна ушла в дождь!..

— Поздно, Бондо, все уже решено! Я должна быть его женой, так хотят мои родители. Они в неоплатном долгу перед семьей Солико, моя мама не перенесет, если эта свадьба расстроится. Отвезите меня домой. Я не виновата в том, что случилось...

— И не моя в том вина, Дэя, что я люблю тебя...

— А я и не виню вас ни в чем. Прошу только, отвезите меня домой...

Он посмотрел на меня долгим взглядом, потом, горестно вздохнув, сказал:

— Ну что ж, раз ты просишь меня об этом, я отвезу тебя...

Бондо включил мотор и только собрался отъехать, как вдруг раздался отчаянный крик:

— Помогите! Убивают!

В надвигавшихся сумерках мы разглядели дерущихся парней.

— Ах, черт, четверо на одного! — возмутился Бондо.

— Помогите, помогите! — снова раздался душевраздирающий крик.

— Сойди, Дзя, и подожди меня тут, я быстро вернусь!

— Ни за что! Не смей идти туда, у них наверняка есть оружие, они и тебя не пощадят!..

— А если убьют человека! — Он посмотрел на меня так, что я не смогла возразить, и, сойдя на тротуар, крепко притворила дверцу машины.

— Осторожней! — крикнула я ему вслед. Но он уже не слышал меня, он мчал машину к месту происшествия.

На набережной было пустынно.

«Они убьют его», — пронеслось у меня в мозгу. И, не помня себя, я тоже побежала... Я видела, как он вышел из машины и приблизился к дерущимся. Я не сводила с него глаз, предчувствуя надвигавшееся несчастье. Бондо что-то кричал парням, они отвечали ему. Потом вдруг один из них бросился на него с кулаками. Бондо защищался отчаянно. Ударил одного, второго... Я приободрилась и подбежала ближе. Но радость моя была преждевременной: один из них подкрался к Бондо сзади и нанес ему удар ножом в спину. Затем все бросились врассыпную.

— Подонки! Сволочи!.. — крикнул им вдогонку Бондо и, шатаясь, бросился к машине...

В отчаянии я ломала руки, не зная, как ему помочь. И вдруг сзади услышала шум приближавшейся машины.

— Умоляю вас, помогите, — подбежала я к водителю: — Обгоните вон ту машину! Эти подонки ранили шофера. Видите того, что бежит впереди, он ранил водителя машины! — Я не успела договорить, как раздался ужасный треск. Мгновенно обернувшись, я увидела, что машина Бондо, пробив парашет, передними колесами повисла над Курой.

— Бондо! Бондо! — отчаянно закричала я и, не помня себя, бросилась к месту катастрофы.

Теперь сюда со всех сторон бежали люди.

— Не ходите туда!.. — преградила мне путь какая-то женщина.

— Что с ним? Он погиб, умоляю вас, скажите мне правду, не скрывайте!..

— Не знаю! Не подходите близко!..

Издали послышался вой сирены «Скорой помощи».

Волна любопытных оттеснила от меня незнакомую женщину. Я снова осталась одна.

«Господи, чего я стою, как чужая!..» — к горлу подкатил комок. Растолкав любопытных, я кое-как пробралась к «Скорой помощи» и хотела было сесть в машину, но доктор остановил меня.

— Девушка, куда вы?

— Доктор, прошу вас, я должна быть рядом с ним, — сказала я умоляюще. — Разрешите мне ехать с вами.

— Ну, если это так обязательно, садитесь, — сказал он многозначительно, и машина с ревом помчалась по набережной.

9

В тяжелом состоянии, без сознания, Бондо был доставлен в больницу. Он был почти безнадежен.

— Больному предстоит сложнейшая операция, — сказал мне заведующий хирургическим отделением профессор Цуладзе. — Как это его угораздило? Свершится чудо, если бедняга выкарабкается.

— Он защищал жизнь другого человека, доктор.

1955
21101933

— М-да! — покачал головой старый профессор. Живого места на нем нет, ишь как измолотили парня, а вообще-то он здоровяк, богатырь, жаль, если погибнет...

— А я все-таки, доктор, не теряю надежды.

Профессор посмотрел на меня поверх очков и глубоко вздохнул.

— Правильно, молодец! Уважаю оптимистов, иногда это помогает больше, чем лекарства, — ободряюще потрепал он меня по плечу и ушел в операционную.

Еще совсем недавно я проходила практику в этом отделении и была знакома тут почти со всеми, поэтому мое появление здесь никого не удивило. Никто даже не спросил меня о том, чем я так взволнована и что связывает меня с раненым, все сочли мое беспокойство естественным и очень сочувствовали мне.

Бондо пробыл в операционной около трех часов. Наконец профессор вышел оттуда и, радостно улыбаясь, ободряюще похлопал меня по плечу. Однако через час состояние больного резко ухудшилось.

В предновогодний вечер все в больнице торопились домой. В отделении не осталось никого, кроме медсестер и дежурного врача, который и передал мне пропуск.

— Это для вас оставил профессор. Вы, конечно, будете при больном этой ночью.

— Разумеется.

— Я у себя, не стесняйтесь, если что вдруг понадобится.

— Спасибо!

— Он, кажется, водитель?

— Да, водитель.

— А как же это так неосторожно, подумать только — через парапет и в Куру!

— Это, доктор, произошло не по неосторожности, пострадавший — жертва собственного благородства.

— Простите, не понял вас? — удивленно посмотрел на меня врач.

— Он вступился за жизнь юноши, на которого напали четверо хулиганов.

— Что вы говорите! А где же тот юноша?

— Умер. Они убили его. Бондо опоздал. Но им от него досталось, так что всю жизнь помнить будут!

Я рассказала врачу подробно обо всем, что произошло на набережной.

— Молодец ваш знакомый, настоящий герой! А ведь всего этого не знал. Только что принял дежурство и не успел расспросить подробности.

— Как вы находите состояние больного?

— Трудно сказать, — неопределенно покачал головой дежурный врач.

— Да-а... — Профессор, уходя, ничего утешительного не сказал... Я очень надеялась, когда его вывезли из операционной, но теперь...

Я даже не заметила как стемнело. Кто-то в палате зажег свет. И лишь тогда я вспомнила о маме, папе, Солико и предстоящей свадьбе... Выскочив в коридор, я бросилась к телефону.

Трубку взяла Нуну. Конечно, она сейчас же узнала мой голос, и, когда назвала мое имя, в трубке раздался пронзительный мамин крик:

— Дэя, девочка моя, где ты, что с тобой, ты жива?..

— Успокойся, мамочка! — кричала я ей в ответ. — Я жива и со мной ничего не случилось.

— Где ты, детка, говори скорее, куда посылать за тобой машину?!

— Не нужно машины, я не приду, мама!

— Что ты говоришь, девочка моя, Дэя! Как это не придешь! Скажи мне толком, что с тобой случилось, где ты находишься?! — закричала мама.

— Не бойся за меня, мамочка, я здорова, и ничего со мной не случилось, но я не приду, — сказала я твердо.

— Господи, не губи нас, дочка! Что я скажу Солико, Анете, Бидзине?! Твой жених плачет, как ребенок... Дом полон гостей... Заклинаю тебя, возвращайся немедленно!..

— Нет, мама!..

— Дэя!.. — услышала я в трубке отчаянный возглас мамы. Сердце мое сжалось от жалости. Я знала, какой удар наносу своим родителям, но поступить иначе теперь уже не могла. Потом посмотрела в окно на улицу и медленно повесила трубку.

Падал снег. Тихо кружились в воздухе крупные белые хлопья. Перед глазами у меня снова всплыло бледное лицо мамы.

«Бедная мама, как ждала она этого дня и как обманула я ее ожидания...»

В последнее время, как только мы с мамой оставались вдвоем, у нас непременно затевался один и тот же разговор.

— Скоро ты станешь женой известного пианиста и заживешь, как царица, — счастливо улыбаясь, говорила мама.

— Разве это главное в жизни, мама? — спросила я ее однажды.

— Главное — это хорошая жизнь, когда все твои желания исполняются, а если есть желания и они осуществимы, жизнь делается во много раз красивее, тогда и в семье царят радость и веселье, а разве не это есть счастье, доченька?

— А вы с папой? Насколько я знаю, у папы не было возможности баловать тебя, а ведь вы вдвоем прожили счастливую жизнь?

Мама снова улыбнулась.

— Ты ведь сама говоришь, что у отца не было возможности, вот я и примирилась со своей участью. А как ты думаешь, если бы мне жилось чуточку полегче, разве было бы плохо? Эх, дочка, поверь мне, хороша хорошая жизнь!..

— Во всяком случае, ради этой самой хорошей жизни не следует жертвовать собой...

— Дэя! — оборвала меня мама на полуслове, — никогда не повторяй этого. Вы с Солико любите друг друга с детства.

— Но детство давным-давно кончилось, мама, мы выросли и перестали понимать друг друга.

— Ты хочешь моей смерти? Нет? Тогда никогда не повторяй того, что произнесла сейчас! Скоро Солико кончит консерваторию и начнет концерттировать. Впереди у вас гастроли, путешествия по всему миру. Ты же любишь путешествовать? Вы с ним поездите по свету, побываете в Риме, Париже, Лондоне, Варшаве...

— А мне и в Тбилиси хорошо!

— Тбилиси прекрасен, дитя мое, но разве плохо по-

видать мир? Представляешь, Солико на сцене — удех, цветы, буря оваций, а ты — в ложе, принимаешь поздравления. Какое это счастье!

— С чего ты взяла, мама, что он непременно будет ездить на гастроли?

— Но ведь все в один голос твердят, что у него талант.

— Никто не знает, какая судьба ожидает его завтра. Не такие еще таланты заглохли, не успев развиться.

— Милая моя девочка, если это и так, то я все равно за тебя не беспокоюсь. Анета и Бидзина позаботятся о вас. Безбедная жизнь вам обеспечена. Жаль только вот, что и ты не кончила консерватории.

— Я ведь тебе устала повторять, мамочка, что не все могут учиться в консерватории!

— Ты — это не все, вот Анета, например, говорит, что...

— Ах, оставь, пожалуйста, твоя Анета просто глупа...

— Господи! Скорей бы уж ты наконец вышла замуж, только тогда я и успокоюсь. Может, хоть тогда ты придешь в себя... А впрочем, все невесты строптивы, — засмеялась она и поцеловала меня.

«Бедная мама! Какой ее ожидает Новый год! А папа? Интересно, что думает он? Наверное, сердится на меня? Хотя он всегда встречал молчанием все Анетины излияния. Может, не сердится?» — От этой мысли у меня даже на душе полегчало.

Папа никогда не вмешивался в наши женские разговоры, не говорил ни «да», ни «нет», но я чувствовала, что от моего жениха он не в восторге.

Помню, раз как-то, когда папа собрался на футбол, в гости к нему пожаловал его давний товарищ. Оказалось, что и гость не прочь составить папе компанию, кроме того, у него даже оказался лишний билет. В предвкушении удовольствия гость и хозяин уселись за стол выпить по кружке пива, и как раз в это время к нам пришел Солико. Папа очень обрадовался его приходу и тотчас протянул ему билет на футбол.

— Что это? — удивленно пожал плечами Солико.

— Как что? Билет на стадион.

Застенчиво улыбаясь, Солико вернул билет папе.

— Я на стадион не хожу.

— Почему? — удивился папин товарищ.

— Времени нет, и вообще футбол меня не интересует.

— И я до него не большой охотник, только ведь такой матч пропускать грешно.

— Солико у нас очень занятой, он, знаете, будущий пианист, — вступилась за него мама.

— Выходит, мы с тобою, Ладю, бездельники, — засмеялся гость и многозначительно подмигнул папе.

Вечером на кухне я услышала, как в соседней комнате мама говорила папе:

— Этому твоему товарищу наш Солико, видно, пришлось не по вкусу, он смотрел на мальчика с такой насмешкой, что мне даже не по себе стало.

— Сдается мне, он не совсем неправ...

— Господи, боже мой, может, и тебе не нравится твой будущий зять?

— Э-э, нашла время спрашивать, свадьба-то уже на носу.

— Объясни, пожалуйста, кого в конце концов тебе бы хотелось в мужья своей дочке?!

— Оставь меня в покое, Дарико, к чему, скажи на милость, ты затеяла этот разговор?

— И все-таки, интересно, чем он тебе не угодил, парень, слава богу, всем вышел...

— Да, что и говорить, браковать его не за что и все-таки не такого хотелось бы мне иметь зятя.

— А какого, если не секрет?

Папа, видимо, решил промолчать, но мама не отставала от него:

— Ну, говори же, не томи меня, Ладю!

— Видишь ли, жена, семья наша простая, без особых претензий, ведь, слава богу, и образование у меня не ниже Бидзининового, и Дзю наша не хуже их Солико, но они живут как-то уж очень напоказ. Боюсь, трудно будет нашей девочке с ними ладить. В их обществе чувствуешь себя как на сцене, а это, согласишься, довольно тяжело, если к тому же без привычки.

— Дзю привыкнет. Сейчас модно так жить. Дача, собственная машина, если их у тебя нет, какая же это семья! А мне хочется, чтобы у нее было все, как у людей, понял?!

— Если твоя дочь думает так же, как ты, то я не вмешиваюсь, но смотри, чтобы потом она тебя не упрекала, я-то уж ее хорошо знаю!

— Ох, чтоб тебе... и сам, как говорится, не ам и другому не дам! Видно, не желаешь ты счастья родной дочери!..

— Нашла о чем мечтать, дом ей подавай, дачу, машину! Да знаешь ли ты, что у тех, кто все это имеет, ночью сна нет, а я, слава богу, сплю без задних ног, ну а уж если мне надо поехать куда, на то ведь есть такси.

— Что ты этим хочешь сказать, что Бидзина...

— Не знаю, я этого не говорил, но одно я все-таки предполагаю, что на зарплату снабженца не очень-то разживешься.

— Не твое это дело!..

— Как так не мое, ведь в эту семью собирается войти моя дочь...

— Ох и паршивый у тебя язык!

— Чего ты хочешь? В конце концов сама заставила меня заговорить об этом. Пойми, меня беспокоит будущее девочки. Мы ведь не вечны, боюсь я за нее, трудно придется с таким-то мужем.

— Что ты порешь, несчастный! — возмущалась мама.

— А то, что не могу я надеяться на этого Месхивили, понятно тебе?!

— На Солико? Это почему же?!

— Да потому, что, кроме игры на рояле, он ничего не умеет...

— А по-твоему, этого мало?

— Дарико, неужели тебя свели с ума все эти Анетины побрякушки?

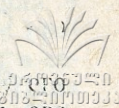
— Глупый, благодаря этим побрякушкам у твоей дочери будет беззаботная жизнь!

— Дай бог, дай бог! Мне ведь больше ничего в жизни не надо, я свое отжил, мое единственное желание — видеть Дэю счастливой!..

Тяжело начался для нас этот Новый год.

В полночь у Бондо поднялась температура, боли усилились, начался бред. В беспамятстве он то жалоб-

но стонал, то боролся с кем-то, то звал меня. мо
помощи...

Всю ночь мы с дежурным врачом находились
изголовья, старались сделать все, чтобы облегчить его
страдания. Наконец на рассвете он вдруг
и уснул. Усталая и измученная, я тоже задремала. Раз-
будило меня чье-то приглушенное рыдание. Открыв
глаза, я увидела у постели Бондо незнакомого плачу-
щего мужчину.

— Тут нельзя плакать, прошу вас, выйдите,— тихо
сказала ему я.

Мужчина, всхлипывая, послушно вышел в коридор.
Я пошла за ним.

— Ему очень плохо? — спросил мужчина.

В ответ я только молча кивнула и, чтобы не запла-
кать, поспешно отвернула лицо.

— Неужели нет никакой надежды?

— Я ее не теряю, но врачи говорят... Рана глубо-
ка, — не сдерживаясь больше, я горько разрыдалась.

— Горе мне! Бондо!... — схватился за голову муж-
чина. И снова стал всхлипывать.

— Тише! Больных разбудите, — пыталась я успо-
коить его и немного погодя спросила: — Вы его брат?

— Эх, милая, откуда у него, бедняги, брат, один-
единешенек он на всем белом свете. Друг я ему, Туха-
рели моя фамилия. Заза Тухарели.

— Знаю. Он мне о вас рассказывал, но как вы уз-
нали про Бондо?

— От ребят, они пришли ко мне с этой ужасной
вестью на рассвете.

— Вы, наверное, знаете, что стало с вашей ма-
шиной?

— А-а, черт с ней, с машиной, лишь бы Бондо вы-
жил! Подумать только, какой парень из-за этих подон-
ков погибает! Знаете, их поймали. всех четверых, они
ведь хотели ограбить того несчастного. Если что слу-
чится с Бондо, наши ребята собственными руками их
разорвут.

— Оставьте эти ужасные мысли! Бондо непременно
выздоровеет, должен!

— Вы работаете тут? — неожиданно спросил меня
Заза.

— Нет.

Он недоумевающе посмотрел на меня.

— Кто же вы?

Я поняла, что Бондо ему ничего не говорил обо мне. Поколебавшись с минуту, я откровенно рассказала ему все.

— А ваши родители, они знают где вы? — спросил он осторожно.

— Нет!..

— Но так же нельзя, вы должны дать им знать. Представляю, что они сейчас переживают.

— Не знаю, как это сделать... боюсь, они не поймут, не простят...

— Возможно, но вы должны это сделать, а уж простить или нет — это их воля. Дайте мне ваш адрес, я сам к ним поеду.

— Нет, нет, не оставляйте меня одну с ним, он так слаб, я боюсь! — Всю ночь я просидела рядом с Бондо одна и ничего не боялась, а теперь вдруг меня охватил страх.

— Только на полчаса. Я вернусь быстро и принесу вам поесть.

— Боюсь, что мучаю вас напрасно, они не простят мне, я знаю.

— Надеюсь, все обойдется. Черкните им пару слов, я думаю, что так будет лучше, уверен, они вас не оставят.

— К сожалению, у меня нет такой счастливой уверенности.

10

Уже совсем рассвело, когда Заза наконец отнес нашим мое письмо.

«Дорогие мамочка и папа, — писала я. — Простите меня за испорченный Новый год, за огорчения, которые я вам причинила! Поверьте, все случилось совсем неожиданно! Несколько часов назад я и думать не могла, что свадьба может расстроиться.

Если вас интересует, что произошло со мной, подайте письма расскажет вам обо всем подробно. Целую вас. Ваша Дэя».

Не прошло и часа, как Заза привез в больницу моих родителей...

Увидев меня живой и невредимой, мама упала в обморок. Долго приводили ее в чувство. Почти час пролежала она в кабинете дежурного врача, а, придя в себя, прижала меня к груди и громко заплакала. Папа курил папиросу за папиросой. Я заметила, как несколько раз ему на глаза тоже навергывались слезы. Плакала и я. Увидев наконец, что мама немного успокоилась и папа в состоянии выслушать меня более или менее спокойно, я откровенно рассказала им обо всем, что приключилось со мною.

Они слушали, пораженные.

— Ты была свидетельницей всего, что произошло на набережной?! — взволнованно прервал меня папа.

— Конечно.

— Это похоже на сказку, — сказала мама. — Покажи нам поскорее твоего героя!

— Нет, мамочка, нет, только не сейчас. Завтра, послезавтра, когда ему станет чуточку легче. Сейчас он без сознания.

— Ваша дочка права. Пожалуйте в другое время, а теперь вам и самой надо отдохнуть, — посоветовал ей врач.

— О, если я не умерла вчера, то сегодня мне уже ничего не страшно. Сегодня, когда я вижу свою девочку живой и здоровой, меня ничто не убьет. Покажите же мне его.

— Мама права, теперь мы уже не можем уйти, не повидав этого парня, — сказал мне папа.

Мне ничего не оставалось, как выполнить их просьбу.

Когда мы вошли в палату и я указала им на кровать Бондо, у мамы вырвался глухой стон.

— Горе твоей матери, сынок! — воскликнула она, схватившись за голову.

Папа ничего не сказал, но я поняла, что вид раненого потряс его. Отвернувшись, он нетвердыми шагами вышел в коридор.

— Родным сообщили? — спросила мама Зазу.

— Нет у него никого. Родители его умерли давно, воспитывал Бондо дед; его уже тоже нет в живых.

— Бедный мальчик, — сказала мама и посмотрела на него с участием. — Только бы он выздоровел.

— Должен, непременно должен!.. — прошептала я и, не сдерживаясь, заплакала.

Мама посмотрела на меня с упреком.

— Что с тобой, ты ведешь себя странно! Неудобно все-таки...

— Мне нечего стыдиться, мама!

— Ты что, забыла, какой вчера был день?

— Но ведь я, мама, обо всем вам рассказала.

— А как ты будешь оправдываться перед Солико?

— С чего ты взяла, что я собираюсь перед ним оправдываться?

— Дзэ! — удивленно посмотрела на меня мама. — Ты что же, не собираешься возвращаться домой?!

— Я люблю этого человека, мама...

Наш разговор прервало появление в палате какого-то незнакомого мне мужчины. Заза, стоявший тут же, почтительно поздоровался с ним и, подойдя ко мне вплотную, прошептал мне на ухо:

— Это наш начальник, Серго Каландадзе.

— Он еще без сознания? — спросил у Зазы Каландадзе.

— Да, — кивнул тот.

— Ох и беспокойный этот наш Бондо, — покачал головой Каландадзе. — Он был на твоей машине?

— Да.

— Я видел, в каком она виде! Ты не огорчайся, что-нибудь придумаем.

— Черт с ней, лишь бы Бондо был жив-здоров!

Каландадзе ласково потрепал Зазу по плечу и, обернувшись к маме, спросил:

— Вы останетесь с больным?

Она растерянно молчала.

— Я за ним буду ухаживать, — ответила я за нее.

Мама побледнела как полотно, но Каландадзе больше не взглянул на нее и, разумеется, не заметил ее замешательства. Он вытащил из кармана бумажник, извлек из него пятидесятирублевку и положил ее на тумбочку у постели Бондо:

— Сейчас ему нужен усиленный уход, не стесняйтесь в расходах, товарищи не оставят его в беде, — сказал он, пожимая мне руку.

— Не беспокойтесь...

— Да, да не беспокойтесь, товарищ начальник, — поддержал меня Заза.

Мама сердито посмотрела на меня и сказала Каландадзе:

— Не слушайте вы ее, она ведь ничего в этом деле не смыслит, совсем еще ребенок, растерялась, сама не знает, что говорит! Больному необходим уход, лекарства, усиленное питание. Разве девочка все это сможет?! Хорошо бы нанять ему сиделку. Поговорите с дежурным врачом, он вам подскажет, что надо делать.

Каландадзе еще раз взглянул на Бондо, раскланялся с нами и быстрым шагом вышел из палаты.

Заза пошел за ним следом.

Мама некоторое время стояла молча, переводя взгляд с обезображенного лица Бондо на забинтованные руки и ноги, потом посмотрела на меня и спросила:

— Где он работает? Кто он по профессии?

— Я ведь тебе уже говорила, он шофер, работает на такси.

Мне вдруг показалось, что мама сходит с ума: она сначала побледнела, потом покраснела как бурак, и, откинувшись назад, схватилась руками за голову.

— Ты понимаешь, что ты натворила?

— Мама!

— Анета со смеху лопнет и будет права. Что скажут люди, ты подумала?!

— Прошу тебя, мама, замолчи!

— Замолчать? Как же мне замолчать? Ты понимаешь, что ты с нами сделала? Нечего сказать, хороша дочка, на весь мир родителей ославила!

— Что мне мир, что мне люди, мама, я люблю его!.. Он будет учиться, пробьет себе дорогу и...

— Будет учиться! — горько усмехнулась мама.

— Да, будет... — упрямо повторяла я.

— Сколько ему лет?

— Не знаю...

— Может, и фамилии его ты не знаешь?

— Чичуа его фамилия.

— Хорошо хоть, что ты знаешь, как его зовут, — сказала она с насмешкой. — Вот уж не думала, что у моей дочери такой дурной вкус.

— Я люблю его, люблю!..

— Но ты ведь и Солико любила...

— Я никогда не любила Солико, мама.

— Почему же тогда ты собиралась за него замуж?

— Потому, что ты этого желала!..

С минуту мама молчала, потом вытерла слезы и задумчиво сказала:

— Я ведь хотела тебе только хорошего, хотела, чтобы у тебя была безоблачная жизнь. Тот, за кого я тебя выдавала, не урод и не неуч. Прекрасная партия!

— Но я не люблю его и никогда не любила, я разочаровалась в нем с тех пор, как стала что-то понимать!..

— Дерзкая девчонка! — выкрикнула вдруг мама и, резко выпрямившись, вышла вон из палаты.

11

Только в конце октября врачи разрешили Бондо выписаться из больницы.

— Смотрите, не забудьте пригласить нас на свадьбу! — улыбнулся нам на прощание старый профессор.

— Вы, профессор, будете у нас самым дорогим гостем!

— С удовольствием. А за Дэю мы выпьем тост особо. Она молодец! Замечательная девушка, стойкая, выдержанная и любить умеет верно и крепко. Дай вам бог, милая, большого счастья! — сказал он, крепко пожимая мне руку.

Бондо посмотрел на меня таким взглядом, что лицо и шея мои залились краской.

Как только мы вышли за порог больницы, друзья Бондо устроили нам встречу, от которой на улице остановилось движение.

Нуну все это время тоже была рядом с нами.

— Когда вы распишетесь? — спросила она.

— Еще не знаю, наверное, завтра или послезавтра. Это мы с Бондо решим вечером.

— Ты останешься у него этой ночью?

— Конечно...

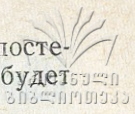
— Свадьба у вас будет?..

— Непременно.

— Дэя, а Сосо, ты и его пригласишь?

— Обязательно.

— Ой, боюсь, как бы он чего-нибудь не натворил.

— Не бойся, Сосо несколько ночей провел у постели Бондо, они очень подружились, так что все будет в полном порядке.

— Отчего же ты мне ничего об этом не сказала?! — радостно улыбнулась Нуну.

— Неужели не сказала?.. — удивилась я. — Значит, просто забыла.

— Ну ладно, теперь это уже неважно, главное, что Сосо... — Нуну вдруг остановилась и растерянно проговорила: — Твой папа, Дэя...

— Дэя, доченька! Вы непременно должны сначала поехать к нам, — преградил неожиданно нам дорогу папа.

Бондо отделился от товарищей и подошел к нам.

Папа первый обнял и горячо расцеловал его.

— Вы должны поехать к нам... домой... — запинаясь от волнения, поспешно обратился он к Бондо.

Бондо вопросительно посмотрел на меня:

— Но как же мама?.. Она ведь... — растерялась я.

— На улицу Шерозия! — неожиданно скомандовал Заза и широко распахнул перед папой дверь машины.

Через неделю мы с Бондо расписались. Дружками на нашей свадьбе были Нуну и Заза. Гостей собралось много. Только Сосо почему-то никак не приходил. Нуну все глаза проглядела. Он появился лишь в разгар свадебного веселья в сопровождении нескольких ребят с гитарой, подошел ко мне и, поцеловав меня в щеку, пожелал мне счастья, потом обратился к Бондо.

— Дай бог, чтобы тебе никогда в жизни не пришлось трудно, — сказал ему Сосо, — но если в чем-либо смогу быть вам обоим полезен, считай меня своим братом. Эта девушка давно пленила меня, но она выбрала тебя, видно, твоя она судьба, а посему желаю вам мирно состариться вдвоем! Эй, друзья, — обратился он к окружающим, — веселее! Музыка! — и пригласил меня танцевать...

Через несколько дней, когда в гости ко мне пришла Нуну, она почему-то снова завела разговор о Сосо.

— Какой он молодец! Повел себя так благородно, клялся Бондо быть ему братом, а ведь от всей этой истории с тобой он чуть головы не потерял. Я была про-

сто уверена, что на свадьбе он непременно что-нибудь выкинет, но видишь, как все обернулось.

— Другого выхода у него не было.

— Скажу тебе откровенно, Дэя, жаль мне парня, я вот по своей душевной слабости все ему прощаю, а ты... тебя потому и любят, что ты умная и сильная!..

— Не говори глупостей, Нуну, — улыбнулась я.
— Умных женщин обычно не любят.

— Знаешь, Дэя, я почему-то очень жалею и Солико, хотя просто уверена, что рано или поздно вы с ним непременно бы разошлись, очень уж вы были разные.

— Да, перед Солико я, конечно, виновата. Не следовало мне доводить дело до свадьбы, а все из-за родителей, обидеть их боялась.

— Это любовь к Бондо заставила тебя сделать решающий шаг?

— Конечно!

— Ну а что Сосо? На что же он надеялся? — испытующе поглядела на меня Нуну.

Мне стало жаль ее, захотелось сказать ей, чтобы она перестала думать о нем, но я не смогла.

— Наверное, Сосо не знает, что насильно мил не будешь.

Нуну дернулась как ужаленная. Больше мы с ней об этом не заговаривали.

●
Наши гости разошлись на рассвете. Когда кончили разбирать свадебные столы, Бондо захотелось показать мне дом, где он родился и вырос.

Я с радостью согласилась.

— Вы все-таки забираете ее от нас? — забеспокоилась мама. — Разве у нас не достаточно места?

— Не волнуйтесь, мама, — улыбнулся ей Бондо, — я ведь вчера еще обещал хозяину дома съехать с квартиры. Он выдает замуж дочь, молодым нужна комната, а кроме того, там ведь у меня есть кое-какое барахлишко, не оставлять же его чужим людям. Сходим, я покажу Дзе дом, попрощаюсь со своими старыми соседями, заберу свои пожитки...

— Значит, ждать вас к вечеру?

— Да, к вечеру.

— А вы пригласите ваших соседей сюда к нам в гости, пусть они познакомятся с нами.

— С удовольствием. У меня замечательные соседи, добрые, душевные, я уверен, что они будут искренне рады нашему с Дэей счастью.

— Сегодня придут и сотрудники Ладо, так что вы, детки, не очень задерживайтесь, — сказала мама, расцеловав нас обоих и провожая до дверей. — Может, я вас, родные, невзначай чем обидела, вы уж не сердитесь на меня, глупую, знаете ведь сердце материнское!..

— Ну, а теперь, мама, — вдруг таинственно зашептал ей Бондо, — я должен похитить вашу дочь! — И, подняв меня на руки, стал спускаться по лестнице.

— Зонтик, зонтик возьмите! — крикнула нам вдогонку мама. — Промокнете, простудитесь, пока до машины доберетесь!

— Не беспокойтесь за нас, мы не простудимся! — крикнула я маме, а на ухо Бондо прошептала: — Помнишь, в тот день тоже шел дождь!..

— Помню, любимая... Дождь, добрый наш спутник, он еще часто будет нам напоминать о себе...

Перевод Элеоноры НЕИМАН

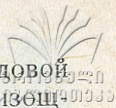
Роман МИМИНОШВИЛИ

ТОРЖЕСТВО ТРУДА

В КРЫЛАТОМ и мудром выражении — «труд создал человека» заключен глубокий смысл. Подразумевается не только то важнейшее обстоятельство, что труд способствовал биологическому совершенствованию человека, обусловил его физическое и духовное развитие, но также и то, что именно труд сформировал человека как члена общества, определил его социальный статус. В отличие от всех других проявлений представителей живого мира, труд — явление социальное, общественное. Он присущ только человеку. Никто кроме человека не может сознательно решать, что не все зерна надо съесть, часть их необходимо вернуть земле, чтобы иметь пропитание в будущем. Только человек видит в каждом из ежедневно вытаскиваемых тысячами и тысячами металлических болтах свои завтрашние хлеб, воду, одежду, жилище... Лишь человеку дано понимать, что дело его рук, ума принесет пользу и благо другим людям, от которых и он ждет добра.

Это и есть труд.

Чем отличается от него то, что именуется нетрудовым доходом, и является ли оно таковым?

Я не случайно поставил этот вопрос.

Часто можно услышать: какой же это нетрудовой доход, если человек все время лез из кожи вон, изещрялся, выкладывался до предела — из камня воду выжимал, чтобы нажить добро.

И в самом деле, сколько тратится энергии, к каким только ухищрениям ни прибегает человек, дабы избежать контроля за которым следует еще один контроль, и так далее. Бесспорно, на это уходят огромные физические и душевные силы. А чего стоит беспокойный сон по ночам, поскольку доход его — нетрудовой. Труд — это ведь не только затрата энергии. Трудовой доход — понятие общественное. Поэтому противопоставленный ему доход, наносящий ущерб обществу, справедливо называют нетрудовым.

Тот, кому трудно преодолеть животные инстинкты, кто вместо содействия прогрессу обращается к средствам, препятствующим ему, разбазаривая талант, которым наделен от природы, а также физическую и духовную энергию, — безусловно противопоставляет себя обществу. Вещи нужно называть своими именами.

С удовлетворением встретил народ провозглашенную в стране всенародную борьбу против нетрудовых доходов. Однако, к сожалению, под видом этой борьбы некоторые недобросовестные должностные лица сами извлекают из этого дополнительные нетрудовые доходы. Как-то довелось читать в прессе и такое сообщение. В одном из сел колхозник по соглашению с руководством колхоза создал на болоте, которое никак не могло быть использовано хозяйством, пруд, развел там рыбу, которую кормил домашними пищевыми отходами. В один «прекрасный» день нагрянули милиционеры, разорили пруд, разрушили этот источник «нетрудовых доходов», куда-то унесли около 400 килограммов рыбы, погубили миллионы мальков.

Как назвать это варварство? Борьбой с нетрудовыми доходами или подавлением инициативы трудящихся?

Не запутались ли мы?

Разве надо устраивать дискуссии о том, имеет ли право водитель автомашины подвезти встретившуюся на дороге женщину с детьми или может ли мастер в

свое нерабочее время починить соседу, тщетно ждущему от домоуправления ремонта, испорченный край и получить полагающееся вознаграждение? Как можно отождествлять подобную услугу со спекуляцией, взяточничеством, воровством?

Происходят и курьезы. Один из наших писателей живет в аварийной квартире — у него обрушился потолок. Он не претендует на получение новой квартиры. Но ведь, чтобы добиться ремонта, нужно бесчисленное множество документов — проект, разрешение, резолюция, выделение комиссии, составление сметы расходов, материалы и еще столько всего, что, если грянет гром, то, как говорится, камня на камне не останется. Вот и решил наш писатель без всяких резолюций обратиться за помощью к собственным двоюродным братьям... и все они едва не очутились на скамье подсудимых: ах, мол, вы, такие-сякие, да как вы смеете извлекать нетрудовые доходы, кормушку-де себе устроили!

Другой пример. Один наш друг в только что полученной новой квартире сам стал перекидывать перегородку между комнатами. Вдруг явились «бдительные» проверяющие: что, мол, вы здесь творите? Он показал на кривую стену, которая почему-то делала комнату трапециевидной. Никто, однако, не покраснел от стыда, хотя и поняли, что человек этот прав. Тогда его грозно спросили: где вы работаете, товарищ? Когда он ответил — я доктор филологических наук, — проверяющие несколько удивились, но, не желая уронить достоинства, вновь накинута на него: кто позволил вам извлекать нетрудовые доходы?! Мой друг сжалился над ретивыми контролерами, но не настолько, чтобы пойти с ними «куда следует», и вынужден был сказать: это моя квартира! История эта закончилась мирно, но что делать тем филологам, кто не владеет искусством каменщика?!

Вот ведь какие уродливые формы в отдельных случаях принимает борьба за нравственную чистоту нашего общества!

Если мы коснемся вопроса о каналах нетрудовых доходов, наверное, следует задуматься и над тем, что порою мы неизмеримо больше верим документу, чем человеку. Вспоминаю, как мой отец, возвращаясь из

дальней командировки, сдавал в бухгалтерию единственный документ — отчет о командировке, в котором говорилось: столько потрачено на дорогу, столько-то — на питание, в гостинице уплачена такая-то сумма, проезд в экипаже обошелся во столько-то. Теперь же кто тебе поверит, что из Тбилиси в Москву ты летел самолетом, если у тебя не остался билет. Интересно, как другим способом можно попасть в столицу в тот же день, когда это вдобавок подтверждено отметкой в командировочном удостоверении! В этой связи вспоминается телевизионный сюжет из «Тринадцати стульев», когда требовалась справка о том, что нужна справка. И несмотря даже на такую свирепую отчетность, человек, если он только захочет, всегда найдет возможность для злоупотреблений. Часто даже именно посредством этих разных документов и совершаются бестоварные операции. Товар не существует, но есть документ, а документ этот приносит деньги!

Вот парадокс!

Грузинская литература справедливо завоевала имя непримиримого борца за нравственную чистоту, она с самого же начала встала по зову партии на защиту духовного богатства народа. Это известно всем и, вероятно, нет необходимости вновь перечислять произведения и писателей, которые в свое время забили тревогу. Перечислять незачем хотя бы потому, что нравственная чистота, духовная незапятнанность — главная линия не только тех произведений, предмет художественного исследования которых есть борьба с отступлением от норм советского образа жизни, но и множества сочинений на исторические темы, лирики, других жанров.

Не могут не коснуться писательской жизни те величайшие преобразования, которые происходят в нашей стране и основу которых представляют духовные резервы народа, проявляющиеся постепенно и опирающиеся на новое мышление. Прежде всего это безраздельное служение правде, искренность в любом деле или правдивое слово, поскольку слово есть дело писателя. Не будем говорить, что в этом отношении все в порядке. На последнем съезде писателей Украины один оратор остроумно сказал: сколько писателей ушло из жизни, так и не услышав правдивого слова о своем твор-

честве! Увы, это горькая действительность. Для кого это хорошо? То, что для литературы это плохо, очевидно, никто оспаривать не станет, но плохо это и для самого писателя, которому не рискуют сказать правду. Вспоминается шутка Бесо Жгенти: критиковать легко, хвалить трудно; критика обижает одного и всех радует; похвала же радует одного и обижает всех. В этой шутке, как и вообще во всех шутках, есть зерно истины... И все же критиковать мы избегаем. Видно, уж очень любим друг друга. Но чего стоит эта любовь, если никто не рискует говорить правду?

Несмотря на профессионализм наших критиков, гражданскую смелость и высокую нравственность многих из них, грузинской литературной критике все еще не хватает организованности. Обычно печатаются статьи обзорного характера, в которых никто не выделен особо и никто не забыт, а сад нашей литературной жизни смотрится подстриженными нарядными кустами, обработанными декоративными ножницами каких-то абстрактных проблем. Читаешь такой обзор и дивишься, как удалось автору создать труд почти в два печатных листа так, чтобы ни в чем не запутаться и ничего не сказать. Ведь если что-то сказать, то в чьих-то глазах обязательно можно проиграть! Поистине для этого необходимо «мастерство», и в корпусе критиков есть, увы, такие виртуозы.

Иногда бывает и так: публикует критик восторженную статью о только что назначенном «нужном человеке». Цель ясна: бедный читатель ведь ни о чем не догадается, коллег этот критик не стесняется, «ему» же, хоть от него и не скроется хитрость, похвала, возможно, и будет приятна. Здесь речь идет не о том, насколько справедлива похвала, может быть, автор вполне ее достоин, но почему же только сейчас попытался критик «сказать правду»?

Подобные тактические ходы, которые не так уж редко имеют место в нашей литературной жизни, подрывают авторитет критики. Невольно рождаются «нелитературные» вопросы: для чего написана статья, критик этому писателю друг или враг?

Согласитесь, что эти вопросы ничего общего с литературой не имеют. Но часто из-за этих вопросов даже искренняя критическая статья ставится под сомне-

ние и не достигает цели, ей не верят ни обозреваемый автор, ни читатель, а то, что сам написавший верит в созданное им, делу не помогает. На протяжении лет уже сформировалась атмосфера недоверия, и в этом деле остается уповать только на редакции литературных органов. Думается, им следует смелее заняться организацией критических выступлений о том или ином литературном явлении. Ведь если можно ждать, когда тот или иной писатель принесет хороший роман, то с критикой время не терпит.

Мне кажется также, что в какой-то мере принижено большое познавательное и воспитательное значение литературных дискуссий не в прессе, а во Дворце писателей. Такие встречи профессионалов лицом к лицу и их суждения о злободневных вопросах литературы дают возможность каждому из участников прислушаться не только к аргументации оппонента, но и к реакции зала, и таким образом проверить собственную правоту.

Истину, конечно, нельзя установить голосованием, но живое общение не подменить развернувшимся в прессе спором, который подчас носит, к сожалению, характер литературного «пинг-понга». Необходимо учитывать и то обстоятельство, что участником подобного «спортивного» состязания становится читатель, который, к счастью, сегодня очень активен и часто вторгается в дискуссию, не скрывая своего справедливого негодования.

При оценке литературного явления невозможно исключить субъективное начало. И это вовсе не беда для литературы и искусства, а их естественная черта. Будь сие иначе, читатель, зритель или слушатель никогда не стал бы участником художественного действия, а без его участия искусство оказалось бы несостоятельным. И все же есть и объективные критерии, установлению которых служит литературная критика. Наш долг — сделать все для того, чтобы открыть путь критике к этой объективной истине, создать такую атмосферу, когда все — и критик, и писатель, и читатель — были бы заинтересованы в беспристрастной критике. Лишь тогда возрастет ее авторитет.

Почему я перешел от разговора о нетрудовых доходах к положению в критике?

На нее возложена ответственность за оценку ли-
тературного явления.

Именно ложная оценка может стать источником возникновения и фальшивых ценностей. Известно, как ревизоры-очковтиратели покрывают существование, приписок! Аналогия, возможно, несколько неуклюжая, но ведь попустительство в отношении к недостаткам или намеренное их смягчение, а еще хуже — стремление выставить черное белым, — и создает незаслуженный авторитет в литературе, мешает развитию подлинного искусства.

Вот почему не должны существовать для беспристрастной литературной критики непререкаемые авторитеты. В большом океане литературы сверкают маяки; катастрофа неизбежна, если они высвечивают путь не к пристани, а на мель.

Наша страна твердо стала на путь обновления социалистических производственных отношений и революционной перестройки. Советский народ борется за претворение в жизнь исторических решений XXVII съезда партии, апрельского (1985 года) Пленума ЦК КПСС. Перестройка касается не только отраслей народного хозяйства, но и всех сфер деятельности человека и, конечно же, литературы и искусства.

Торжество честного труда — характерная черта нашей сегодняшней жизни. Цель грузинской литературы — достойно отобразить действительность, жизненную правду, боль нашу и радости, те светлые идеалы, к которым стремится народ.

В СОВРЕМЕННОЙ советской критике существует понятие феномена грузинской прозы, осмысливаемого в контексте мировой литературы. Человек несведущий может подумать, что речь идет преимущественно о грузинском романе. Однако это не так. Современный грузинский рассказ, рассказ Отара Чхендзе, Арчила Сулакаури, Реваза Инанишвили, Гурама Дочанашвили, Резо Чейшвили, Реваза Мишвеладзе, Важи Тигашвили, Сосо Пайчадзе, Нугзара Шатаидзе в своем лучшем проявлении не менее ответствен за достоинства и недостатки грузинской прозы, за реалистичность исследования и воссоздания нашей действительности, художественное отображение которой требует от писателя не только творческой, но и гражданской смелости.

К сожалению, современный грузинский рассказ в целом изучен недостаточно. А ведь его проблематика, его герой, связь с традициями, особенности средств выражения, язык довольно четко выявляют не только сегодняшнее состояние нашей прозы, но и наш быт, причем выявляют гораздо более оперативно, чем роман. Вообще оперативность на-

Коба ИМЕДАШВИЛИ

О ЧЕМ ПОВЕСТВУЮТ И О ЧЕМ УМАЛЧИВАЮТ РАССКАЗЫ

ряду с лаконичностью — важнейшая черта рассказа, особенно новеллы, которую в значительной степени определили требования, формат и заказ газеты (напр., в английской, французской, американской и русской литературах). Немаловажное влияние на формирование современного грузинского рассказа оказал орган Союза писателей Грузии газета «Литератури Сакартвело» («Литературная Грузия»). Размышления о ее прошлогодних публикациях (первых сорока номеров) и составляют предмет данной статьи. Впрочем, многое в ней продиктовано и своеобразием общего литературного процесса.

В процессе работы над статьей у меня родилось много вопросов, часть из них я попытался разрешить, но большинство осталось без ответа. Я буду говорить не только о том, что есть, но и о том, чего нет и что должно быть.

Сегодня все и вся называется своими именами, во всяком случае, мы стараемся называть, что, в свою очередь, обязывает нас быть беспристрастными друг к другу и к литературе.

Жизнь наша сложна и противоречива.

Мы уже не в первый раз оглядываемся на пройденный путь и с горьким сожалением признаем, что жили не так, как должны были жить. Слово и дело катастрофически разошлись друг с другом. Как это ни парадоксально, почти все понимали, что в нашей жизни что-то не так, что мы являемся участниками двусторонней лжи — те, кто говорил, и те, кто слушал, те, кого приветствовали аплодисментами, переходящими в овации, и те, кто приветствовал. Были и бессловесные участники лжи... Но были и такие, кто не считал все это за истину. На них и держится страна. Они не любят говорить о честности. **Они честно живут и трудятся.** Им не нужны никакие призывы к этому. И коли речь зашла о честности, в первую очередь надо говорить об этих честных людях, о тех, кто постоянно испытывает трудности, поскольку честная жизнь никогда не бывает легкой. Именно этого честного человека с его трудной, но достойной подражания жизнью грузинская литература должна сделать своим главным героем. Это необходимо для завтрашнего дня, потому что в век прагматизма честность — не только величайший духовный комфорт, но и единственный путь сохранить человеческое в человеке. Человек должен свято верить в то, что честность — самая большая ценность. На сегодняшний день это наша первейшая идеологическая проблема. Честность по отношению к истории, к реальной действительности, к будущему; честность по отно-

шению к труду и друг к другу, а также к самому себе. В один день этого не достигнуть, нужны десятки и десятки лет, чтобы насадить то, что выкорчевывалось годами. Вернуть утраченную веру намного сложнее, чем обратиться в новую. Наша действительность часто ставит современного человека перед неразрешимыми проблемами, требует от него решений, принять которые он не в состоянии по тем или иным причинам. Остаться честным в таких условиях порой весьма и весьма трудно.

Какое отражение нашла эта сложная реальность в рассказах, опубликованных на страницах «Литературули Сакартвело» за прошлый год?

Поскольку в небольшой статье обо всем не скажешь, остановлюсь на некоторых основных вопросах.

Одной из главных проблем литературы, как известно, является проблема любви — любви к ближнему, к родине, к своему делу, любви между мужчиной и женщиной, короче, того великого чувства, без которого невозможно формирование человеческой личности и без глубокого и многостороннего осмысления и отображения которого немислима истинная литература.

Грузинская литература по традиции исповедует мысль, которую прекрасно выразил еще апостол Павел: «Если... я не имею любви, то я ничто». Или: «А теперь пребывают сии три: вера, надежда, любовь, но любовь из них больше».

Подобное понимание любви выходит за узкие религиозные рамки и предстает общечеловеческой истиной. Во всяком случае грузинская литература, за редким исключением (я имею в виду противные тенденции, имевшие место в 20—30 годы), всегда проповедовала эту истину.

Современная грузинская литература подходит к своему герою с этой же меркой. И выясняется, что современный человек зачастую не выдерживает экзамена на возвышенную любовь, она ему недоступна, и это является причиной его отчуждения, одиночества, духовного убожества. Нынешняя проза в этом смысле принципиально отличается от прозы 60-х годов, в которой любовь являлась по преимуществу импульсом к благородным устремлениям, прощению, самоотверженности, честности, в конце концов.

Большинство опубликованных в газете рассказов затрагивает именно эту проблему, начиная с «Игры в прятки» Темира Абулашвили и кончая прозой Реваза Инанишвили.

Как же любят в Грузии второй половины 80-х годов?

Ради некоей призрачной любви, ради собственных интeресов человек жертвует ближним, поступается настоящим чувством, страсть берет верх над ним («Игра в прятки» Темура Абулашвили); любовь строится на лжи («Ля терраса» Родама Чачанидзе); измена любви унижает личность, предавая других, мы в конечном счете предаем себя («Печаль звалась тишиной» Лейлы Месхи); каждое живое существо нуждается в любви и сочувствии («Мальчик и лошадь» Отии Иоселиани); без любви жизнь теряет смысл, только любовь может вернуть человеку мечту («Печальный роман» Гиви Джохадзе); сегодня любовь становится предметом купли-продажи («Жених дуется» Георгия Хоргуашвили); человеку недостает любви, простого человеческого тепла, и это зачастую приводит к конфликту в отношениях между родителями и детьми («Он, всеми забытый, бродил за городом» Заала Самадашвили, «Старые игрушки» Ираклия Чарквиани, «Станный бука» Тенгиза Чалаури); любовь нередко принимает уродливые формы, в частности слепая родительская любовь ничего, кроме вреда, детям не приносит («Испытание» Александра Тамарашвили); любовь сменяет ненависть, близость — отчуждение («Голос радио» Мананы Авалишвили); впрочем, любовь стоит того, чтобы погибнуть ради нее («Гудока и почти царица Дедо» Мераба Элиозишвили). Показательно, что среди литературных героев нет ни одного, кто полностью отдается чувству любви (исключение составляет Гудока — увы, племенной бык). Жизнь без любви — основная причина отчуждения человека («Гуиа А.» Резо Чейшвили); на смену истинной любви приходит любовь «организованная» («Провинция» Реваза Мишвеладзе); люди не могут делиться друг с другом своими печальями, личные интересы превыше всего («Футболист» Реваза Мишвеладзе); впрочем, в отношениях между ними иногда промелькнет любовь к ближнему, истинная забота о нем, и тогда человек становится прекрасным, поскольку истинная любовь возвышает его («Женщины» Элисо Заридзе, миниатюры Реваза Инанишвили, детские сказки Гугули Тогонидзе).

Перечисленные выше рассказы, разумеется, — не одного художественного уровня, и если я поставил их в один ряд, то лишь с целью показать, какую трансформацию претерпело чувство любви сегодня, а именно, что в Грузии 80-х годов большая любовь — явление редкое, и даже в том случае, когда она приносит благо обеим сторонам, она проявляется не обычным образом — в любви нет возвышенности, любовь чрезмерно приземлена. Судите сами: молодому человеку нра-

вится девушка, без нее жизнь для него теряет смысл, и вот как автор говорит об этом: «Это существо так засело в его мозгах, как какая-нибудь обязательная деталь автобусного салона»¹. Этот угол зрения, по-видимому, важен для автора, потому что погода он повторяет: «Именно эту девушку как некую обязательную деталь автобусного салона и не смог увидеть Цаго».

Человек перестает понимать человека, родители — детей, дети — родителей, ребенку ближе животное (лошадь или собака), нежели отец или мать. Порой эти связи прерываются еще до того, как ребенок откроет глаза.

В этом отношении нецивилизованные народы, как нас уверяют, стоят гораздо выше нас. Судите сами: «Папуасы в джунглях, выследив кабана, проникают в его логово, уносят с собой молочных поросят и отдают на содержание кормящим матерям. С этого момента так вдруг одомашненные поросята становятся удивительно сообразительными и кроткими... Кто знает, какой важный биологический код нарушается у человека, вскормленного не материнским молоком, как обедняет это его разум, сердце и душу?!» («Материнское молоко» Ильи Руря).

Тут, мне кажется, автор перебарщивает. Не будем судить о «разуме, сердце и душе» нашего современника по тому, вскормлен он материнским или молоком коровьим, не будем сравнивать его с поросенком, сосавшим грудь папуаски. У современного человека столько проблем, столько вопросов, которые он должен разрешить, не будем же снимать с него ответственности за его же поступки, считая, что молоко — причина всех зол.

Не могу не привести здесь вспомнившиеся мне строки из рассказа Реваза Инанишвили: «Почему вы это делаете, люди, разве меня не жалко, как же мне жить дальше, ведь и мне нужно кого-то любить на этом свете?!» («Из настольной тетради»).

Литература призвана не только отражать действительность, она должна смотреть в будущее, должна направлять нас, поддерживать того, кому трудно, открывать ему глаза, будить чувства, вселять надежду.

Удивительно, но в рассказах на любовную тему отсутствует возвышенная нота. Может быть, потому столь однообра-

¹ Фрагменты из рассказов даются в подстрочном переводе.

зен герой нашей малой прозы и мы не видим в ней никого, кто мог бы послужить прообразом героя будущего.

К слову сказать, главной проблемой, отображающей современность прозы, является именно проблема героя.

«Сколько Нодаров, Ревазов, Тамазов, Вахтангов, Шота, Отаров, Рамазов, Меги и других героев в произведениях современных писателей! Какие у них лица? Что они носят? Часто автор и не помнит, какие они, эти бесплотные и безликие герои его произведений. А ну-ка кликните: Луарсаб Таткаридзе! Отарова вдова! Тариэл Мклавадзе! Соломон Морбеладзе! Мосе-писатель! Эремия Царба! Спиридон Мциришвили!»².

Эти слова сказаны много лет назад, и сейчас их весьма своевременно вспомнил Реваз Инанишвили на страницах «Литературули Сакартвело». «Ладо (Асатиани — К. И.) было двадцать пять лет, когда он написал это. Разумеется, мы можем снять с себя обвинение, но Ладо все же будет более прав, чем мы», — добавляет он. Воистину так, хотя мы и можем назвать нескольких героев нашей прозы, которые, став феноменом национального сознания, продолжают жить самостоятельной, не зависимой от создавшего их автора жизнью.

И все же нашей литературе недостает героев-личностей, ее протагонистом стал безликий, серый человек со своими ничтожными проблемами, абсурдным бытом и отчуждением. И все это не фантазии того или иного писателя и не капризы времени, а показатель того, что в нашем обществе не все благополучно, что подобное вырождение личности, ее отчуждение, вылившийся в абсурд быт не менее, если не более опасны, чем четко выписанные образы рвачей и дельцов, которыми изобилует наша литература. Действия такого человека, его мысли, речь лишены творческого элемента, ничтожны («Гуиа А.» Р. Чейшвили, «Провинция» Р. Мишвеладзе, «Снег для финального эпизода» Н. Шатаидзе).

Герой Р. Чейшвили (мы даже не знаем его фамилии, автор ограничивается упоминанием ее начальной буквы — «А») так погряз в собственных заботах, так замкнут, так отчужден от ближних своих, что в итоге превращается в иное существо (тут, естественно, всем нам приходит на ум известное произведение Ф. Кафки «Превращение», на которое недвусмысленно

² Герои произведений классиков грузинской прозы XIX века — Ильи Чавчавадзе, Эгнате Ниношвили, Давида Клдиашвили, Георгия Церетели.

3032010033

намекает автор). Герой рассказа Р. Чейшвили также превращается в иное существо — ворона, отличного от других воронов, отчужденного, замкнувшегося в себе.

Потеря людьми контакта между собой приводит к полному обесцениванию ценностей, «все превращается в ничто». Эта едва ли не главная трагедия человеческого общества становится основной проблемой прозы Р. Чейшвили. Ведь и «Голубые горы...» — также морфология «ничтожества», его сатирическое видение.

Исходя из жанровых особенностей рассказа, Р. Чейшвили не проникает в глубь явлений — это не входит в его задачу, — поэтому «Гуа А.» для нас как бы фотоснимок одного временного отрезка. Нам неизвестны ни причины всего того, что происходит, ни перспективы будущего. Мы не видим выхода из создавшегося положения. Везде царит фальшь, и здесь, и там. Именно поэтому предназначенным для чужого уха лжи и бахвальству своего соотечественника автор противопоставляет умышленную в такой же степени ложь иностранца:

«— Откуда такой огромный ворон? — поинтересовался иностранец.

— Действительно огромный, у нас нередко аналогичные случаи...

— Это невозможно! — все еще не верил своим глазам иностранец.

— Почему же, очень даже возможно! Практически у нас нет безработных воронов. А за подобными экземплярами — особенный уход, специальное питание, обхождение...

«Чтоб ты так разжился, и до каких пор собираешься жить с этим враньем!».

И тут гость из Новой Зеландии, очень похожий на орнитолога и, как видно, прекрасно разбирающийся в воронах, громко заявил: «— Это одна из разновидностей ворона с изогнутым хвостом *C. Lavailantic*. Отличается крупным клювом и большой величиной, — продолжил он по-русски, — распространена на Сахалине, Курильских островах».

Все это родилось в голове отчаявшегося, замкнувшегося в себе героя, для которого в обстановке тотальной лжи быть человеком более абсурдно и оскорбительно, нежели вороном.

В «Провинции» Реваза Мишвеладзе однообразие, монотонность жизни, замкнутость сменяются иллюзией общности, сочувствия. Новые, как будто сердечные отношения также построены на лжи и навязанной «организованности». Поэтому никто никому и не верит. «А не разочаровались ли вообще в

нас, журналистах?» — герой рассказа как будто серьезно задумывается над этим вопросом... — «Столько раз мы обманывали, столько раз отказывались от своих слов и взлядов, что теперь уже и в нашу правду могут не поверить». Но достаточно предложить этому задавшемуся горьким вопросом журналисту другую, желанную ему, надуманную «правду», как он тут же начинает верить в нее и, отвернувшись от яркого промелька с таким трудом обретенной истины, энергично защищает иллюзию-ложь с помощью той же «организованной» правды.

В этом рассказе люди творят добро по указке других. Они утратили инициативу, способность к самостоятельным действиям, как марионетки, следуют указаниям других. В их среде господствуют индифферентизм и замкнутость, процветают сесть и заурядность.

Абсурдность быта заурядных людишек, их лживость и лицемерие, достигшие цинизма, подмена индивида марионеткой, восторг перед собственным ничтожеством — все это становится объектом острой сатиры Резо Чейшвили в рассказе «Картины прошлого». Апология лжи в отношениях между людьми приводит к тому, что, оказывается, их общество идеально, правда, имеются недостатки (по пальцам перечесть), но в этом повинна природа (ничего не попишешь!).

«Бичико: — Да, есть и недостатки. В июле, особенно во второй половине, льют обычно дожди, а в лесу грязно. В августе в поле жарко.

Иасе: — А зимой, наверно, холодно?

Бичико: — Да, холодно, особенно в январе...»

А в остальном все хорошо, все идеально: пять человек работают, пятьсот поют... Одно только — «бригада работает совсем не в том ритме, в каком хор исполняет песню». Лживый фильм, который снимают о крестьянах, лжива речь бригадира перед микрофоном, лживо уважительное обращение людей друг к другу, потому что за спиной все издеваются друг над другом. Единственно настоящая забота — уместится ли за столом столько дармовых едоков...

Что можно противопоставить этому выдуманному быту, этой лжи, признаваемой людьми за истину? Хотя бы ужасающую, но все-таки реально существующую природу («Снег для финального эпизода» Н. Шатаидзе). Пораженный этим открытием, режиссер отказывается снимать лживый сценарий, у него открылись глаза, и в миг отчаяния он решительно отвергает ложь: «— Не надо! Ничего не надо...

Художник с облегчением вздохнул».

Художник фильма, который с самого начала знал, что оба они — и главный режиссер и он сам — служат лжи. И теперь это решение главного режиссера принесло ему неслыханное облегчение. Он уже не будет немым соучастником.

Ложь подавила даже племенного быка Гудока из рассказа Мераба Элиозишвили «Гудока и почти царица Дедо», но он все же восстает против нее. Его протест заканчивается трагически — Гудока гибнет не только сам, но и губит красавицу итель, которая была рождена для любви. Любовь разбудила в нем бунтаря, любовь и погубила.

Поутихли страсти, все замерло вокруг. Единственными на всю округу достойными живыми существами были Гудока со своей неукротимой страстью и Дедо со своим тайным ожиданием любви. Кто же остался? «Заводской ученый мужеского пола и его сотрудницы, число которых в периоды отпусков и командировок колеблется от пятидесяти до шестидесяти. Не годнимая голов, они хлопчут над своими вязальными установками, крючками и вышивками, а мужчины смотрят, как их дружки играют в шахматы, как передвигают они фигуры своими гожелтельными от никотина пальцами». Бездельники, занятые своим серым бездельем. Впрочем, рядом с ними живет бог знает откуда взявшийся Керим, ночной сторож, который, не разгибая спины, работает вместе со всей своей семьей — от мала до велика. «Сколько чертова частного товара поступает к нему по ночам. Наполнились карманы деньгами: хап, хап, хап, хап!».

(Хороший рассказ, и естественно у нас рождается вопрос: почему так мало печатается Мераб Элиозишвили? Уверен, что внутренняя потенция автора «Старых зурначей» проявилась еще далеко не полностью. Он — должник грузинской прозы).

Никого ничто не интересуется, кроме собственного кармана и собственного дармоедства. От мала до велика все — начиная с главного ветеринара и кончая пастушком или ночным сторожем — оторваны от народа, от реальности, далеки от нравственной чистоты. Действительно, трудно жить среди таких людей. Может, потому бежит на остров Бенвенуто, которого все считают чокнутым («Зеленый мыс» Заура Каландиа). Впрочем, и его занятие абсурдно: он создает из песка скульптуры, неизменно разрушаемые волнами и дождем. Однако это, безусловно, проявление его прекрасной души. Он — «другой», и потому для остальных чокнутый, поскольку другими глаза-

ми смотрит на реальность, в которой господствуют уродливые представления.

«— Кабы вы знали, какой у него племянник, ^{батонот} понизил голос продавец. — Его почитают даже в Зугдиди, — он улыбнулся. — нашему врагу попробовать бы его кулак...»

Все стороны трудятся впустую, понапрасну расходуется национальная энергия. Этого не может понять и гость, который пытается разгадать тайну песочных скульптур. Он оказывается глухим и слепым.

Мы много говорим и пишем о человеческом индивидуализме, об ответственности общества за умаление роли личности, ее нивелировку — в перечисленных выше рассказах показан результат этого умаления, этой нивелировки, показан беспристрастно, без сгущения красок, со всей неумолимостью. Короче, это добротная проза о ничтожных проблемах ничтожного человека; само существование этой посредственности — одна из основных проблем нашего сегодняшнего дня.

Однако, какова бы ни была наша реальность, литература не может ограничиться изображением только такого человека. Народ, а вслед за ним и литература всегда жаждет чего-то (или кого-то) избранного, героического, романтического. В прозе «Литературули Сакартвело» прямо или косвенно, но безусловно ощущается ностальгия по этому.

Разве рассказ Элгуджи Бердзенишвили «Хасанбегура» не пронизан желанием приобщиться к возвышенному? И разве «Сабля Давида» Реваза Инанишвили не продиктована поисками в прошлом возвышенного духа?

Сильная возвышенная личность является ориентиром для современников в рассказе Георгия Натрошвили «Цветы Магалмосэ», в котором тоска по неординарной личности, желание воскресить идеалы прошлого для будущего переданы с нескрываемым дидактизмом.

В рассказе Важи Гигашвили «Заблудившийся пес» привлекает внимание сильная личность, способная принять нужное решение, вся устремленная к действию. Человек должен уметь вовремя принять решение и привести его в исполнение. В рассказе недвусмысленно проводится мысль о том, что личность, противопоставившую себя обществу, нарушающую общепринятые нормы морали, следует изолировать от него. Вообще для прозы Важи Гигашвили органично романтическое видение мира и культ сильной личности, столь характерные для прозы Гурама Рчеулишвили и так недостающие нашей сегодняшней литературе.

Тоской по гармоничности мира, романтическому его восприятию, по чистоте и прекрасному, ностальгией по детству и сельской идиллии пронизаны рассказы Нугзара Шатаидзе («Вестник радости»), Александра Самсония («Здравствуй, поезд»), Темура Абулашвили («Украденные фрукты»).

Город разрушает романтическое представление о мире, в городе ослабевают, прерываются связи между людьми, и стремление приблизиться к природе как компенсация утраченных контактов в какой-то степени, пусть в очень малой, но обнадеживает, говорит о том, что связи с первоистоками порваны не окончательно, что душа не зачерствела и не умерла, потому что еще чувствуешь, что кроется за свистом «маленькой красногрудой птички» (Н. Шатаидзе «Вестник радости»). Порой эта ностальгия проявляется в антагонизме между городом и деревней, чаще между городскими и сельскими жителями, и случается, даже ребенок проявляет жестокость и вероломство (Карло Коберидзе «Дэви и Джимлет»). Мне все же кажется, что в данном случае реальность отражена односторонне, тенденциозно. Она увидена с позиции одной из сторон.

Раз уж речь зашла о городе, отметим, что в прозе «Литературули Сакартвело» город нашел менее глубокое отражение, нежели деревня. Словно в нашей прозе приостановился тот процесс урбанизации, который нашел прекрасное отражение в рассказах Арчила Сулакаури и Гурама Рчеулишвили. Сегодня город увиден по преимуществу глазами человека, приехавшего из села, который тоскует по дому и в новом окружении испытывает дискомфорт, духовный и бытовой. Это порождает комплекс определенной неудовлетворенности, проявляющейся в мотивах одиночества, бесприютности, некоммунибельности, которые в избытке встречаются в нашей литературе (и в прозе, и в поэзии). Современный человек раздвоен, раздвоен и современный писатель. Он стоит на рубеже двух культур — сельской и городской, и это порождает комплекс маргинальности. Такова наша реальность, а также и реальность нашей литературы, и, конечно, в этом ее определенный недостаток, точно такой же, как и отказ от романтического видения мира и от сильной героической личности, от героя, который достоин подражания. Но это уже предмет для отдельной статьи. Здесь же отмечу, что отсутствие сильной, героической личности — общий недостаток нашей прозы.

За истекший период на страницах «Литературули Сакартвело» было опубликовано десять миниатюр или коротких рассказов Реваза Инанишвили. Они неодинаковы по своим ху-

дожественным достоинствам и значению, но все в равной степени отмечены рукой мастера, который превосходно знает человека, чувствует действительность и может рассказать о ней прекрасным языком. Он поистине мастер слова. В миниатюре «Писатель» Реваз Инанишвили пишет: «Писатель может по ночам смотреть на звезды, а то и сладко вздремнуть, но горе ему, если он первым не учует, что народу грозит опасность. В ожидании опасности он должен трубить в свою трубу до тех пор, пока не лопнут легкие».

Именно эта позиция и определяет достоинство лучших рассказов Реваза Инанишвили. Действительность для него — не противопоставленные друг другу город и деревня (или противопоставленные друг другу горожане и крестьяне), истинная красота для него в гармоничном единстве; он может сделать вас счастливым, приобщив к красоте природы («Маленький ручей»), заставить принять к сердцу чужую боль («Стих матери») или возмутиться подлостью, узаконенной обществом («От воротника до кончиков ног»). Его проза как будто настраивает вас на идиллический лад, но за этой идиллией подчас стоит тяжелая напряженная действительность («Дальний звон колокола»).

Герой Реваза Инанишвили — также простой, обыкновенный человек, но автор обладает даром в обыкновенном увидеть необыкновенное. В небольшой миниатюре «Дальний звон колокола» он показывает обыкновенного ночного сторожа магазина. Но он, оказывается, счастливый человек, ибо не одинок — рядом с ним всегда его дочери, причем это не воспринимается им как нечто из ряда вон выходящее.

«Полседьмого утра. Мигают, поют лампы на столбах. Дрожит, поет все еще сверкающая чернотой ночь.

На обледенелом проспекте возле ящиков с молочными бутылками и сегодня стоят мужчина и две девочки — двенадцати и девяти лет. В ведре перед ними горит огонь, и они протягивают застывшие руки к терзаемому ветром пламени. Все трое сидят на корточках и перевязаны шальями».

До начала уроков девочки будут дежурить с отцом, чтобы не оставлять его, больного, одного.

«Меня мучит желание показать эту сценку одному образованному человеку, иронически посмеивающемуся над всем на земле. А ведь его в этот утренний час палкой с постели не поднять».

Очевидно, наша литература должна уметь видеть и отражать не только духовное убожество, но и проявления такой

36135740
190933

красоты. Реваз Инанишвили в своей прозе не проходит мимо нее.

Язык его рассказов совершенен. Разговор ведется на тонких, ни одного лишнего слова. Наша сегодняшняя литература, вообще современный грузинский язык немыслим без прозы Р. Инанишвили. Это — яркий пример того, как писатель должен работать над словом.

К сожалению, не все в нашей литературе понимают, что не только рассказ в целом, но и каждый эпизод, каждого героя характеризует свой ритм, своя лексика, что слово может соответствовать другому слову, а может и не соответствовать. Это — азбучные истины, которые либо не помнят, либо не усваивают. Мне вспоминается сценка из мольеровского «Мещанина во дворянстве», в которой учитель философии поясняет Журдену, что такое проза (то, что не стихотворение) и что такое поэзия (то, что не проза), и Журден делает приятное для себя открытие, что он, оказывается, вот уже сорок лет говорит прозой!

К сожалению, мольеровский герой не одинок в этом своем заблуждении, ошибочная мысль о том, что мы «разговариваем прозой» и стало быть, художественная проза не что иное, как то, что и как мы говорим, создает упрощенный взгляд на искусство писателя и плодит прозаиков без счета. Образцы их прозы встречаются и на страницах «Литературули Сакартвело». Но это — отдельная тема, предмет для специальной беседы, к которой мы обязательно вернемся.

Как известно, в основе грузинского литературного языка лежит картл-кахетинский диалект, и в свое время ни Эгнате Ниношвили, ни Важа Пшавела не смогли оказать на него какого-либо принципиального влияния с точки зрения употребления диалектных форм и слов. В наше время наступление диалектов на литературный язык усилилось.

Это весьма важная, трудноразрешимая проблема.

Нодар Думбадзе, Резо Чейшвили, Реваз Мишвеладзе, Отиа Иоселиани, Этер Татарaidзе и многие другие в разной степени, с различным успехом, но систематически обращались и обращаются в своих произведениях к диалекту. С одной стороны, это обогащает язык, придает ему аромат, колорит, но, с другой, ограничивает его масштабы и в определенной степени вносит однообразие в художественный текст. Наверно, настало время обсудить проблему взаимоотношения литературного языка и диалектов в широких писательских кругах.

Илье Чавчавадзе, Акакию Церетели, Якобу Гогешави-

ли пришлось вести нелегкую борьбу за создание грузинского литературного языка. Что происходит сегодня? Обогащают ли диалекты наш язык или угрожают его единству?! Возможно ли нормальное функционирование языка, его обогащение без диалектов?! Вопросы, как говорится, хрестоматийного порядка. Руководства по грамматике дают на них ясные ответы, но жизнь показывает, что их не так-то просто разрешить.

Чем объяснить подобную активизацию диалектов?

Может быть, это отзвук более сложного и глубокого процесса, выходящего за рамки литературы?!

В минувшем году мы не увидели на страницах «Литератури Сакартвело» имен таких мастеров рассказа, как Отар Чхеидзе и Гурам Дочанашвили. Неукротимое стремление к правде, характерное для прозы Отара Чхеидзе, безусловно, заслуживает подражания, а его беспристрастные картины грузинского быта и грузинский типаж точно отображают время. Недоставало нам и гиперболической прозы Гурама Дочанашвили с ее поэтическим раскрытием грузинского характера, артистичным владением языком (тут, кстати, кроется опасность превращения художественного средства в самоцель).

Не было и художественных экспериментов. А ведь газета имеет на это и право, и возможности. Впрочем, исключение составляет рассказ Резо Чейшвили «Гуна А.», созданный по законам поэтики отчуждения. Между прочим, эта манера письма в творчестве Р. Чейшвили сформировалась не сразу, произведения подобного типа представляют одну из значительных сторон его прозы.

Здесь же надо отметить, что поэтика отчуждения, параболическое мышление все сильнее утверждаются в современной грузинской литературе. Разве впечатляющие эпизоды из романа «Дата Туташхиа» — «Сетура» и «Восстание в тюрьме» — не являются превосходными параболоми? Разные по характеру, но весьма интересные параболы-притчи есть и у Гурама Дочанашвили, и у Реваза Мишвеладзе, и у Гурама Гегешидзе. И не только у них. Накоплен уже достаточно богатый материал для того, чтобы говорить о гиперболическом мышлении не только в связи с тем или иным писателем, но в целом изучить эту линию прозы или же вообще обсудить проблему особенностей современного грузинского рассказа на том уровне, на каком были обсуждены особенности нашего романа.

К художественному эксперименту чаще всего, казалось бы, должна обращаться молодежь, потому что молодость — пора гоисков и самоутверждения. Однако молодые прозаики,

опубликовавшие свои рассказы на страницах «Литератури»
Сакартвело», — Заал Самадашвили, Ираклий Чарквиани, Ири-
нэ Талиашвили, Манана Авалишвили, Темур Абулашвили
придерживаются традиционной манеры письма, их характери-
зует столь обязательная для прозаиков степенность и недоста-
ет той творческой смелости, без которой немислима большая
проза.

Мы, конечно, должны придерживаться традиций грузин-
ской прозы, наши корни здесь, в этой земле, но сегодня ху-
дожник не может удовлетворить требованиям мировых стан-
дартов, если он не приобщится к достижениям литератур дру-
гих народов. Это — азбучная истина, которую, к сожалению,
часто забывают, по крайней мере у нас. Сколько по-настояще-
му талантливых людей так и остались ординарными писате-
лями, потому что ограничились собственной интуицией и лич-
ным опытом. Самоизоляция не приносит добра ни самой лич-
ности, ни национальной литературе.

Гиперболическое, притчевое мышление в грузинской лите-
ратуре — явление весьма значительное, тем более, что у нас
есть определенные в этом отношении традиции («Мудрость
вымысла» Сулхана-Саба Орбелиани). Как видно, грузинско-
му характеру вообще близка эта традиция. Сложилась она и
в мировой литературе. Нам необходимы активные поиски, сме-
лые эксперименты в этом направлении. Когда я говорю о сме-
лости, я имею в виду не только авторов, но и издателей, и ре-
дакторов. Без их активной поддержки настоящей литературе
приходится трудно. Писатель должен быть уверен, что сказан-
ное им с любовью и сердечной болью слово в своей гервоздан-
ности дойдет до читателя. Такого же отношения заслуживает
и грузинская сатира и гротеск; тенденции, столь ярко проявля-
ющиеся в творчестве Отара Чхеидзе, Резо Чейшвили, Гурама
Дочанашвили, Джемала Карчхадзе, Мераба Элиозишвили, Рева-
за Мишвеладзе, несомненно, заслуживают внимания и поддер-
жки.

Не могу обойти молчанием еще одну из тенденций гру-
зинского рассказа, как, впрочем, и всей нашей литературы.
Речь идет об отражении темы войны и отношении к войне. С
особенной силой эта тема проявилась в поэзии Мурмана Ле-
банидзе и в первой повести Арчила Сулакаури «Волны стре-
мятся к берегу». Долгое время война воспринималась нашей
литературой, да и киноискусством, как арена тяжелых испы-
таний и в то же время героических действий. Все это рождало
в читателе наряду с болью и сочувствие к герою, и как-то не-

заметно происходила психологическая подмена действительности — она казалась уже не такой жуткой, порой даже приукрашенной, героизированной. Герой всегда привлекателен. Это и понятно. Искусство должно воспитывать в подрастающем поколении убеждение, что участь героя, павшего за Родину, почетна. Но то же искусство должно внушать ненависть к войне с ее несчастьями, лишениями, которые она несет людям, и хотя бы той несправедливостью, когда герои умирают, а подлые, трусливые люди остаются жить и порой даже занимают их место. Замечательный белорусский писатель Василь Быков в своих произведениях показал, как зло, посеянное в годы войны, много лет спустя дало горькие всходы и стало причиной того, что наш современник оказался человеком низкой, ничтожной души. О том же с беспощадной откровенностью говорит в своей поэме «Ров» и Андрей Вознесенский. Эти и подобные им произведения советской литературы — пожалуй, лучшая агитация против войны. Произведения на военную тему, напечатанные на страницах «Литературули Сакартвело» (Тенгиза Гоголадзе, Нодара Шаманадзе, Карло Коберидзе, Гиви Цицкишвили), отличает тот же пафос, но они гораздо менее остры, более спокойны, созерцательны. Возможно, это характеризует не только упомянутые рассказы, но грузинскую прозу в целом, которой не совсем удастся показ каждодневного быта — будь он военный или мирный; между прочим, то же можно сказать и о грузинском кино. Для сравнения обратимся к русской прозе или русскому кинематографу, где наша повседневная жизнь предстает столь убедительной и впечатляющей, что забываешь, что это — искусство. Грузинский материал не дает возможности «забыться». Почему? Когда речь идет о поэтическом, комическом, сатирическом или гиперболическом отражении времени, здесь мы, как правило, сильны. У нас есть чем гордиться и в прозе и в кино (вспомним хотя бы последние фильмы Эльдара Шенгелая и Тенгиза Абуладзе). Но вот увидеть в повседневной жизни что-либо значительное нам как-то не удастся — ни в прозе, ни в кино. И успехи отдельных авторов или достоинства отдельных произведений не могут нейтрализовать это чувство неудовлетворенности.

А ведь объяснить, почему не веришь рассказу, найти причины этого порой не так-то легко. К примеру, на страницах «Литературули Сакартвело» в разное время были опубликованы два рассказа: «Ля терраса» Родама Чачанидзе и «Странный бука» Тенгиза Чалаури. В первом из них все на своем

Д. Д. 335940
2170-1110333

месте, чуждая топонимика, чуждые имена собственные и т. д. Но как-то не веришь, что это «другой народ», «заграница». Во втором ничто не указывает на то, что речь идет о «другом народе», о «чуждой стороне», но чувствуешь, это не грузинский быт, не грузинские характеры. И веришь.

Очевидно, степень художественности имеет величайшее значение. Очевидно, именно ярко выраженная гражданская позиция автора, его мастерство могут придать «ординарной» жизни ординарной личности значение художественного явления. В конце концов, ни Луарсаб Таткаридзе, ни Беликов не были интересными людьми. Позиция, мастерство и незаурядность личности их авторов превратили этих героев в типов, постоянно будящих к себе интерес.

Очевидно, этим объясняется незначительность «маленького» человека нашей прозы.

Кто он, этот «маленький» человек, являющийся сегодня главным героем грузинской прозы? Неужели все, что окружает его, так ничтожно в социальном, политическом, национальном отношении? Не думаю!

Многонациональное советское общество по своей социальной структуре многослойно. Это создает множество проблем. Бывают случаи, когда духовный и материальный комфорт не соответствуют друг другу. Часто человек, которому живется трудно, более благороден, чем человек состоятельный. Достоинство и недостатки имеют свои законы. Грузинская классическая литература XIX века превосходно отразила все проблемы своего времени. А вот исследует ли наша литература вопросы расслоения общества, проникает ли она в суть проблемы? Думаю, что нет.

Наша литература давно уже сказала свое слово о стяжателях всех мастей, тех крайних проявлениях волчьей морали, которые наказуемы уголовным кодексом. Но почти ничего не сказано ею о том постепенном разложении морали, целой системе компромиссов, которые обусловили моральную деградацию современного человека. Нет ничего страшнее для общества, как методическое осквернение понятия о чести, постепенно становящееся нормой, никого особенно не тревожащее. Но в итоге приносящее неизмеримо больший вред обществу, чем, скажем, какой-нибудь явный преступник.

Немало произведений нашей литературы поднимает вопрос о ворах, технологии воровства. Но почему ворует их герой? Только ли в силу своих личностных качеств? Или есть другие внешние причины? Откуда у вора чувство безнаказанности?

ности? Почему мы подаем ему руку? Что за сдвиг произошел в общественном сознании? Почему в сознании многих стерлись границы между честью и бесчестьем?

Наша литература, можно сказать, не дает ответов на эти вопросы. Не дает она ответов и на те вопросы, которые ставит перед нами такой тяжкий недуг общества, как наркомания. Необходимо исследовать личные и общественные причины, порождающие эту болезнь.

Наша реальность чрезвычайно сложна и многообразна. Порой нам самим трудно разобраться в хитросплетениях жизни. Тем более, когда мы забываем, что лучшая политика — это честность. Художественное отображение нашей реальности — также нелегкое, многотрудное дело, тем более когда на поставленные вопросы даешь неловкие ответы, со своей стороны, требующие соответствующей интерпретации. Готовы ли писатели к таким вопросам и готовы ли мы, читатели, к этим ответам? Готовы ли издательства и редакции к «новому мышлению»? Способны ли они нести тот груз ответственности, который, безусловно, ляжет на них с выработкой собственного мнения и смелым его выражением?

Молчит наша литература и по вопросу межнациональных отношений. Здесь также возникает немало проблем, а мы делаем вид, что не замечаем их. Но доколе? До каких пор эти проблемы будут решаться на уровне только партийных и советских органов? Они ведь непосредственно касаются и нас!

Жизненно важная проблема — и нравственные отклонения в среде молодежи, выливающиеся в сексуальный нигилизм. Любовь обесценивается. Дух прагматизма торжествует победу. А литература молчит.

Молчание оскорбительно для истинной литературы. Был ведь момент, когда отчаявшийся поэт воскликнул: «Я жажду правды, я изголодался по правде, о боже, когда я утолю эту жажду и этот голод?»

Сегодня само время призывает нас говорить правду. Уступать инициативу литературе не пристало, жизненно важные проблемы не должны решаться на уровне сплетен и частных споров. Правде надо смотреть в глаза — безразлично, о настоящем она, будущем или прошедшем.

ПРОСТРАНСТВО СТИХОТВОРЕНИЯ

Мысли вслух

Попадая в мир истинной поэзии, испытываешь удивительное преобразование духа, словно окунаешься в чистую прохладу оазиса, до которого не доносятся ни завывания ветра, несущего с собой песок, ни невнятный гул голосов. Не чувствуешь усталости, бульжниками отягощающей ноги и руки. Ощущаешь под собой легкую, но в то же время устойчивую почву — душа, скользнув в «шелковую лазурь», ждет необъяснимых, не имеющих имени звуков, текущих из таинственных глубин.

Слушая, постепенно различаешь в них земные краски, мучительные, щемящие чувства, глубокое волнение — узнаешь жизнь, которую видели твои глаза, пережило сердце и несли тяжким бременем плечи.

Ты ждешь, замерев, и они, эти звуки, исподволь овладевают тобой, проникая в твою истомившуюся по ним душу как бы сквозь мириады распахнутых окон.

Всему, что дорого нам, нужно отдаваться с истинной страстью. Может быть, поэтому мы столь часто прибегаем к слову «истинный». Для восприятия истинной поэзии требуется определенное состояние духа; недостаточно всего лишь отвлечься от повседневных забот или уединиться на лоне природы — это само собой разумеется, необходимо еще одно, пожалуй, основное условие: самое наше существо должно замереть в замершей вокруг природе. Только тогда мы сможем услышать голос поэзии, только тогда он явится к нам из невидимых глубин, чтоб околдовать нас. В противном случае мы просто «прочитаем» книгу, не удостоившись счастья встречи с самой поэзией.

Нас постоянно мучит непреодолимое желание постичь глубины, в которых рождается поэзия, но мы должны быть тактичны и не пытаться всуе проникнуть в заповедную область. Анатомия прекрасного не поддается аналитическому препарированию, и мы можем говорить разве только об определенных особенностях стихотворения.

Каждое истинно поэтическое творение, строка или слово порождают в безбрежных пространствах нашей души новые чувства, дают толчок новым эмоциям, новому потоку мыслей. Они создают новую действительность на материале нашей души; и эта новая действительность, рождающаяся в нас, богата множеством нюансов, бесчисленными ассоциациями.

Эта действительность, вызывает в нас живой интерес. Желательно, а может быть, и обязательно наблюдение за ней, во всяком случае, мы вправе проанализировать чувства и мысли, рождаемые ею. Необычные галактики чувств и мыслей как бы возникают прямо на наших глазах, чтобы, поразив нас удивительной своей реальностью, красотой и масштабами, постепенно поблекнуть. Порою нам кажется, они исчезают совсем, но стоит вновь попасть в мир поэзии, и они всплывают на поверхность такие же сверкающие и пленительные, как прежде. Они не эфемерны, не беспочвенны — достаточно простого наблюдения, чтобы увидеть на стержне той или иной строки сияющие звезды. Этот мир уже наш, и он в высшей степени интересен.

Назначение поэзии было бы необъяснимо, если бы космическое движение рожденных ею в нашей душе мыслей и чувств не стало предметом особого наблюдения. Чтобы объяснить это преобразование духа, необходимо хотя бы приблизительно проанализировать поэтическое произведение, чтоб увидеть, какая сила сокрыта порой даже в одной строке его или слове, какой энергией могут они зарядить нас, какую форму придать встречным волнам, которые до того мирно покоились в глубинах нашей души.

Вспомним стихотворение Галактиона Табидзе «Кладбища».

Из саркофага встает мумия, какая тишина,
воздух словно синий шелк,
Орхидеи падают в Нил, когда зной стонет на песке,
Хотят, чтоб душа не покрылась песком, хотят найти
могилу Рамзеса.
Он был царем... Теперь же он прах, отвергающий
ряд столетий.

Он не может быть лицемерным, не может не быть прахом.

И считает ряд столетий мумия и в солнечный день и в самом¹.

У Галактиона немало стихов, идущих от интеллекта, и их величие определяется не только мастерством поэта, но, в первую очередь, силой чувств, живостью их воплощения. Интеллект для Галактиона — новый реальный мир, который часто сливается в стихотворении с повседневными реалиями, возвышая поэтическое «я» автора. Примером такого возвышения я считаю стихотворение «Кладбища». В нем мир поэзии Галактиона сияет как бы тысячью солнц. Умозрительное видение поэта, давшее толчок чувству, настолько конкретно, что рассуждения о том, посещал ли Галактион страну пирамид, явно неуместны. Поэтическое видение оказалось преобладающим.

«Из саркофага встает мумия» — слова эти как бы несут с собой дыхание древней страны, сила разума которой овеществлена в каменных громадах. Она уже была частью наших представлений, частью нашего духовного мира, а тут внезапно исчезает грань, условным барьером разделявшая народы различных стран. Мир как будто уместается на твоей ладони, прозрачный и просматриваемый, как пустыня, и ясно видишь, как из саркофагов восстают стремящиеся к жизни поколения фараонов, жизнелюбивый дух человека. Эта страстная любовь к жизни покоилась в саркофагах, оберегаемая от тлена с помощью волшебного бальзама. Но это только один аспект начала стихотворения. Главное все-таки то чувство, которое поднимает мумию из саркофага через тысячи лет. Оно настолько присуще человеку, что помещать его в сферу отражения было бы неправомерно. Отражение тут — всего лишь способ, а подтекст — вечная реальность человеческой мечты. Восстание из саркофага — свидетельство одновременно и физического бессилия человека и мощи его духа. Свободное от всяких материальных признаков, оно несет в себе мировую скорбь.

«Какая тишина» — невозможно представить себе более естественный переход из одного настроения в другое. «Тишина» здесь — не только физическая реальность, тишина вокруг саркофага, мумии и даже всего Египта это и безмол-

¹ Здесь и далее дается подстрочный перевод стихов.

вие вечности, окружающее смертное человечество, и настроение поэта, и душевное состояние мумии — так она восприняла при первом взгляде земное бытие, к которому ее вернула магия поэзии. Перевоплотившаяся в настроение тишина словно бы пульсирует, трепещет. Ничто не нарушает ее в существовании мумии, даже рев войск фараона как будто только расширяет легкие непроницаемой, как мрак, тишины, дено и ношно окружающей нашу жизнь. Безмолвие, полное видений, божественно для Галактиона. Если вслушаться во внутреннюю мелодию этих двух слов — «Какая тишина!» — отчетливо различаешь в ней два голоса: ужас перед безграничным безмолвием и восторг перед величественным покоем. Какие же чувства могли овладеть восставшей из саркофага мумией, как не жажда к жизни, страстное желание радости! Все это конкретно подразумевается и в печали и трепете духа пред величием тишины. Галактион остается верен своему поэтическому «я»!

Мумия еще не справилась со смятением перед явившейся ей действительностью, а поэт уже награждает ее способностью эстетического восприятия: «воздух словно синий шелк». В этих словах проявилась суть поэзии Галактиона. Что это? Неестественный переход в другой аспект «состояния» души или принцип художника — восприятие мира только через функцию прекрасного?! Разумеется, второе: эта строка — поворотная для цельности стихотворения, первое чувство лирического героя — ощущение прекрасного. Это момент рождения человека. Чистота окружающей действительности явилась лоном, где зародилось настроение героя.

Путь к постижению поэзии труден для читателя, порой он труден и для критика. Разве редки случаи, когда все внимание акцентируется на второстепенных или третьестепенных компонентах стиха и забвению предается именно то, что явилось истоком поэзии, что вскормило ее. Восприятие стихотворения чаще всего доверяется слепой интуиции.

Первой же строкой своего стихотворения Галактион создает в нас определенную настроенность, и она божественна в буквальном понимании этого слова. Истоки ее, как мы уже отмечали, берут начало в интеллекте, и только в нем, настолько она оторвана от реального, конкретного. Настроенность, создаваемая поэтом, настолько грандиозна, его поэтическая воля столь сильна, что невольно рождает гордость за человека. Фантазия, способность отображения обрели плоть, овеществились, струны души поэта были задеты с той

силой, что дала возможность для глубочайшего постижения. Главное в этой строке — воздействие прекрасного на нас, для того и существует поэзия, потому-то мы и веруем в Галактиона!

«Орхидеи падают в Нил, когда зной стонет на песке». Галактион неожиданно накаляет обстановку — прием в высшей степени свойственный ему. Казалось бы, столь внезапный переход от изумления и смятения, царящих в первой строке, к драматизму неестествен для поэзии, но продлись они еще хоть на мгновение, строка утратила бы свою силу и значимость, излишество привело бы к фальши, поскольку усилить это настроение невозможно: оно — как мгновенное озарение.

Вторая строка изнутри раскрывает тщетность земного бытия. И для этого поэту не потребовалось никаких уточнений или дополнений: трагизм ощущается в самих словах «орхидеи падают в Нил» — тут словно ощущаешь дыхание разверстых могил. Цветы жертвуют собой во имя своей цели, своего назначения. Это картина преходящести, тщетности бытия.

«Когда зной стонет на песке» — тут удивительно органично и точно чувство формы, которое позволило Галактиону покорить новые высоты в грузинской поэзии. Многие может подметить человеческий глаз, но только поэту под силу представить пустыню в том неожиданном ракурсе, когда дополнительных определений уже не требуется. Строка эта дает возможность ощутить в жгучем зное пустыни вечную скорбь. Поэт донес до читателя образ пустыни не в общих очертаниях, но передал внутреннюю ее суть, ее настроение. Песок пустыни как бы служит инструментом, на котором солнечный зной «оплакивает» свое уродство, свою жестокость.

Стихотворение, каким бы привлекательным и внешне «красивым» оно ни было, не имеет смысла, если не дает нашей фантазии возможности расправить крылья, если не пробуждает в нас творческого сопереживания. Призвание поэзии не в том, чтобы успокаивать нас, гасить внутренние импульсы, но напротив — будоражить наш дух, пробуждать в нас чувство прекрасного. Галактион воскрешает наши эмоции неистойой бурей музыки, и от психического настроения читателя во многом зависит восприятие подтекста стихотворения. Эта особенность, присущая всему творчеству Галактиона, очень четко проявилась во второй строке разбираемого стихотворения. Рассмотрим эту строку в ее зависимости от первой. Из области возвышенного, божественного поэт неожиданно ввергает

наши чувства в область трагического, поэтому так притягательна не только внутренняя логика стихотворения, но и постоянно меняющаяся конструкция природы поэзии — удивительно сложная и недоступная, та внутренняя необходимость перехода от одной строки к другой, которую невозможно отрицать.

Восприятие функций орхидей — уже высокая фантазия. Назначение природы, оправдание всего сущего, считает поэт, в служении прекрасному. И вот назначение орхидей: «(они) хотят, чтоб душа не покрылась песком, хотят найти могилу Рамзеса». Тут уже подразумевается скрытая и безнадежная борьба с суровым законом бренности, законом, которому неведомо сострадание, законом, беспощадно превращающим все во прах и тлен. Вечность как таковая существует только в воображении человека. Поэтому насколько сильны наши вера в существование вечности и потребность в ней, настолько же она долговечна. Она съеживается и исчезает, как только человек утрачивает веру и потребность в ней, и, духовно опустошенный, уставший от суетности бытия, замыкается в рамках своего повседневного существования.

Потребность поэта, его вера в вечность проникает в плоть цветов, становится смыслом их существования, и далее все — Земля, Нил, Небо, Мир — исполняется желанием найти могилу божественного Рамзеса, объять ее, предохранить от тления.

Тайна поэтического отображения здесь доверена сравнительно простому средству, но настроение, создаваемое стихом, универсально. Грандиозное желание, своеобразная жажда жизни, неоднократно заявленные на поэтическом языке, в этом стихотворении Галактиона имеют чисто функциональное, а не эмоциональное значение.

«Он был царем... Теперь же он прах, отвергающий ряд столетий...» На первый взгляд, эта строка совпадает со многими заявлениями о бренности бытия. Но стоит воскресить общий настрой стихотворения, чтоб убедиться в ином ее назначении. Строка эта выражает внутреннее состояние мумии, но не печаль о тщетности бытия. Тут первично настроение мумии, наше же сопереживание ей — вторично. Природа человека не может смириться с жестокостью земного бытия — потому и «отвергающий ряд столетий».

Мумия здесь не столько выражение уважительности к царям (хотя, быть может, именно так была осмыслена она египетским народом), сколько противопоставление времени.

Мумия для Галактиона — сконцентрированная воля к жизни, покоящаяся в саркофагах; не экзотика прошлого, не музейный экспонат и предмет, пробуждающий любознательность, а средоточие столетий, каждое из которых отвергнуто ею. Эта строка, как светлый ручей надежды и веры, вливается в наше сознание.

Наиболее выразительна последующая строка, определяющая весь эмоциональный заряд стихотворения: «он не может быть лицемерным, не может не быть прахом». В грузинской поэзии очень часты совпадения эмоции и мысли, определяющие цельность формы. Эта строка Галактиона — образец того, как настроение объемлет мысль. Трагизм стихотворения тут достигает наивысшей точки. Законы бытия определяют для всего сущего на земле способы существования и оправдания своего назначения. Эти «законы» действовали и в долгой истории мумии, и вот она лежит пред человечеством — жалкие останки уничтоженной искренней веры. И несмотря на это, какой удивительной гордостью преисполнен Галактион за жизнь — все должно быть именно так, а не иначе: «он не может не быть прахом...». Расценить эти слова как выражение беспомощности — значит не понять их! Что есть лежащая в саркофаге мумия, как не овеществленная мечта человека заглянуть за столетия, в будущее? Эта мечта явилась нам поэзией: «и считает ряд столетий мумия и в солнечный день и в самум». Главное достоинство этого стихотворения — в удивительной силе видения, воскрешающей в нашей душе все лучшее, подавляющее все страдания и переживания.

«Уже не узнаю родные деревья» — так начинается другое стихотворение Галактиона Табидзе «Родная эфемера». Голос поэта прерывающийся, надтреснутый, мы словно даже видим его поверхность, покрытую «трещинами». Оживает застывшая было на мгновенье картина.

В первых двух словах, как в океане печали, тонет скорбь поэта. Эта скорбь имеет глубокие корни — с первого взгляда может показаться, что здесь выражены чувства человека, вернувшегося на родину после долгого отсутствия и не узнающего отчий дом. Но по осмыслению первой строфы масштабы и функции печали расширяются — речь идет о пришедшем из далекого прошлого верном сыне отчизны. Изменился облик гор, лесов и полей, и хотя очертания и контур их все те же, они изменились настолько, что их не узнать. Неумолимое время наложило на них отпечаток забитости, подавленности, ра-

зочарования, и они кажутся чужими любящему сыну — «уже не узнаю!». В этих двух словах — крик и боль души.

Во второй строке поэт, безусловно, упрощает мысль: «Зима замела все тропинки». Но это понятно — первые два слова стиха вмещают в себя столько печали, что если бы и вторая строка несла такую же нагрузку, восприятие было бы необычайно мрачным. Поэтому поэт заостряет внимание только на одной детали — «тропинках». Зима сама по себе символ скорби, она тяжким грузом лежит на всем, что близко и дорого, поэтому выделение «тропинок» весьма условно, тревога ведь прозвучала раньше: «уже не узнаю...». Тут наметились истоки отчаяния, и наш встревоженный взгляд возвращается туда, где рождается образ измученного тяжкими испытаниями странника, которого возвысила и сделала близким и родным для нас великая печаль. Каждый из нас мог быть на его месте — настолько близки нам его голос, настроение, чувства.

«Давно?» — обращаюсь я к лесу... В надломленных звуках этого тягостного вопроса дремлет роковой, несущий горестную весть ответ, который прозвучит тотчас, как только смолкнет эхо вопроса.

Вопрос выявляет лирического героя, обнажает его отчаяние. Чувствуется, что задавший его заранее знает ответ, но отягченный великой скорбью дух пытается переложить свой тяжкий груз на эти звуки, и надежда с присущей ей неустрашимостью ищет последний лучик, которого уже не найти ни мысли, ни вере. В вопросе словно бы спрессовано архаическое прошлое боли. Изменение облика родных лесов и гор подразумевает прошествие большого времени. Поэтому в вопросе звучит огромная печаль — перед нами разворачивается панорама всей истории нашей родины. И она порождает в поэте безнадежность и отчаяние, которые он выражает одним-единственным словом: «Давно?».

Вопрос на первый взгляд кажется излишним, но огромный талант Галактиона открывает новые глубины отчаяния, еще более мрачные и недосягаемые — вопросу возвращается его же образ, то же слово, те же звуки... «И лес гудит: «Давно...». Изменился как будто только знак препинания, вместо вопросительного знака — многоточие, словно протяжный гул колокола. Кажется, кто-то противится тому, чтобы был дан окончательный ответ, поставлена точка, раскрыта правда и завершена картина. Ответ звучит так же надломленно, но даже в этой надломленности — непокорность духа. Этот

ответ неприятно резанет слух читателя: нравится нам или нет, но такова действительность, и все обстоит именно так и не иначе.

Взор поэта проникает в глубины архаического прошлого, настроенность духа органично сообщается с древностью: «Теснятся замшелые скалы, там кто-то стонет давно». Небольшой отрезок истории не может вместить боль первой строфы, это — сложный феномен. И понимаешь, что только мифологическое время может быть соразмерно с возрастом печали. Перед мысленным взором — все перипетии пройденного родины исторического пути, острой болью отзываются тяготы и испытания, выпавшие на ее долю. «Теснятся замшелые скалы» — мысленным взором пытаешься различить на них пути-дороги, поросшие мхом забвения. Эфемерная масштабность и долговечность бытия словно бы искрошились у корней этого мха, дабы дать дорогу новым формам.

От замшелых скал исходит тепло, сыну отечества трудно уйти от них, его сердце приковано к этому месту, заряжающему его энергией, придающему силы и выносливость. Тут томится призрак знакомого мифологического героя, символизирующего неуспокоенность духа. «Там кто-то стонет давно», — напоминает нам поэт, и мы уже знаем, кого он подразумевает. Ассоциация весьма проста, поэтому и вопрос не является для нас неожиданностью — «Амирани?».

Да, там стонет Амирани. В вопросе сквозят тревога и страх. К этим скалам приковано не что иное, как мысль о свободе, которая первой выползла из темных проулков сознания для того, чтобы, собрав на своем пути страдания и мечты людей, испив крови сердца каждого из них, сплотить, сплавить все это воедино и обрести плоть. И обретшую плоть свободу народ нарек Амирани. Амирани стал символом свободы, и боги приковали этот символ к скалам.

Шло время, обрастали мхом века. Одряхлел и стон Амирани настолько, что даже, кажется, канул в память, лег неподвижным грузом, не беспокоящим мысль. Но время от времени милостью больших поэтов она пробуждается. Акакий, Важа, Галактион... Призрачным оказалось наше забытье, а рана — незарубцевавшейся...

Для Галактиона в Амирани заключена вся многовековая история Грузии.

«Амирани?» — обращаюсь я к лесу...» — в этом вопросе поэта таятся и боль, и упрек, и острое переживание, что он, Амирани, забыт. Спрашивающий знает, что ответят ему

леса, и этот упрек в вопросе словно бы обращен и к природе, допустившей, чтобы забыли Амирани. Все замерло в ожидании ответа. И он прозвучал, такой же неумолимый, как и первый: «И лес гудит: Амирани...». Звучит трагический мотив ожидания, затянувшегося на века, будто бы вы коснулись нежных краев незатянувшейся раны, напомнившей вам о том, что она нуждается в уходе и заботе... Амирани, Амирани, Амирани!.. Голос исполняется безнадежным отчаянием — он словно исторгается из самого сердца! Напряженность переживания у Галактиона беспредельна, она боится только сентиментальности, в остальных же случаях готова посмотреть в лицо бездне, перейти все границы, затопить все окрест.

Вслед за этой строкой, выражающей «чужую» боль (это было сделано с целью разнообразить форму), поэт, разрушая барьеры, возвращает эту боль себе и остается наедине с ней. «Этот тяжкий стон отравляет мои дни», — с болью восклицает достойный потомок Амирани. «Ведь его сердце — это мое сердце» — эти слова открывают нам его тайну; найдена невидимая, общая и единственная для всех пострадавших душ тропинка, обнаружено сходство и родство сердец. Кажется, что история человечества — это история стонающих сердец, биение которых заполнило поднебесье.

«Потерян?» — обращаюсь я к лесу», — третий вопрос, от которого веет бедой, срывается с уст, в нем мольба и надежда на сострадание и в то же время уверенность, что он возвратится, как и предыдущие два: «Потерян...».

Читателем овладевает чувство, которое испытывает человек, заключенный в четырех стенах, но в стихе пространство неизмеримо больше и стены несравненно выше. И это огромное пространство только подчеркивает, делает более острым чувство отчаяния. Нет исхода для взметнувшихся ввысь лесов, волна боли и отчаяния захлестывает все окрест и, разбиваясь о скалы, возвращается эхом. Воздух наполнен скорбными голосами:

«Давно?» — «Давно...»

«Амирани?» — «Амирани...»

«Потерян?» — «Потерян...»

Голоса смешиваются, сменяют друг друга, неизменно в них только одно — отчаяние. И гул этих голосов настолько впечатляющ, что необязательно даже конкретизировать эту боль и это отчаяние. Последующие три строфы построены в пружинном ритме этого гула.

Гудит Терек, грохочет Терек,
Солнце заходит, но до сумерек еще далеко,
Щедрые краски перемешаны в небе —
Рубиновые дебри — синий и кизилковый цвет...

Чело Казбека украшено облаками,
И небо — вишневого цвета... Довольно.
С неба (кто-то) осыпал землю цветами из корзины
И с Дарьяла доносился звон...

Всего на один миг, в час испытанья
Мне дарована была тихая встреча с тобой.
Как воспоминанья, что освещают мою душу,
Передай это тем дорогим призракам, Терек!

Может показаться, что здесь поэт отошел от трагической темы. Но в дальнейшем убеждаешься, что именно гул этих голосов и породил этот ритм, в котором сквозят трагические нотки: «И с Дарьяла доносился звон... Всего на один миг, в час испытанья мне дарована была тихая встреча с тобой...».

Мысли словно бы ищут спасения от отчаяния.

Затем голоса слабеют, стихает неистовая буря страстей, успокаиваются взбаламученные чувства, и вновь возникает то главное, что осмысливается как вечное, как феномен, имеющий непреходящую ценность — образ Амирани:

Теснятся замшелые скалы,
Там кто-то стонет давно.
«Не Амирани ли?» — вновь обращаюсь я к лесу,
И лес гудит: «Амирани...»

НОВЫЙ АСПЕКТ ОСВОЕНИЯ ИНОНАЦИОНАЛЬНОЙ ТЕМАТИКИ

ГРУЗИНСКАЯ и белорусская литературы, развиваясь на национальной почве, воспитываясь на идеях патриотизма, самоотверженной борьбы за национальное и социальное освобождение родных народов, в то же время издревле характеризовались чувством интернационализма. «Среди тех многочисленных тем, — пишет Герой Социалистического Труда К. Лордкипанидзе, — которые изначально питают художественное слово, ни одна не служила источником вдохновения стольких хороших стихов, рассказов и романов, как дружба народов»¹.

Именно на этой благодатной почве выросли, окрепли и расцвели в нашу социалистическую эпоху тесные вза-

имодействия грузинской и белорусской советских литератур с духовными культурами всех братских республик. Проблема этих взаимодействий имеет, как известно, широкий культурно-исторический аспект, подразумевающий и контактно-импульсивные связи, и типологическое сходство, и влияния, и инациональную тематику, и переводы, и многое другое. Особенно интересна такая важная и все еще недостаточно теоретически осмысленная форма литературных взаимосвязей, как **отображение инационального бытия национальной литературой**. Разумеется, форма эта не новая и имеет богатые традиции. В прошлом ее функциональная значимость служила решению двух основных задач: с одной стороны, знакомству с инациональным народом (с его жизнью, историей, культурой), а с другой — развитию и укреплению дружбы с ним.

В нашу социалистическую эпоху диапазон использования интересующей нас формы литературных взаимосвязей приобрел новый аспект, необычайно расширившись как по горизонтали (имеются в виду географические рамки), так и по вертикали (речь идет о функциональном назначении).

С этой точки зрения большой интерес вызывают книга К. Лордкипанидзе «Бессмертие (белорусские рассказы)» и роман Э. Самуйленка «Будущность», целиком построенные на белорусском и грузинском материале и знаменующие собой новый аспект освоения инациональной тематики двумя братскими литературами.

¹ К. Лордкипанидзе. Избр. соч. в 4-х томах, т. 4, Тбилиси, 1979, с. 246 (на груз. яз.).

Здесь мы имеем дело не просто с решением познавательных задач, как это имело место в дореволюционной литературе. Ведь в нашу эпоху читатель может свободно знакомиться с прошлой и настоящей жизнью братских народов и, в частности, грузинского и белорусского, по лучшим произведениям национальных писателей в переводе на грузинский, белорусский или русский языки. Почему же представитель белорусской литературы так глубоко изучил жизнь Грузии и создал целиком на ее материале свое произведение, а грузинский писатель всесторонне воспроизвел жизнь братского народа? Это было обусловлено рядом важных причин. «Некоторые удивлялись, — писал В. Вольский, — зачем нужно было молодому белорусскому писателю создавать роман о Грузии. Недостаточно ли писать на своем национальном материале? Были и такие, которые не понимали значения этого романа для укрепления дружбы между нашими народами, а также для развития белорусской литературы. Самуйленок не поддавался этим правоучениям и отстранялся от упреков. Он не терпел националистического отмежевания и считал, что не нужно замыкаться, что необходимо расширять тематику и проблематику белорусской литературы. Он хотел писать и писал обо всем, что его привлекало и заинтересовало»².

Это, разумеется, чрезвычай-

² В. Вольский. Эд. Самуйленок. Жизнь и творчество, Минск, 1951, с. 17.

чайно важный фактор. Не менее значимым являлось и то, что Э. Самуйленок отправился в Грузию, потому что, по словам К. Зелинского, захотел как художник «глубоко воспринять дух этой страны, ее поэзию, язык, нравы, жизнь и мечты народа. И белорусский писатель написал роман, как о своей родине, потому что социализм создал новое ощущение единства нашей советской земли и народов, населяющих ее»³.

Все это и способствовало успеху как романа Э. Самуйленка, так и рассказов К. Лордкипанидзе. Однако, на наш взгляд, имеется еще одна, не менее важная причина: здесь сыграл огромную роль совершенно новый фактор, а именно — **осмысление национальной специфики сквозь инонациональную призму**. Белорусскому читателю, безусловно, интересно, как воспроизвел К. Лордкипанидзе его национальное бытие, национальный дух, национальное самовыражение, что именно привлекло в белорусской действительности грузинского писателя и т. д., а у грузинского читателя произведения К. Лордкипанидзе вызывают большой интерес потому, что воспроизводят жизнь братского народа исходя из грузинского этикопсихологического уклада, диктующего отбор именно того материала, который по целому ряду национально-исторических обстоятельств интересен именно его родному читателю (тут свою роль играют такие факторы, как

³ «Литературный критик», 1939, № 4—7, с. 208.

позиция писателя, его знание жизни, талант, доля творческой фантазии и т. д.).

Создание такого рода произведений невозможно без глубокого, органического и всестороннего вживания в самую сущность жизни другого народа. Одного лишь знакомства (пусть даже самого пристального) со страной здесь уже явно недостаточно. Необходимо не просто познать быт и нравы другого народа, познакомиться с его историей и культурой, но и вникнуть в глубины духовного мира человека, всесторонне осмыслить его национальную принадлежность и специфику, увидеть не только общечеловеческие, но и отличительные черты. Именно этим характеризуются произведения К. Лордкипанидзе и Э. Самуйленка, написанные в знаменательные 30-е годы, после исторического Первого Всесоюзного съезда советских писателей и создания единого Союза писателей СССР.

Как известно, Первый съезд писателей констатировал, что у нас создана многонациональная советская литература, которая успешно развивается в тесных контактах и взаимосвязях. Большое значение имело для советских писателей решение съезда о необходимости всестороннего изучения жизни братских республик нашей страны, о налаживании взаимного обмена творческими достижениями. Поэтому-то послесъездовский период оказался исключительно плодотворным для советских писателей. Объединенные в единый фронт и вооруженные гередовым художественным методом социалистического реализма, они создали

ряд выдающихся произведений.

Съезд положил начало интенсивным и планомерным контактам грузинских и белорусских писателей. Уже в 1932 году в связи с подготовкой к Первому Всесоюзному съезду писателей в Белоруссию по инициативе М. Горького была направлена интернациональная бригада писателей СССР, которую возглавлял С. Амаглобели и в которую входили также Г. Бухникашвили и Б. Жгенти. Пребывание в Белоруссии дало мощный толчок зарождению и развитию дружеских контактов между грузинскими и белорусскими писателями.

В ноябре 1933 года братскую республику посетили выдающиеся грузинские писатели Нико Лордкипанидзе и Михаил Джавахишвили, которые завязали дружеские связи со своими собратьями по перу Янкой Купалой, Якубом Коласом, Михаилом Климовичем, Змитроком Бядулей, Петрусем Бровкой, Петро Глебкой, Михасем Зарецким, Алесем Дударем и другими. «Дружеские встречи, — вспоминал Микола Хведорович, — положили начало сближению наших литератур. На перроне минского вокзала мы прощались и горячо обнимали друг друга, почувствовал, что у нашей дружбы будет плодотворное продолжение»⁴.

И действительно, в мае 1935 года, также по инициативе М. Горького, состоялся взаимный обмен бригадами писателей Грузии и Белоруссии. В Грузию приехали

⁴ «Литературная Грузия», 1975, № 9, с. 66.

Виталий Вольский, Микола Хведорович, Борис Микулич, Эдуард Самуйленок и Владимир Ковальский, а Белоруссию посетили Константин Лордкипанидзе, Ило Мосайвили, Ражден Гветадзе, Александр Кутатели и Бени-то Буачидзе.

В течение нескольких месяцев находились грузинские писатели в Белоруссии, увидев и прочувствовав многое, пленительные пейзажи Полесья, красоту души белорусского народа, его гуманизм, природный юмор, беззаветный патриотизм и мужество. Все это нашло яркое отражение в книге К. Лордкипанидзе «Бессмертие». В предисловии к ней автор писал: «В тридцатых годах мне довелось побывать в Полесье — в краю лесов и озер. Там я провел два месяца в семье колхозника-рыбака. Хозяином, Петрусь Гнедка, оказался старым партизаном. Была пора рыбной ловли. По вечерам, когда наша тяжелая плоскодонка медленно плыла по реке домой, Гнедка вспоминал восемнадцатый год, вспоминал своих отважных земляков... В эти вечера и сложились мои белорусские рассказы».

Создавая свои произведения, К. Лордкипанидзе использовал не только рассказы участников описываемых событий, но и литературные, фольклорные, исторические и этнографические источники. Он детально изучил белорусские народные и религиозные праздники, использовал в своей работе повесть Якуба Коласа «Трясина», роман Платона Галавача

«Сквозь годы» и т. д.⁵ «В изучении партизанского движения Мозырского района мне очень помогло произведение Якуба Коласа «Трясина»⁶, — писал К. Лордкипанидзе. И далее: «Посетив белорусские села, я убедился, что образы, изображенные в книге Галавача, существуют в реальной действительности. Роман «Сквозь годы» помог мне познакомиться с Белоруссией, узнать те трудности и противоречия, которые сопутствовали жизни белорусских деревень»⁷.

Таким образом, вполне очевидно, что в «Бессмертии» К. Лордкипанидзе, с одной стороны, нашли отражение лучшие традиции белорусской советской литературы, а с другой — всестороннее изучение и творческое освоение белорусского материала. По справедливым словам С. Кекелидзе, «изучение Константином Лордкипанидзе белорусского фольклора и белорусской художественной литературы определило как выбор темы его новелл, так и характер главного героя — деда Рухло, выражающего нацио-

⁵ Подробнее см.: В. Салия «Белорусские рассказы» Константина Лордкипанидзе (вопрос источников), «Мацне» («Вестник»), серия языка и литературы, 1968, № 1, с. 44—48 (на груз. яз.).

⁶ К. Лордкипанидзе. Избр. соч. в 4-х томах, т. 4, Тбилиси, 1979, с. 246 (на груз. яз.).

⁷ «Літэратура і мастацтва» от 6 августа 1935 г. (на белор. яз.).

нальный дух белорусского народа»⁸.

Действительно, героями произведений К. Лордкипанидзе являются белорусские крестьяне, самоотверженно борющиеся за свободу. Грузинскому писателю удалось создать яркий, запоминающийся образ деда Рухло, который проходит через весь цикл рассказов К. Лордкипанидзе. Автор убедительно вскрывает природу этого типичного крестьянина, всем своим существом прикованного к земле. Вначале дед Рухло предстает как человек, целиком ушедший в мирок своих узких личных интересов. Ветхий плетень, словно Великая китайская стена, отделяет его от бурных внешних событий, связанных с борьбой за Советскую власть в Белоруссии. Но так продолжается недолго, ибо свет ленинских идей не может не дойти до крестьянского сердца. И грузинский писатель с большим мастерством показывает нелегкий, но вполне логичный процесс перерождения своего героя, который из нейтрального затворника вырастает в активного борца за счастье народа и в конце концов гибнет за Советскую власть.

Книга К. Лордкипанидзе проникнута благородным братским чувством по отношению к белорусскому народу. С большой любовью рисует автор образы партизан — самоотверженных борцов за великие идеалы Октября. Как отмечала в 1940 году газета «Советская Белоруссия», К. Лордкипани-

дзе «достиг особой силы реализма и художественной выразительности в обрисовке героев партизанской войны, хотя в самой белорусской литературе до этого было создано немало произведений на эту тему».

Чем же объяснить подобный феномен? Думается, тем, что объект изображения здесь оказался поглощенным национальным мироощущением писателя. Его воспроизведение Белоруссии — **факт грузинской литературы**, поскольку дело заключается не только в тематике, а в восприятии ее. К. Лордкипанидзе воспринял Белоруссию как грузинский писатель. Поэтому-то его книга рассказов по своему мировосприятию и художественной выразительности отличается от талантливых произведений белорусских писателей, созданных на эту же тему. Традиции белорусской литературы, как и белорусский материал вообще, К. Лордкипанидзе не копировал и не воспроизводил слепо, а переплавил в горниле собственного творчества, в духе грузинских литературных традиций. Писатель ни в коей мере не огрузинивает своих героев, он лишь очень тонко акцентирует внимание читателя на тех чертах характера белорусских персонажей, которые очень близки грузинам. К. Лордкипанидзе удачно ищет и находит в национальном — межнациональное, сближающее народы.

Известно, что «интернациональная культура не безнациональна. Об этом писал Ленин. Единая интернациональная культура подразумевает богатство, большую щедрость, многообразие конкретных эстетических форм,

⁸ С. А. Кекелидзе. Грузино-белорусские литературные взаимосвязи. Тбилиси, 1979, с. 98.

в том числе и национальных, которые ныне художественно закрепляют и утверждают социалистическое содержание, делая социализм более близким, родным»⁹.

Именно этот феномен находится одно из ярчайших и впечатляющих отражений в национальных литературах, которые, обладая сходными чертами, единством социальной концепции, вместе с тем остаются литературами национальными, опираются на опыт, традиции родной культуры, имеют глубокие корни в своей действительности.

Все это можно проследить и на примере романа «Будущность», созданию которого предшествовала многомесячная поездка Э. Самуйленка по Грузии, его глубокое знакомство с материалами по истории и этнографии страны, изучение грузинской литературы, фольклора и языка, трудов греческих авторов, в которых содержались сведения о древней Колхиде, стремление как можно полнее приобщиться к грузинской культуре.

Впечатления о поездках по Грузии отразились в целом ряде очерков Э. Самуйленка («Облик страны», «Мцхета», «Чаква», «Родина марганца», «АдГЭС», «Колхидстрой» и др.), которые смело можно считать своеобразным подходом, подготовкой к созданию романа «Будущность». Долгое время прожил Э. Самуйленок в Поти, то есть в местах, воссозданных в его романе, где изучал историю этого края

по партийным документам, газетам и воспоминаниям, встречался с интересными людьми — строителями Колхидстроя. Все это позволило писателю глубоко раскрыть грузинский национальный характер, выразить на белорусском языке ритм и тональность грузинского языка.

Роман «Будущность» имел большой и заслуженный успех. «Быт, нравы, история грузинского народа не были для художника экзотикой, — пишет Н. Перкин. — В ряде случаев можно поражаться тонкости проникновения писателя-белоруса в психологический мир грузин. Роман явился для Э. Самуйленка школой художественного мастерства. Этот вывод верен не только тогда, когда речь идет о «маленьких людях», таких, как старый охотник Топурия, крестьянин Тариэл Квирквелия, но и когда автор обращается к революционным борцам, руководителям масс, таким, как Теофил Габисония, Константин Куридзе, Бесо Коркия. Из фактов истории — перипетий борьбы за Советскую власть... вырастает широкая картина народной жизни: трагедия осиротевших детей, муки голодающих, растущее возмущение крестьян предательством меньшевиков, боевые действия большевистского подполья, массовые вооруженные схватки, мечта о недалеком будущем свободного народа»¹⁰.

Действительно, роман Э. Самуйленка ярко воспроизводит картины грузинской

⁹ Г. Ломидзе. Патриотизм и интернационализм советской многонациональной литературы, Тбилиси, 1985, с. 35.

¹⁰ История советской многонациональной литературы, т. 2, кн. I, М., 1971, с. 408.

действительности 1920—1921 годов, воссоздает колоритные образы грузинских крестьян, рабочих, интеллигентов. Среди них особо выделяются большевики — смелые и благородные люди, беззаветно преданные Родине, не жалеющие ни сил, ни энергии, ни самой жизни в борьбе за свободу и счастье народа. Белорусский писатель сумел понять и прекрасно передать черты национального характера грузинского народа, воспроизвести его быт, особенности жизненного уклада. И здесь произошло примерно то же, что и в «Белорусских рассказах» К. Лордкипанидзе, где автор удивительно верно передал характер и душу братского народа, особенности белорусской природы, быта и нравов своих героев.

Э. Самуйленок убедительно показывает, как стихийная партизанская борьба грузинского крестьянства под руководством партии приобретает организованный характер и осознанную цель, вливается в один могучий поток революционного движения всего грузинского народа. События романа Э. Самуйленка разворачиваются на широком историческом фоне, прекрасно изученном белорусским писателем. Живыми штрихами обрисованы автором образы Серго Орджоникидзе, С. М. Кирова и других выдающихся деятелей коммунистической партии, сыгравших большую роль в осуществлении вековых стремлений грузинского народа.

Через весь роман Э. Самуйленка красной нитью проходит идея интернационализма. Автор показывает, какую большую помощь оказы-

вала восставшей Грузии молодая Советская Россия, доблестные отряды которой, преодолев большие трудности, помогли своим братьям обрести свободу.

Произведение Э. Самуйленка убедительно свидетельствует о том, что национальное не является преградой для проникновения в психологический и эстетический мир других народов, для усвоения лучших сторон их культуры»¹¹.

Роман «Будущность» был задуман как трилогия. Однако смерть помешала писателю осуществить свои творческие замыслы. Даже будучи тяжело больным, он не переставал думать о второй части трилогии, в которой собирался показать грандиозный процесс осушения Колхидской низменности и превращения этого края в цветущий сад, то есть показать ту «будущность», ради которой боролись герои гервой книги романа.

Э. Самуйленок страстно верил в неисчерпаемые силы грузинского народа и хотел с широким размахом поведать об этом читателям. «Вот дайте мне подняться с постели, — говорил он. — Да что с постели — силы бы только немножко восстановить, я и в постели писать буду! Я покажу, что сделал человек с извечными болотами Колхиды. Они опять — и на этот раз навсегда — стали золотым рном».

И хотя Э. Самуйленок не успел завершить свою трилогию, написанная часть ее

¹¹ Г. Ломидзе. Патриотизм и интернационализм советской многонациональной литературы, Тбилиси, 1985, с. 36.

сыграла важную роль в истории грузино-белорусских литературных взаимосвязей.

Особый интерес к этому произведению, помимо всего прочего, опять же, на наш взгляд, был вызван тем, что Э. Самуйленок осмыслил национальную специфику сквозь инациональную призму. Известно, что в искусстве имеются так называемые вечные понятия — любовь, дружба, патриотизм, интернационализм и т. д. Однако каждый истинно национальный художник выражает их по-разному, исходя не только из своей индивидуальности и эпохи, но и из национальной специфики, традиций и закономерностей развития своей национальной духовной культуры. Так, патриотизм, любовь и т. д. у писателей одной эпохи — Пушкина, Ал. Чавча в а д з е, Шевченко, Ахундова, Абовяна и других — это не абсолютно идентичное воспроизведение общечеловеческих чувств, так как они характеризуются своеобразными индивидуально-национальными чертами, обогащенными традициями родной литературы. Точно так же воспроизведение на национальном материале двумя советскими писателями почти одновременно одного и того же явления — борьбу за победу Советской власти — отличается уже названными выше особенностями. И еще. Созданные на основе творческого метода социалистического реализма рассказы К. Лордкипанидзе написаны в героико-романтическом ключе, свойственном грузинской литературе, а роман Э. Самуйленка — в эпической манере, характерной для белорусской литературы.

«Пути воссоздания характеров в литературе, — пишет Г. Ломидзе, — многообразны, индивидуально неповторимы. Весьма существенны также традиции национального художественного творчества, которые используются и преобразуются писателем»¹².

Произведения К. Лордкипанидзе и Э. Самуйленка позволяют нам осмыслить диалектику формы и содержания национального и интернационального, наглядно увидеть, как интернациональные начала проникают в национальную форму, понять, что содержание не может быть интернациональным, если не отражает самые возвышенные национальные идеалы, что через социалистический интернационализм реализуются самые сокровенные национальные формы.

Известно, что сближение национальных литератур в социалистическую эпоху отнюдь не означает потерю их национальных черт и особенностей. Н. Думбадзе справедливо подчеркивал, что «в разговоре об интернационализме... нельзя забывать о том, что он отнюдь не исключает, а напротив — подумывает, усиливает в жизни человека большие непреходящие ценности: национальное достоинство, национальную гордость, патриотизм»¹³.

Именно это соотношение национального и интернацио-

¹² Г. Ломидзе. Патриотизм и интернационализм советской многонациональной литературы, Тбилиси, 1985, с. 25.

¹³ «Литературная Грузия», 1982, № 10, с. 10.

нального позволяет нам усмотреть в «Бессмертии» К. Лордкипанидзе и в «Будущности» Э. Самуйленка новый поход к освоению интонациональной тематики.

Думается, именно поэтому их произведения пользовались и пользуются большим успехом не только у «своих» читателей, но и широко переводятся на другие языки, в том числе и на язык того народа, жизни которого они посвящены. Основа всего этого заключается в качественно новом чувстве советского патриотизма и социалистического интернационализма. По справедливому заключению Г. И. Ломидзе, «как у Самуйленка, создавшего книгу о Грузии, так и у Лордкипанидзе можно заметить скрытую, хорошую гордость тем, что вот они так уверенно шагают по земле другой страны, не спрашивая адреса, не прибегая к картам и справочникам. Произошел процесс перевоплощения: белорусский писатель стал грузинским, а грузинский — белорусским. Все это говорит о любви народов друг к другу, об их единении»¹⁴.

Произведения К. Лордкипанидзе и Э. Самуйленка оказались не единственными, целиком построенными на интонациональном материале. В том же ряду находятся повести Р. Гветадзе «Скиргайло» и «Махара», роман-эпопея А. Антоновской «Великий Моурави»,

поэма «Кавказ» И. Байзаква, повести Н. Тихонова «Клятва в тумане», «Симон-большевик», произведения Р. Коркия «Папироса Буденного», Э. Зедгинидзе «Окно на третьем этаже», Р. Джапаридзе «Веселый поезд» и многие, многие другие.

Все эти произведения еще раз убеждают в том, что в процессе развития и дальнейшего роста духовной культуры братских народов — социалистической по содержанию, национальной по форме и интернационалистической по духу — главным и неизменным является один путь — путь приумножения духовных богатств каждой нации, путь дружбы и братства, творческих взаимосвязей и взаимообогащения.

На современном этапе читатель вправе требовать от деятелей литературы создания полноценных полотен, глубоко разрабатывающих интонациональную тематику, воспроизведения полнокровных образов, новаторских поисков в работе над художественным изображением жизни братских республик, над созданием истинно национальных характеров и т. д. Следует подчеркнуть, что работа грузинских мастеров пера идет именно в этом направлении, о чем свидетельствуют сравнительно недавно созданные циклы произведений Х. Берулава «Волны Немана (Двадцать песен о Белоруссии)», Д. Чарквиани «Желтое солнце» (по мотивам Мартироса Сарьяна) и другие.

¹⁴ «Литературное обозрение», 1940, № 1, с. 22.

Выступая на XXVII съезде КПСС с политическим докладом, М. С. Горбачев сказал: «Мы обоснованно гордимся достижениями советской многонациональной культуры. Вбирая в себя богатство национальных форм и красок, она становится уникальным явлением в мировой культуре. Но важно, чтобы здоровый интерес ко всему ценному, что есть в каждой национальной культуре, не вырождался в попытки отгородиться от объективного процесса взаимодействия и сбли-

жения национальных культур»¹⁵.

Решая эту первостепенную задачу, советские писатели должны широко использовать в своем творчестве и такую форму литературных взаимосвязей, как всестороннее, многогранное отображение жизни братских народов нашей великой Отчизны.

¹⁵ М. С. Горбачев. Политический доклад Центрального Комитета КПСС XXVII съезду Коммунистической партии Советского Союза, М., 1986, с. 67.

ХРОНИКА

ИНТЕРЕСНОЕ ИЗДАНИЕ

Вышла в свет книга профессора Ноцара Табидзе «Этюды» (издательство Тбилисского государственного университета). Каждая новая книга об истории грузинской журналистики, ее деятелях вызывает повышенный интерес, так как выходит их очень немного. Книга «Этюды» — это не просто теоретическое исследование и не сухое изложение «фактов жизни», а поучительные рассказы о малоизученных или вовсе не изученных, не известных вопросах из области грузинской журналистики, литературной и общественной мысли.

Особое внимание привле-

чают статьи «Вепхисткаосани» и «Иверия» Ильи Чавчавадзе, «Акакий Церетели — журналист», «Публицистика Эпнате Ниношвили», «Новые материалы о ректоре Гайозе», «Из редакторской лаборатории Якоба Гогебашвили», «Взгляды молодого Галактиона на символизм» и другие.

В каждой статье, опубликованной в книге (а их 17), приводятся факты, проливающие свет и на взгляды, и на роль передовых грузинских мыслителей в развитии культуры и прогресса в Грузии. В «Этюдах» использовано много архивных, других уникальных документов, выдержек из грузинской и русской периодической печати разных лет.

„Я ИЗБРАЛ ЕДИНСТВЕННЫЙ ПУТЬ—К ВАМ...“

В грузинской литературе Николо Мицишвили — фигура трагическая. Трагическая не только потому, что он умер совсем еще молодым — на сорок первом году жизни, но и потому, что творчество его по сей день малоизвестно читателю и не заняло должного места в истории грузинской литературы.

Как личность и как художник Н. Мицишвили был чрезвычайно противоречив. Противоречивость эту сознавал и сам поэт и очень остро переживал ее. Он с болью писал: «В поэзии я следую лишь голосу моего сердца и, наверное, именно поэтому как поэт не поспеваю за актуальностью нынешнего беспокойного времени. Как поэт я, возможно, и остался в прошлом, но как человек по логике моих действий, гражданственности, всей жизни, наконец, я стою на уровне современности. Может быть, в будущем две эти линии моего бытия сойдутся. Не знаю... Знаю только, что противоречивость свойственна не только мне, но всему нашему времени, однако лишь поэта она может привести к катастрофе...»

Подобное признание мог сделать только человек, далеко не избалованный судьбой. Судьба, действительно, не баловала Н. Мицишвили. Внутренние противоречия, которых и вправду немало в творческой биографии поэта, чаще всего были обусловлены самим временем, в котором он жил, сложными общественными отношениями.

Совсем юношей начал Н. Мицишвили свою литературную деятельность. В шестнадцать лет он уже публикует в журнале «Театри да цховреба» («Театр и жизнь») стихи и миниатюры; в двадцать один год редактирует газету Кутаисского союза рабочих и солдат; в 1922 году под его редакцией выходит газета «Фигаро» (на русском языке), а также сборник «Грузинские поэты». Затем—три года вдали от родины. Стамбул... Париж... Из Парижа Н. Мици-

16035741
198-111033

швили трижды выслали за пропаганду коммунистических идей в среде грузинской эмиграции, сажали в тюрьму. В тюрьме он написал стихотворение «Родине»: «О, Грузия, книга, в молчании раскрываемая, милосердие святое, в биении сердца раздавленное, и я хочу испещрить сердце твоими ранами, твоему имени тысячу раз возрадоваться. И на меня ты возложила тяжкое ярмо великой любви, испытала сердце мое этой любви стрелой тончайшей, я, обезглавленный, в муках изнемогающий, лобзаю тебя, забывшая, кровоточащими устами»¹.

Н. Мицишвили сравнительно поздно примкнул к поэтическому ордену «Голубые роги» и сразу же стал одним из наиболее активных его членов. Он систематически печатался во всех изданиях грузинских символистов: «Меоцнебе ниамореби» («Мечтательные газели»), «Поэзиис дге» («День поэзии»), «Бахтриони», «Баррикада» и др. Первые же стихи Н. Мицишвили отмечены особенностями его поэтического почерка — душевной неуспокоенностью, внутренним напряжением чувств, лаконизмом, которые в дальнейшем определили стиль замечательных образцов его документальной прозы — «Эпопея», «Февраль», «Александрия».

Вот как сам Н. Мицишвили передает свое душевное состояние в ту пору: «Двадцатый год века. Напечатанные стихи... Поэзия стала смыслом. Это первый и последний хлеб насущный. Поэзия — утешение, страсть, любовь и горечь...»

Сближение с символистами наложило отпечаток на поэзию Н. Мицишвили, в ней появляются фантастические образы, дает о себе знать нереалистическое, декадентское видение мира, преобладающими становятся меланхолия, безнадежность, одиночество. Подобными настроениями пронизаны его стихотворения «Кто я такой», «Цмнданиани», «Автопортрет в гробу», «Апокалипсическая баллада», «Красная змея» и др. Тициан Табидзе видел в этом влияние поэзии Шарля Бодлера, однако отмечал, что между Н. Мицишвили и французским символистом такая же разница, как между эпохами, в которых они жили. Возможно, в ряде стихотворений Н. Мицишвили и слышны далекие отголоски поэзии Шарля Бодлера, однако мы имеем дело скорее с внешним сходством, чем с внутренним. Меланхолию и пессимизм поэта нельзя объяснить только его личной трагедией. Следует помнить о сложности самой эпохи и о полной противоречивой ситуации в литературе, сложившейся в ту пору и сохранившейся в Грузии вплоть до 30-х годов. Эти моменты, на наш взгляд, в значительной степени оп-

¹ Здесь и далее стихи даны в подстрочном переводе.

ределили появление в творчестве Н. Мицишвили таких поэм, как «Цмнданиани», «Черная звезда», «Кончина». К творчеству Н. Мицишвили этого периода следует подходить с учетом всех отмеченных обстоятельств и не забывать, что, хотя оно и окрашено в чрезмерно мрачные тона, чувства, нашедшие в нем выражение, предельно искренни. За названными выше поэмами стоит весь жизненный путь поэта — человека, художника, гражданина. На этом пути он не знал покоя и, что самое главное, не терпел фальши и компромисса.

Первая книга стихов Н. Мицишвили вышла в 1922 году в Тбилиси, сразу же вызвав столкновение диаметрально противоположных мнений.

Символично само название этой книги — «Цмнданиани». Цмнданиани — легендарная птица, раз в столетие появляющаяся над землей после захода солнца. Ее пылающие крылья сеют огонь. Она — символ разрушения и возмездия.

На чужбине Н. Мицишвили неотступно преследуют воспоминания о Грузии, о родной деревне, о матери, об отце-кузнеце. «Передо мной, оказавшимся в этом чуждом мне мире, упрямо предстает образ отца, живущего в имеретинской деревне. Меня не покидает мысль, что весь мой путь поэта, пусть даже ведущий к самому небу, не искупит и одного дня печали моего отца по утраченному сыну. Это — зов издалека. Плач по утерянной вере и раскаяние. Я не знаю как, но этот зов из деревни, зов земли сегодня пробуждает меня, и я выхожу из летаргии только благодаря ему. И если я еще пишу, если жернова судьбы все еще перемалывают черные, как кофе, зерна моих мыслей, причина тому — эти воспоминания и этот зов — в Париже — из Имерети», — писал поэт. «Я — страждущий потомок крестьянского рода», — с гордостью заявлял он, и эта мысль проходит через все его творчество.

Память о том, что он «потомок крестьянского рода», постоянные воспоминания об отце и о родной деревне свидетельствуют о никогда не угасавшей любви Н. Мицишвили к родине. На чужбине они в какой-то мере утешали поэта, выводили его из летаргии, но они же незримым пламенем сжигали его сердце — он не мыслил жизни вне Грузии, а судьбу своего творчества неизменно связывал с ее судьбой: «Мои стихи, родина, и имя любимой, моими жилами связанные и соединенные, из сердца столь ошибочно вырванные, не увидят меня на чужбине» («Единственный сонет»).

Рядом с такими эмоционально напряженными, пронизанными трагизмом и гражданским пафосом стихами есть и произведения чисто лирические, открывающие нам нежную, легкоранимую ду-

шу поэта. К ним, в первую очередь, относится стихотворение, посвященное Чибису. Трагическая судьба собаки Николо Мицишвили была излюбленной темой голубороговцев. Особенно интересны стихи на эту тему Валериана Гаприндашвили — «Чибис» и «Сапфир и Корделия».

Теплом и искренним чувством согрето стихотворение Н. Мицишвили «Чибис»: «Ты, моя собака, мой Чибис, мой милый, мы с тобою были сторожевыми псами одной мысли... Мою гибель один ты оплакал бы, теперь же я не знаю, кто заплачет, когда я умру».

Как мы уже говорили, первая книга Николо Мицишвили сразу же вызвала самые противоречивые мнения. Одним из первых на ее появление откликнулся Галактион Табидзе. Не давая сборнику высокой оценки, он тем не менее отмечает, что в книге ясно виден «портрет поэта» и что книга Н. Мицишвили — одна из первых книг голубороговцев. «У голубороговцев, — писал Галактион Табидзе в 1922 году в третьем номере газеты «Ломиси», — недостает решимости издавать книги, да и материала для этого у них нет. Издание книги Н. Мицишвили, с этой точки зрения, несомненно, имело смысл».

Голубороговцы приветствовали появление «Цмнданиани». Шалва Апхаидзе писал: «В поэзии Николо Мицишвили чувствуется внутренняя искренность и правда. Она — лучшая иллюстрация, а вернее, документ того духовного кризиса, которым вообще характеризуется поэзия, стоящая на рубеже новой эпохи. Корни поэта в прошлом, весь же он как человек, обращен вперед... Поэзия, от которой веет ароматом ладана декаданса, была выразительницей эпохи крушений... Стихи написаны рукой мастера, они сильны, как по композиции, так и по форме».

С одной стороны книга заслужила одобрение, признание, с другой же — ее называли бесполезной, «запоздалым отголоском проклятого прошлого».

В двадцатых годах несправедливой, ошибочной оценки не избежали и признанные мастера нашей литературы, поэтому нет ничего удивительного, что на начинающего поэта обрушился шквал резкой критики. Впрочем, справедливости ради следует отметить, что тенденциозное отношение к творчеству Н. Мицишвили сохранилось до его последних дней, что сыграло немалую роль в его личной трагедии.

Как гражданин Николо Мицишвили с первых же дней принял новую Грузию, принял не формально, а искренне. Еще в 1924 году в Париже он писал: «Существует только один путь, одна реальность, и тот, кто верит в будущее грузинского народа, должен

совершенно сознательно и честно вступить на этот путь служения Советской Грузии». Однако как поэт он не мог сразу отказаться от тех литературных, эстетических принципов, которые лежали в основе его творчества. Сознвая всю сложность создавшегося положения, Н. Мицишвили попытался честно разобраться и объяснить это в документальном романе «Эпоха»: «Начала нашей эпохи я не прочувствовал. Меня не взволновал ее пафос, и теперь я решаю этот вопрос одним лишь разумом... А это нужно пережить, прочувствовать, прочувствовать с самого же начала... Необходимость принять и признать революцию бесспорна. Однако существует и еще нечто. Может быть, это запоздалый романтизм или просто желание поэта присовокупить мифологию к математически выверенной идее, чтобы создать новую романтику».

В 1922 году в Стамбуле в монастыре грузинских католиков вышла вторая книга Николо Мицишвили — поэма «Черная звезда». Она представляет собой цикл стихотворений, которые объединяют глубокая тоска по родине, мысли об оставшихся на родной земле близких и друзьях, любви... Образ Черной звезды для поэта — символ скорби и печали. Во вступлении к поэме он писал: «Не поминайте мое имя недобрым словом, судьба обрушилась на меня звездой скорби».

Несмотря на то, что «Черная звезда» с точки зрения поэтического мастерства, тематического разнообразия и реалистической манеры письма стоит выше первой книги поэта, в ней по-прежнему сильны пессимистические настроения, которые, впрочем, в данном случае вполне объяснимы разлукой с родиной, тоской по ней. «По сравнению с первой книгой поэта вторая, «Черная звезда», отмечена большей чистотой, прозрачностью, мастерством... Книга эта — кусок сердца ее творца... Это стон человека, находящегося на чужбине, по родной земле, по ее небу, воздуху... В ней тоска по далеким друзьям, любовь к ним рождает тоску по родине, проблему Грузии, искреннее переживание которой дано в «Черной звезде», — писал Шалва Апахидзе.

И действительно, первые же строки поэмы звучат как горестный плач: «Имел ты родину любимую и покинул ее, так что же сожалеешь ты о выпланных глазах своих». Нет нигде прощения и приюта тому, «кто судьбу разгневал на родине». Стихотворение «Повеет ветер из Грузии», исполненное пронзительной тоски по Грузии, примечательно не только искренностью выражения чувств, но и, в первую очередь, высоким мастерством, поразительным владением стихом: «Повеет ветер из Грузии, и я сразу же следую за воспоминаниями — почему меня ждала такая судьба, почему я стал скитаться. Предо мной минувшие дни, поэзия и

холодные пальцы. Пронеслись надо мною, как амазонки, события, морями (расстоянием) увеличенные. Тогда потянусь к небу, встав на цыпочки, распрямлюсь, сердце мое окрылится, и на солнечные холмы Грузии взгляну полными слез глазами».

Эпитафией на могильном камне звучат исполненные обреченности строки Н. Мицишвили: «Боже, помоги рабу твоему Николозу не умереть, не пасть, не быть заброшенным камнями. Боже!».

Чья тень из прошлого может принести облегчение отчаявшемуся грузинскому поэту? Конечно же, Руставели! И Н. Мицишвили с благоговением и упованием обращается к нему: «В Грузии не было ни одного царя, а Грузия вымысел без Шота. До чьего слуха было Грузии донести плач, кому показать безбожное нашествие рока. Судьбою Грузии Шота — бог один правит, вечность (бессмертие) Грузии он оставил» («Черная звезда»).

Замечательное документальное прозаическое произведение Н. Мицишвили «Февраль» рисует Грузию в дни, предшествовавшие установлению Советской власти. Картины в ней похожи на эпизоды, выхваченные из жизни камерой умелого кинооператора: «Как растревоженный улей, гудит Батуми, по его улицам мечутся потерявшие голову люди...» Такая манера письма характеризует и поэзию Н. Мицишвили — в поэме «Черная звезда» тоже немало полных динамизма зарисовок. Композиция определила и форму поэмы — короткие энергичные строки, ускоренный ритм, фрагментарность, лаконизм: «Ветер. Холодно. Такая зима! Поэзии холодно. По улицам мечутся сгорбленные люди, вскрикивают трамваи. Поэты ходят угрюмые. Холод. Горе».

Как уже говорилось, Н. Мицишвили провел три года в Стамбуле и в Париже. Для поэта это была пора исканий, проб, размышлений. И вот в 1925 году он делает окончательный выбор, принимает бесповоротное решение — назад, на родину, в Советскую Грузию! Тяжелые дни на чужбине, крушение иллюзий, реалистический взгляд на исторические события убедили его в том, что иного пути для него нет. Будучи в Париже, Н. Мицишвили пишет стихотворение «Пролетариат». Оно, может быть, и не блещет поэтическими достоинствами, однако невозможно усомниться в искренности выраженных в нем чувств и мыслей. Автор всем своим существом уверовал в будущее и доверился ему.

Вернувшись в 1925 году в Грузию, Николо Мицишвили активно включается в общественно-литературную жизнь. По его инициативе и под его руководством были решены многие очень важные вопросы культуры. В 1926—28 годах он — редактор журнала «Картвели мцeralи» («Грузинский писатель»), в котором впервые

были опубликованы многие замечательные произведения нашей литературы. Н. Мицишвили был одним из основателей Литфонда Грузии, его первым директором, работал на руководящих постах в Союзе писателей, в последние годы своей жизни был главным редактором издательства «Заря Востока». Параллельно он много писал, переводил. Его перу принадлежат переводы произведений Маяковского, Шевченко, Максима Рыльского.

Н. Мицишвили искренне воспел новую Грузию в таких стихотворениях, как «Новая площадь», «Колхида», «Письмо Серго Орджоникидзе из Имерети», «От Тбилиси до Орджоникидзе», «Испанскому народу», «В Гурии» и других. Новая эпоха, ее приметы в жизни родного народа стали основной темой творчества поэта. Он был свидетелем достижений Советской Грузии, видел, какой заботой окружены простые люди, какие невиданные перспективы открылись перед грузинской культурой, литературой. Поэт сравнивал все это с увиденным и пережитым на чужбине, и торжественной клятвой Родине звучали его строки: «...чтобы стать достойным данной клятвы, чтобы быть здоровым, как сердце мужественное народа, и земле моей родины благоуханной незапятнанным показать свое лицо...»

И тем не менее часть грузинских критиков с недоверием отнеслась к Н. Мицишвили — и как к человеку, и как к художнику. В двадцатые годы враждебных нападок критики не избегали и такие писатели, как Галактион Табидзе, Михаил Джавахишвили, Константин Гамсахурдиа, Иосиф Гришашвили, Паоло Яшвили, Тициан Табидзе. Все это отнюдь не способствовало принятию новой жизни той частью интеллигенции, которая и без того не слишком разбиралась в сущности революции. С 30-х годов подобные «перегибы» были сурово осуждены, однако пресечь их сразу было не так-то просто. Не избежал жестокой критики и Н. Мицишвили. Нападки на него часто выходили за рамки литературной критики и были циничны, оскорбительны... Тогда же появилось и понятие «попутчик». Признание того или иного писателя «попутчиком революции» порождало на страницах журналов и газет того времени ожесточенные дискуссии, столкновение диаметрально противоположных взглядов. Разве не курьезен тот факт, что под сомнение ставился вопрос, относить или нет к «попутчикам» самого Галактиона Табидзе. Так что же говорить о других? С горьким юмором писал в ту пору Н. Мицишвили: «...Звания, чина попутчика я все равно не удостоился, не приобрел его. К убийственной уклончивости я усвоил страсть — оказывается, с уклоном я ем, пью, сплю... Боюсь, что и сейчас я чрезмерно уклонился, придите, помогите мне...»

Разумеется, все это не могло не отразиться на душевном сос-

тоянии поэта, однако он ни на минуту не усомнился в правильности сделанного им выбора. Он всегда оставался в гуще общественной и литературной жизни страны, внося свой вклад в развитие советской грузинской литературы.

В 1931 году Н. Мицишвили написал стихотворение, посвященное десятилетию Советской власти в Грузии. Он так и назвал его — «Десять лет». В нем поэт подводит итог пройденному пути, искренне, без утайки признается в противоречиях, преодолев которые он стал тем, чем является сегодня — советским гражданином и поэтом. «Я избрал единственный путь — к вам, путь труда...» — писал он. Н. Мицишвили чувствовал кровную связь со своим народом и хотел жить с ним, трудиться для него. Еще в 1928 году он писал с гордостью: «Петь для рабочих? Это великая честь для меня, так как я и сам — труженик. Когда говорят о трудовом народе, я высоко поднимаю голову, так как знаю, что именно он, трудовой народ, к которому я принадлежу, вышел на первое место...»

Искренние, полные любви стихи посвятил Н. Мицишвили расцветающей Гурии, обновленной Колхиде. Теперь у берегов Лазики не появляются корабли, увозящие на чужбину колхидских девушек, мирное, безоблачное утро занялось над этой прекрасной землей. Колхида приветствует своих новых героев, и поэт не может оставаться равнодушным к этим великим преобразованиям, не может не восхищаться тружениками, строящими светлое будущее. Он обращается к ним: «Новые герои, вы, в чьих жилах течет кровь, бурлящая, как реки нашей отчизны, вы — главное богатство Грузии, вы — колумбы грандиозного века, обретшие родину и поднявшие ее с мощью гранита ввысь... примите мое слово, произнесенное с высокой любовью!»

Особо следует отметить стихотворение Н. Мицишвили «Отрубленная голова Хаджи-Мурата». В нем поэт еще раз показал, что «раздвоенный человек» изначально обречен на осуждение.

Трагической была судьба наиба Шамиля Хаджи-Мурата, предавшего восстание дагестанцев. Через некоторое время он вернулся в родные горы, но, дважды предавший, он не нашел тут прощения.

Стихотворение начинается динамично, в ускоренном ритме. Одиноким «всадник в черной бурке» на черном коне скачет в Тбилиси. Он везет наместнику отрубленную голову Хаджи-Мурата. Аллитерация звука «ш» с первых же строк создает у читателя настроение тревожного ожидания.. Рисуя незначительные на первый взгляд детали, поэт делает его как бы непосредственным участником и свидетелем описываемых событий.

«На площади выставили голову Хаджи-Мурата», никто не пожалел о нем. И Шамиль, и Воронцов одинаково сочли его достойным этой участи. «...Борись, сгорай, пусть раздавит тебя кровавая борона, но, коли ты борешься, всегда помни: судьба раздвоенного человека кончается поражением», — таков вывод, к которому приходит Н. Мицишвили. И этот вывод был суровым приговором всей колеблющейся интеллигенции, долгое время занимавшей двойственную позицию.

Стихотворение «Отрубленная голова Хаджи-Мурата» было написано в 1935 году, за два года до смерти Н. Мицишвили. Поэту не суждено было дожить до полного расцвета таланта, он не сказал всего того, что мог и хотел сказать. А мог сказать, несомненно, многое. Об этом говорит его поэзия последних лет, а также проза и публицистика, представляющие собой предмет отдельного исследования.

«Домой! Домой! К земле! О, моя земля! О, мать моя! Колокола, оказывается, больше не звонят в нашей деревне, но быки по-прежнему режут у нас. Они целуют зеленую землю и ждут своего запропастившегося хозяина», — писал Николо Мицишвили в 1925 году в Париже, собираясь в путь на родину.

Сегодня его поэзия вновь вернулась к нам, вернулась, чтобы занять свое законное выстраданное место в сердцах грузинских читателей, в истории грузинской литературы.

В кратком предисловии к своей книге зарубежных очерков «Десять из тридцати», выпущенной в 1978 году издательством «Мерани», журналист - международник, писатель Мэлор Стураа сравнил задачи и сущность журналистики, публицистики с моментальной фотографией, ценность которой со временем не только не падает, но возрастает, приобретая значение документа.

Мэлор СТУРАА

В полной мере сказанное можно отнести и к его циклу очерков о звездах американского искусства под общим названием «Музы и маски», к публикации которых приступает «Литературная Грузия».

МУЗЫ И МАСКИ

Многое из того, о чем в них повествуется, продолжает сохранять свою актуальность и сегодня, делая запечатленные автором, казалось бы, «сиюминутные» зарисовки, словно укрупненные увеличительным стеклом временной дистанции, типическими чертами, исторической реальностью.

ПОГАСШИЕ ЛЮСТРЫ «МЕТРОПОЛИТЕН-ОПЕРА»

Билеты, лежавшие передо мной, взаимно исключали друг друга. Билет Аэрофлота на Москву был помечен 10 сентября, билет на открытие нового сезона в «Метрополитен-опера» — 15 сентября.

Когда я принес сдавать театральный билет в кассу, пожилой служитель изумленно уставился на меня:

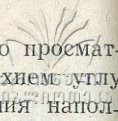
— Как, вы уже знаете?

— Что именно?

— Открытие сезона откладывается, и одному богу известно, когда состоится.

Так случилось, что мое пребывание в Москве затянулось на целых два месяца с небольшим. Вернулся я в Нью-Йорк уже в середине ноября.

На нью-йоркском аэродроме Кеннеди я в ожидании окончания всевозможных таможенных и прочих формальностей

купил первый выпуск вечерней «Пост» и стал бегло просматривать ее. На сорок второй странице в левом верхнем углу мое внимание привлек заголовок: «Музыка молчания наполняет «Метрополитен-опера». В заметке говорилось, что администрация оперы и профсоюзы, представляющие артистов, музыкантов и рабочих сцены, до сих пор не нашли «модуса вивенди», и открытие театрального сезона 1969—1970 года по-прежнему висит в воздухе. Оптимисты ориентируются на конец декабря, пессимисты вообще махнули рукой. Поскольку нынешний сезон планировался на 31 неделю, то даже по самым оптимистическим оценкам от него останется лишь половина, да и то не лучшая.

...В один из свободных вечеров я отправился в Линкольн-центр, средоточие музыкальных заведений Нью-Йорка, главную жемчужину которого составляет новое здание «Метрополитен-опера». Из его пяти гигантских ниш и впрямь струилась музыка молчания. Обычно сверкающее мириадами огней, стеклом и никелем, грандиозное и роскошное здание, строительство которого обошлось в пятьдесят миллионов долларов, высилось мрачным куском серого камня. Его вращающиеся двери были заперты. На них висели цепи, а на цепях — дощечка с надписью: «Закрыто».

Каждый новый сезон в «Метрополитен-опера» — выдающееся событие в музыкальной жизни Соединенных Штатов. Срыв сезона — непоправимая трагедия. Представьте себе, к примеру, Большой театр, закрытый на замок! Даже такая невообразимая ситуация не дает полного представления о том, что стряслось с оперной жизнью в США. Дело в том, что «Мет» не только ведущий театр в Америке, как Большой в Советском Союзе, но, говоря по существу, единственный. У нас есть немало других академических оперных театров, скажем, ленинградский, киевский, тбилисский, отвечающих общепринятым мировым стандартам без какой-либо скидки на провинциальность. В Соединенных Штатах только «Мет» удовлетворяет этим высоким требованиям. (В столице Америки — Вашингтоне вообще нет стационарной оперы). Только «Мет» достаточно богата для того, чтобы содержать одновременно постоянные труппы певцов, танцоров, музыкантов и приглашать всемирно известных вокалистов.

Сезон 1969—70 года в «Мет» обещал быть на редкость интересным. Помимо возобновления старого репертуара (включая «Евгения Онегина» Чайковского и «Макбета» Вер-

ди, в котором должна была дебютировать греческая примадонна Елена Сулпотис), театр анонсировал постановку шести опер: «Бориса Годунова» Мусоргского на русском языке (раньше его пели на итальянском), «Сельской чести» Масканьи, вагнеровского «Зигфрида» (дирижер и постановщик Герберт фон Караян), «Орфея и Евридики» Глюка, «Нормы» Беллини (с участием Джоан Сазерленд и Мэрилин Хорн) и «Вольного стрелка» Вебера.

От этого восхитительного анонса остались лишь запленные и пожелтевшие афиши. Их не снимают исключительно из суеверия, чтобы не сглазить окончательно сезон, 85-й по счету в истории «Метрополитен-опера», если, конечно, он состоится. (Остряки уже окрестили его 84-м сезоном с половиной).

— Любители оперы рыдают над разбитым сезоном громче, чем Биргинт Нильсон, берущая верхнее «си» в «Принцессе Турандот», — сказал мне с кривой усмешкой мастер, в обязанность которого входит отлаживать каждый раз в канун открытия нового сезона сложные комбинации струй фонтана перед зданием «Метрополитен-опера».

Его новое здание в Линкольн-центре открылось под несчастливой звездой. Это было в 1966 году. Новоселье ознаменовалось очередным острым конфликтом между администрацией и артистами, который был улажен лишь в антракте перед началом третьего акта оперы Сэмюэля Барбера «Антоний и Клеопатра», открывшей сезон.

С тех пор производственные конфликты в «Метрополитен-опера» приобрели перманентный характер. А в условиях усиливающейся инфляции и небывалого роста стоимости жизни они привели к кризису. К чести артистов и музыкантов надо сказать, что они предприняли все от них зависящее ради спасения сезона. Творческий коллектив «Мет» был согласен продолжать репетиции, сыграть премьеру «Аиды» и другие оперы даже при отсутствии договоренности по контрактам.

Администрация отменила репетиции и отложила открытие «Мет» до греческих календ. Это было сделано с умыслом, чтобы оказать грубый экономический нажим на артистов и музыкантов и принудить их к капитуляции. Как заявил адвокат Герман Грей, представлявший в конфликте интересы актеров, «то был хорошо скалькулированный и заранее спланированный маневр с целью поставить на колени

певцов и музыкантов». Актеры, добавил Грей, были готовы вести круглосуточные переговоры, чтобы предотвратить срыв сезона, и даже проголосовали выступить в «Аиде» 15 сентября без всякой компенсации.

У администрации были иные заботы и цели. Она руководствовалась иным тоном, делающим иную, чем у Верди, музыку. Как заметил участник переговоров певец-баритон Карнелл Макнейл, «администрация утратила всякий контакт с актерами «Метрополитен-опера», подобно тому, как администрация Колумбийского университета утратила контакт со студентами».

Даже вмешательство городских властей и лично мэра Нью-Йорка Линдсея не спасло сезон от консервации. Тщетно напоминал он: «Метрополитен-опера» играет «знаменательную роль в нашей культурной жизни, и влияние кризиса нового сезона может иметь далеко идущие последствия». Линдсей выражал надежду, что стороны в диспуте придут к скорому согласию и «занавес поднимется для постановок и исполнителей, приносящих «Метрополитен-опера» мировую славу». Но занавес так и не был поднят. А посредник от нью-йоркской мэрии Дэвид Коул заявил, что «добился от спорящих сторон лишь одного — согласия «поостыть» в преддверии нового тура переговоров».

Однако и это «достижение» посредника оказалось весьма относительным. Очередной тур переговоров, состоявшийся в отеле «Дрейк», прошел в необычайно бурной обстановке, напоминавшей батальные сцены из злосчастной «Аиды». Президент совета директоров «Метрополитен-опера» Джордж Мур заявил, что администрация отказывается идти дальше навстречу требованиям актеров и уж, конечно, не выплатит им неустойки по заработной плате, образовавшейся за прошлые месяцы. «В таком случае соглашение будет достигнуто лишь ко времени снегопада», — возразил представитель профсоюза.

Выше я приводил слова адвоката актеров Грея о хорошо скалькулированном и заранее согласованном плане администрации с целью поставить на колени певцов и музыкантов. Что это за план? Во-первых, администрация применила против актеров фактический локаут. Тем самым она предупредила возможность забастовки и лишила актеров права на получение соответствующего пособия от профсою-

зов. С другой стороны, актеры были поставлены в такие условия, которые исключали применение к ним статуса безработных. Это означало, что они отрезаны и от государственных пособий по безработице. (Некоторые пытались добиться их, но безрезультатно). Отсрочив открытие сезона, администрация приостановила и репетиционную рутину, чтобы перекрыть даже этот побочный канал актерского заработка. Наконец, сам план «удушения» артистов был приведен в действие в такой момент, когда им было невероятно трудно «сменить лошадей».

За исключением ведущих солистов, имеющих с «Мет» кратковременные контракты на разовые выступления, остальные актеры «запродают» опере почти на целый сезон, не говоря уже о музыкантах, хористах и кордебалете. Готовясь к открытию нового сезона, они, естественно, отклонили все иные предложения, полученные со стороны, и целиком сосредоточились на «Мет». Когда же ее двери встретили их цепями и табличкой «Закрито» и они попытались обратиться на сторону, но там все вакансии оказались уже занятыми. Менеджеры других опер вообще неохотно берут солистов «Мет», находящихся в простое. По словам тенора Андреа Велиса, «они не желают рисковать. А что, если Бинг договорится с вами, — говорят они нам. — Где искать нам тогда замену?» Контральто Дили Гукасян рассказывает: «В этом году я согласилась петь в «Мет» с 25 августа по 25 февраля и соответственно сократила свою концертную программу. Отмена контракта образовала существенную брешь в моем бюджете. Впрочем, я еще перебуюсь. А каково низкооплачиваемым хористам и кордебалету?»

Итак, администрация обложила актеров со всех сторон: ни забастовочных пособий от профсоюзов, ни государственных пособий по безработице, ни платы за репетиции, ни перспективы заключения контрактов на стороне. (Несколько легче музыкантам. Они устраиваются в ресторанные оркестры, выступают по разовым ангажемам в клубах, на свадьбах, вечеринках и так далее).

Труппа «Метрополитен-опера» — 250 певцов и танцоров, 100 музыкантов и 125 рабочих сцены — требовала увеличения заработной платы и оплаты расходов по перездам во время гастролей, установления пенсионной системы и улучшения условий творческого труда. Администрация

соглашалась лишь на некоторые заплаты на тришкином кафтане, не более. «Они скорее пожертвуют всем сезоном, чем пойдут навстречу нашим требованиям», — говорит адвокат актеров Грей. События подтверждали его слова.

Однако и сама администрация находилась далеко не в мажорном настроении. Прошлый сезон «Мет» дал дефицит в три с половиной миллиона долларов. Долг актерам, образовавшийся с прошлого июня, который администрация отказывается платить, составил два миллиона. Убытки оперы в связи с отсрочкой начала нового сезона уже достигли 3,25 миллиона. (Сюда не входят убытки от простоя оперного кафе, «Гранд-ресторана» и ресторана «Крыша», которые подкармливали не столько клиентов, сколько саму «Мет»). В случае удовлетворения требований актеров дефицит «Метрополитен-опера» к сезону 1972—73 года составит семь миллионов долларов. По словам певца Макнейла, «если администрация согласится на наши вполне разумные с человеческой точки зрения требования, то перережет сама себе горло»: Где же выход из этого заколдованного круга? Как найти решение, которое удовлетворяло бы одновременно и театральную общественность, то есть публику, и актеров, и администрацию? О поднятии цен на билеты никто и заикаться не смеет. Они и без того выросли до критических размеров. Посещение «Мет» все больше превращается из эстетической необходимости в непопозволимую роскошь. Соответственно сужается и оперная аудитория. Прогуливаясь в антрактах по коридорам «Мет», натыкаешься, как правило, на одни и те же лица. Даже галерка начинает терять свой традиционно демократический характер.

Остается два выхода: бить челом перед меценатами или требовать увеличения государственных субсидий.

«Мы с грустью вспоминаем о том времени, когда здесь господствовал снобизм, когда какой-нибудь богатей садился и выписывал чек, покрывающий все наши расходы», — вспоминает с ностальгическими нотками в голос певец Макнейл. Неужели с тех пор богатей вывелись в Соединенных Штатах? Если обратиться к статистике журнала «Форчун», любящего считать чужие деньги, то количество миллиардеров и миллионеров в Америке значительно возросло за 85 сезонов существования «Метрополитен-опера». И снобизма у них ничуть не поубавилось. Так в чем же дело?

В центральном холле «Мет» сразу при входе висится

массивная стена из белого мрамора. На ней золотыми буквами выбито: «Покровители Линкольн-центра». Далее же в золоте следует длиннейший список этих самых покровителей. Читается он словно биржевой бюллетень, регулярно публикуемый в «Уолл-стрит джорнал» или «Нью-Йорк таймс». Во главе его имена Рокфеллера, Форда и Моргана. Далее следуют «Юнайтед Стейтс стил корпорейшн», «Бетлихем стил корпорейшн», «Стандарт ойл оф Калифорния», «Карнеги корпорейшн», банк Лазара, «Интернейшнл бизнес мэшинз», «Рэдио корпорейшн оф Америка», «Юнайтед карбайд» и так далее. Короче, речь идет не столько о «покровителях Линкольн-центра», сколько о хозяевах всей Америки; не о бутафорских королях, вроде тех, что из «Аиды», а о реальных королях угля и стали, нефти и банковского дела.

Будучи профаном в математике и ничего не смысля в бесконечно малых величинах, я, тем не менее, берусь утверждать, что даже бесконечно малая толика доходов господ и корпораций, имена которых выбиты золотом на мраморе в центральном холле «Мет», депонированная в кассу оперы, играючи разрешила бы ее финансовые затруднения. Да что там малая толика доходов! Даже малой толики утаенных от государства налогов вполне хватило бы для поддержания музыкальной жизни в стенах «Метрополитен-опера». Но факт остается фактом — никто из «покровителей Линкольн-центра» и не подумал раскрыть кошелек, чтобы помочь «Мет» открыть сезон. По иронии судьбы, именно эти «покровители» и составляли подавляющее большинство счастливых обладателей билетов на премьеру-гала 15 сентября. Если бы некоторые из них отослали в кассу «Мет» вместо неиспользованных билетов на «Аиду» свои банковские чеки, то тяжелый из красного бархата занавес оперы поднялся бы без всякого затруднения.

— В старое доброе время госпожа Вандерлип или госпожа Меллон заставили бы зажечь хрустальные люстры «Метрополитен-опера» хотя бы для того, чтобы показать светскому обществу свои новые туалеты и бриллианты. Сейчас не то... — саркастически заметил по этому поводу один нью-йоркский театральный критик.

Конечно, эти светские катаклизмы имеют весьма относительное касательство к злоключениям «Мет». Дело в

другом. «Покровители Линкольн-центра», скинувшись, помогли Нью-Йорку построить замечательный культурный комплекс. Это им ровно ничего не стоило. Деньги шли через благотворительные фонды, то есть по существу они принадлежали государству, а не корпорациям. Вместо того, чтобы заплатить казне налоги, «покровители» перевели их через каналы своих филантропических фондов на создание Линкольн-центра, включая новое здание «Метрополитен-опера». То было недурное помещение капитала в рекламу. Мраморная стена и золотые буквы служат первоклассным паблисити.

Мраморная стена и золотые буквы, услаждая взор «покровителей», ничего не дают «покровительствуемым». Филантроп сделал свое дело, филантроп может уйти. А кто же будет тянуть рутину «Мет» с ежегодным бюджетом в двадцать миллионов долларов? «Метрополитен-опера» — не исключение. Нью-Йорк буквально стонет от «щедрых» даров меценатов. Один из них, чтобы увековечить свое имя, дарит городу целую систему фонтанов. А затем городские власти начинают ломать голову, где найти средства для их поддержания. Ведь фонтаны должны бить, не так ли? Другой меценат преподносит ничего не подозревающим согражданам бессмысленный архитектурно-скульптурный ансамбль, или картинную галерею, или музей. И опять городским властям приходится колдовать над бюджетом. А колдовство это оканчивается, как правило, очередным повышением налогов. Между прочим, Нью-Йорк стал «самым дорогим» городом Америки не в последнюю очередь из-за рвения тщеславных меценатов.

В случае с «Мет» дело осложнялось еще и тем, что имелось сильное подозрение в «нерадивом» распоряжении фондами, получаемыми от попечителей. Группа видных музыкальных деятелей во главе с дирижером Леопольдом Стоковским обратилась со специальным посланием к государственному прокурору Лефковицу с просьбой «расследовать и раскрыть все детали дела, относящегося к экономической структуре и политике расходов оперы». Показательно, что речь идет именно о той группе музыкальных деятелей, которые в 1967 году пытались спасти старую «Метрополитен-опера». Их попытки оказались тщетными. По-видимому, столь

91155940
81200110000

же тщетными будут и их усилия разобраться в многослойной бухгалтерии благотворительных фондов, не облагаемых налогами. Фирма «Прайс Уотерхауз», ведущая денежные дела оперы, высокомерно заявила, что она, будучи одним из самых уважаемых аудиторов в Америке, «никогда не контрастирует своей подписью дела, которые не в порядке».

Так или иначе, но сути дела это нисколько не меняет. Главное в том, что старая система меценатского подхода к искусству пришла в противоречие с современностью. Во-первых, искусство стало массовым; во-вторых, оно превратилось в бизнес. Одно дело кинуть разовый куш из утаенных налогов на строительство Линкольн-центра, другое — регулярно финансировать его, тратя на это десятки миллионов долларов ежегодно. Опера — не кино. Она чаще дает дефицит, чем прибыль. Ее прибыль скорее эстетическая, чем денежная. А современных меценатов эстетика мало интересует.

Они отнесли к «Мет», как родители, давшие жизнь своему дитяте, а затем подбросившие его к порогу чужого дома.

«Чужой дом» — государство обращается с ведущей оперой Америки, как с нелюбимым и обременительным пасынком. Что же говорить о других операх страны, где жизнь музыкантов и артистов еще более тяжелая, по сравнению с которыми бунтующий коллектив «Мет» находится на привилегированном положении. В США нет ни так называемого министерства изящных искусств, ни даже Совета искусств, как в Англии. В недалеком прошлом нечто подобное существовало в Вашингтоне. Но его глава Роджер Стивенс подал в отставку вместе со всей джонсоновской администрацией во время смены караула в Белом доме. С тех пор — уже около года! — никто не удосужился найти ему замену. Впрочем, когда такового найдут, то он сам найдет в своей кассе лишь семь миллионов долларов. Это все, на что расщедрился конгресс по новому бюджету для попечителя прекрасных муз! (Для сравнения укажем, что Австрия с населением в семь с половиной миллионов человек, то есть меньше, чем население одного Нью-Йорка, отпускает по государственному бюджету только на содержание своих театров двадцать миллионов долларов).

В чем же дело? По свидетельству ведущего музыкаль-

ного критика страны Гарольда Шенберга, корни зловещих «следует искать во вьетнамской войне, которая породила инфляцию и повернула денежные ассигнования культурных антреприз на военные. Культурным организациям грозит мрачное будущее: рост стоимости жизни, падение доходов, растянутые до изнурения сезоны и в потенции — банкротство. Проблема эта выглядит неразрешимой». С анализом Шенберга можно согласиться, внося одно важное уточнение — война во Вьетнаме и инфляция не причина зловещих «культурных антреприз», а повод. Их изначальная причина — капиталистическая система, порождающая и агрессивные войны, и инфляцию, и упадок культуры.

Могут сказать, что оперное искусство никогда не было самой сильной стороной музыкальной жизни Америки, не имело глубоких традиций и широкой популярности. В определенной степени так оно и есть. Но давайте возьмем симфоническую музыку, популярность которой в Соединенных Штатах не подлежит сомнению. Что же происходит в этой области? По словам того же Шенберга, для симфонических оркестров в США «будущее настолько угрожающе, что маленькие коллективы оказались перед выбором — или самоликвидироваться или сплотиться с другими, подобными себе». Уже ведутся переговоры о возможном слиянии симфонических оркестров Буффало и Рочестера, Цинциннати и Индианаполиса и некоторых других. Эти шаги диктуются отнюдь не творческими соображениями. Их подоплека исключительно экономическая — надо выжить. Здесь я спешу оговориться. Речь как-никак идет об Америке, и было бы пошло и неверно полагать, что всем музыкантам и артистам грозит голодная смерть, перспектива пиликать на скрипках по подворотням и просить милостыню.

Холодное дыхание неуверенности обдает даже «Большую пятерку» — симфонические оркестры Бостона, Филадельфии, Нью-Йорка, Чикаго и Кливленда. Эти всемирно прославленные коллективы, конечно, не помышляют о слиянии. До такого дело не дошло. Но они уже поговаривают о «кооперации». Представители «Большой пятерки» начали проведение взаимных консультаций, чтобы выработать совместную линию поведения перед лицом надвигающейся угрозы. А она весьма существенна. Ежегодный дефицит колеблется от полумиллиона до полутора миллионов долларов. Ожидают, что он составит восемь миллионов долларов для всей «Большой пятерки».

Восемь миллионов долларов — цена трех военных вертолетов. Согласно элементарной арифметике, если бы конгресс США пожертвовал тремя вертолетами ради симфонической музыки и двумя вертолетами ради «Метрополитен-опера», то все было бы о'кэй. Но кроме элементарной арифметики, существует и политическая алгебра, а кроме обезглавленного Совета искусств в Вашингтоне — Пентагон.

* * *

Свет в зале исчезал мучительно долго. Так умирают выбросившиеся на берег киты. Но вот, наконец, все погрузилось во мрак, и маэстро Франческо Молилари-Праделли стал осторожно пробираться к дирижерскому пульту. Он церемонно раскланялся с публикой, обвел строгим взглядом оркестр, выждал, пока в зале воцарится абсолютная тишина, и лишь затем взмахнул палочкой.

Неожиданно гримаса боли исказила лицо маэстро. Ему не повезло. Два дня назад, выходя из церкви, маэстро поскользнулся на льду и сломал руку. Как назло правую. Пришлось накладывать гипсовую повязку. С ней-то он и взошел на дирижерский пульт. Каждый взмах палочкой доставлял маэстро невыносимые страдания.

Пожалуй, трудно было бы придумать более символическую заставку для запоздавшего на сто пять дней нового сезона в «Метрополитен-опера», чем силуэт Молилари-Праделли в черном фраке за дирижерским пультом, напоминающий гигантскую птицу с подбитым крылом.

Оркестр звучал не лучшим образом. Не было стройности в хоровых номерах. Танцоры еле держались на ногах. Отсутствие необходимых репетиций наложило свою печать на исполнение. И тем не менее происходившее на сцене воспринималось как чудо. Ведь многие потеряли надежду на то, что 85-й сезон в «Метрополитен-опера» будет открыт. Вот почему, когда убрали занавес и в глубине сцены возникли мрачные контуры декоративного Мемфиса, созданного необузданной фантазией Роберта О'Хирна, сердца любителей оперы учащенно забились. А когда Ричард Такер, исполнявший роль Радамеса, начал «Celeste Aida», по залу пронесся вздох облегчения: наконец-то «Мет» ожила и задышала!

Дыхание ее было во многом искусственным. Но как-то не хотелось думать об этом. Тем более, что внешне все было как прежде. Зеваки топтались у парадного подъезда.

Люди узнавали знаменитостей, величаво проплывавших залитое светом фойе, и громко выкрикивали их имена. Одних приветствовали дружелюбно, как, например, композитора и дирижера Леонарда Бернштейна. Других встречали насмешливыми репликами и улюлюканием. Особенно досталось мэру Нью-Йорка Линдсею, который опять не подготовил город к суровой зиме. Седовласые джентльмены в безукоризненных фраках с готовностью подставляли свои белоснежные манишки под перекрестный огонь телевизионных камер.

Внешне все выглядело, как прежде. Как прежде, да не совсем. «Мет» была основана восемьдесят семь лет назад скорее не как опера, а как частный замкнутый клуб богатых, узурпировавших право именоваться «нью-йоркским обществом». Поэтому главное действие разворачивалось не на сцене, а в ложах, где леди и джентльмены демонстрировали свои туалеты и драгоценности, лорнировали друг друга и обменивались светскими сплетнями. Что касается «обычной публики», то ей, естественно, разрешалось покупать определенное количество билетов и присутствовать при сем. Однако считалось само собой разумеющимся, что подлинные ценители и любители оперы располагались в ложах.

Блажен, кто верует. Драматические события, предшествовавшие запоздалому открытию 85-го сезона в «Мет», да и сама ночь-гала свидетельствовали об обратном. Блеск «нью-йоркского общества» был на этот раз призрачным и мишурным. Отсутствовали главные представители так называемой «бригады». Не было даже господ Уитни и Вандербильт, потомков известных мультимиллионеров, на деньги которых, начиная со дня основания, существовала «Метрополитен-опера»!

— Понимаете, присутствие на открытии оперного сезона перестает быть модным. Не то время, не тот шик, — объяснял репортерам мистер Уайт Е. Купер, главный редактор журнала «Статус» и очередной супруг неувядающей Глории Вандербильт. — Поэтому сегодня здесь нет моей супруги, нет мистера и миссис Корнелиус Вандербильт, нет мистера и миссис Джон Хэй Уитни.

Репортеры прилежно записывали изречения человека, имеющего весомый статус, спутника жизни госпожи Глории Вандербильт.

Но обладатель завидного статуса мистер Уайт Е. Купер явно кривил душой, объясняя отсутствие «роскошной

«бригады» прихотями и непостоянством моды. Подлинная причина носила иной характер. Люди, бросившие «Мет» на произвол судьбы, даже не удосужились скрыть свое восторженное отношение к опере, которая для них не храм музыки, а лишь галочка в светском календаре.

Господин Чарльз Энгельгард, урановый король Америки, в день открытия «Мет» находился в Бока-Гранде; господин Ричард Пистелл, мануфактурный король Америки — в Сент-Морице; господин Чарльз Райтсмен, нефтяной король Америки и господин Джозеф Лаудер, парфюмерный король Америки — в Палм-Бич, господин Натан Коммингс, глава «Консолидейтед фудс» — в Ницце. Их ложи в «Метрополитен-опера» пустовали. В общей сложности хроникеры не досчитались около двухсот светских львов и львиц, которые предпочли тепло флоридского или калифорнийского солнца блеску хрустальных люстр «Мет». В день открытия сезона их представляли лишь массивная стена из белого мрамора в центральном холле оперы, на которой золотыми буквами выбиты названия трестов и корпораций — «покровителей Линкольн-центра», да еще бедные родственники, воспользовавшиеся пустовавшими ложами и постоянными местами в партере.

Зато места для «стояков» в оркестре и за кулисами были распроданы до последнего квадратного сантиметра. Здесь не было львов и львиц, фраков и бриллиантов. Здесь царили любовь и преданность.

— Наконец-то, наконец-то! — возбужденно повторяла пожилая женщина. — Я просто была больна, пока «Мет» держали на запоре. Лежала в кровати и слушала записи Розы Панзелли. Опера — вся моя жизнь. Она поддерживает мое существование.

— Ну, вот вы и дождались ее открытия, милейшая госпожа Гудмэн, с чем вас и поздравляю, — откликнулся на ее монолог мужчина в очках и несколько старомодном сюртуке. — Будем надеяться, что в этом сезоне нам посчастливится услышать пение Биргит Нильсон.

— Вы что, шутите, мистер Дормэн? — резко прервал его стоявший впереди парень, студент Поль Брэйнан. (Почти все «стояки» знают друг друга по имени и фамилии). — Уж не думаете ли вы, что мисс Нильсон будет петь в «Аиде» или «Тоске»?

— Почему же в «Аиде» или «Тоске»? Я имел в виду вагнеровские оперы, — примирительно возразил мистер Дормэн.

— Вагнеровские — это другое дело, — смиловился студент.

— В прошлом году я простояла в «Мет» на девяносто четырех представлениях. Мы — «стояки» — тоже клуб, тоже критики. Вы бы только послушали, как мы здесь создаем артистические репутации, — говорит с иронической улыбкой Герда Крейзель, медицинская сестра из Бруклина.

— Девяносто четыре представления за год? Это совсем неплохо для начала, — покровительственно замечает госпожа Гудмэн. — Я вот хожу в оперу уже пятьдесят четыре года. Впервые я попала в «Мет», когда мне было лет восемь. Родители взяли меня на «Богему». Пел в ней сам Карузо, — госпожа Гудмэн на мгновение задумывается и продолжает: — Да, опера — вся моя жизнь. Чтобы приехать в Линкольн-центр, я делаю три автобусных пересадки. В мои годы это не так-то просто. Но я не ропщу...

— Карузо. Золотое время «Мет», — мечтательно повторяет за ней еще одна пожилая дама. — Тогда оперные сезоны открывались пунктуально.

— Нет худа без добра. Я все эти три месяца копила деньги. Ведь мне приходится приезжать сюда из Массачусетса, — замечает Ричард Бим, школьный учитель.

— Слава богу, что хоть цены на стоячие места пока еще держатся на прежнем уровне. Если их повысят, то мне придется распрощаться с оперой, — говорит мистер Хэллмэн, рабочий с Манхэттена. Он был первым в очереди за билетами и купил их сразу на две недели вперед...

Но, к сожалению, рычаги культурной жизни Америки находятся не в руках госпожи Гудмэн, делающей три автобусных пересадки для того, чтобы добраться до «Мет», не в руках Герды Крейзель, медицинской сестры из Бруклина, не в руках других обладателей стоячих мест в оперных и концертных залах, а в руках тех, кто постоянно прописан в ложах, этих золоченых капитанских мостиках, с которых они регулируют «свободу творчества», говоря одним — «Стоп!», а другим — «Полный вперед!».

Так почему же многих из них не было в ложах в день открытия нового сезона «Мет»? Потому, что искусство как таковое этих джентльменов не интересует. Они делают на

нем бизнес — финансовый и идеологический, оставляя на долю своих супругов утоление жажды светского блеска и благовонного зуда. Наконец, не следует забывать, что кроме лож есть и кулисы. Вспомним банки и корпорации, названия которых высечены золотом на белой мраморной глыбе в вестибюле «Мет». Журнал «Нью-Йоркер» пишет: «Совет директоров «Метрополитен-опера» состоит из богатых мужчин и женщин, большинство которых не заинтересовано жизненно в оперном искусстве... Они нанимают импрессарио, обладающего светским лоском, и поручают ему вести дела. И если предпочитают такой путь, то кто может оспаривать их право на это? Ведь в конце-то концов платят они... Когда наступает кризис вроде недавнего, то выясняется, что совет состоит в основном из банкиров и юристов, то есть из людей, которые меньше, чем кто-либо на земле, имеют представление о трудовой жизни».

Американцы, несмотря на свою инженерную жилку, хваленый техницизм и практицизм, слепую веру во всевозможные электронные вычислительные устройства, люди суеверные, «увешанные» предрассудками, как опереточные генералы орденами. Например, в здешних отелях нет тринадцатых этажей и комнат под этим «несчастливым» номером. А вот в «Метрополитен-опера» имеется ложа «№ 13», которую неизменно отказываются покупать. Посему генеральный менеджер «Мет» Рудольф Бинг переоборудовал ее в директорскую.

В день открытия нового оперного сезона мистер Бинг решил устроить своеобразную демонстрацию трогательного воссоединения враждующих сторон. Для этого он пригласил в свою ложу адвоката Фредерика Ливингстона, ведшего переговоры со стороны администрации; адвоката Германа Грея, представлявшего интересы певцов и музыкантов; мэра Нью-Йорка Джона Линдсея и его специального помощника Дэвида Коула, посредничавших в тяжбе, а также главного английского делегата в ООН лорда Карадона с супругой. Последний не имел ровно никакого отношения к конфликту в «Мет» и к его урегулированию. По-видимому, мистер Бинг, несмотря на свое импортное происхождение, подвержен суеверию в годлинно-американских масштабах. Он отвел лорду Карадону роль спасительного амулета: дипломат, да еще ооновский, и к тому же англичанин, всосавший с молоком матери склонность к компромиссам. Ничего не скажешь — идеальное сочетание символических качеств!

Однако спектакль, задуманный генеральным менеджером «Мет», не получился. Влияние злосчастного числа 13 оказалось сильнее флюидов умиротворения, которое исправно излучал английский лорд. Представители профсоюзов под разными предложениями отказались принять приглашение Бинга. Так, адвокат Грей сослался на своих внуков, воспылавших желанием провести зимние каникулы вместе с дедушкой за городом. Разумеется, внуки были ни при чем. Соглашение, достигнутое после ожесточенной схватки, рассматривалось певцами и музыкантами как неудовлетворительное. Они вынуждены были пойти на него, ибо бремя безжалостного и длительного локаута оказалось выше их сил.

— Победил здравый смысл, — торжественно заявил в заключение переговоров Рудольф Бинг. Он стоял на сцене «Мет», облокотившись на рояль.

— Победил пустой желудок, — мрачно возразил скрипач Гарольд Елитцек, председатель арбитражного комитета музыкантов. — Кризис миновал, но горечь осталась. Она прочно забила в прорехи нашего бюджета.

Генеральный менеджер обменялся церемонным рукопожатием со скрипачом и удалился.

— Этот жест еще ничего не означает, — сказал Елитцек. — Администрацию и артистов по-прежнему разделяет глубокая пропасть.

— Моральный дух в этом доме уже не тот, — поддержал его другой музыкант, Дик Горовиц. — Я двадцать три года играю в оркестре «Мет» на ударных инструментах и могу засвидетельствовать — дружественная атмосфера, царившая раньше в оперных стенах, испарилась. Виной тому иезуитское поведение администрации.

Когда простодушный Уинни Шорт, привратник у артистического входа, встречал музыкантов в день первой после диспута репетиции словами: «Добро пожаловать!» и пальцами, растопыренными гобедным знаком «V», те в ответ лишь мрачно чертыхались. Они явно не разделяли энтузиазма старины Уинни, которому наскучило торчать целых четыре месяца перед затянувшимся символической паутиной артистическим входом.

Не было особого веселья и среди хористов.

— Все это время я жил в каком-то паническом страхе, — рассказывал Чарльз Кэстнер, тенор с огненной шевелюрой. —

Я просто не знал, куда себя деть, чем заняться. Найти работу в период локаута оказалось невозможным. Многие из нас были поставлены перед выбором — или подписать пятилетний контракт на текущий сезон, или начать подыскивать себе новую профессию. В мои годы это не так-то просто. В молодости и я мечтал о карьере солиста. Но жизнь показала, что хорист в «Мет» зарабатывает больше, чем солист в какой-либо другой американской опере. С этим приходится считаться. А жаль. Ведь я знаю около пятидесяти сольных партий на нескольких языках...

Излияния хористов прервал их босс — массивный маэстро Курт Адлер.

— Необходимо соблюдать хладнокровие, — говорил суровый маэстро. — Волнение — профессиональное заболевание в нашем деле и может привести к смертельному исходу. В моей уборной стоит диван. Это для меня, а не для хористов. Хористам положено трудиться в поте лица своего, без передышки...

— *A casa, a casa, amici!*¹, — пели в поте лица своего хористы в «Сельской чести» Масканьи...

Несмотря на то, что администрация «Мет» лишь частично удовлетворила требования хора, оркестра и кордебалета, ей не удалось снять напряженность не только во взаимоотношениях Совета директоров с творческим коллективом, но и в финансовых делах оперы. Новый контракт, заключенный с профсоюзами после многомесячных баталий, обойдется «Мет» к концу сезона в семь миллионов долларов дефицита. «В финансовом отношении наше положение стало еще более критическим», — признается Рудольф Бинг.

Совет директоров обратился с отчаянным и беспрецедентным призывом к владельцам абонементов не требовать

¹ «Метрополитен-опера» — единственный театр, помимо лондонского «Ковент—Гардена», где сохраняется традиция исполнения опер на языке оригинала. Это имеет плюсы и минусы. Представьте себе «Кармен» на немецком или вагнеровское «*Götherdammtung*» на итальянском. С другой стороны, отсутствие, например, первоклассных французских певцов весьма отрицательно сказалось на исполнении соответствующего репертуара в «Мет». (Та же «Кармен» в постановке Жана Луи Барро). Французская дикция американских и итальянских солистов была просто варварской.

обратно денег за спектакли, постановка которых была отменена в результате конфликта, задержавшего открытие сезона на три с лишним месяца. «Мы молим вас о терпении и щедрости», — говорилось в письме Совета, разосланном держателям абонементов (их насчитывается двадцать две тысячи человек). Администрация надеется выиграть таким путем около миллиона долларов. Каков будет конечный итог операции, пока еще трудно сказать. Во всяком случае, ее абсолютного успеха ждать не следует. На сегодняшний день около четырех тысяч владельцев абонементов уже произнесли сакраментальное: «Деньги обратно!» Произнесли и получили.

Одновременно ведутся лихорадочные поиски иных источников финансирования «Мет». Президент ее Совета директоров Джордж Мур, который разбирается в музыке постольку, поскольку возглавляет всемогущий «Ферст нэшнл сити бэнк», заявил, что предполагается резко увеличить продажу пластинок с записями опер и количество концертов «на открытом воздухе». Но ни мистер Мур, ни мистер Бинг не делают секрета из того, что эти и им подобные меры не смогут спасти «Мет» от финансового удушья. И вот пускается в ход старое испытанное оружие — очередное взвинчивание цен на билеты. Пока еще никто не знает, каким оно будет. Тайна сия держится в таком же секрете, как когда-то партитуры наиболее популярных арий из опер Верди до их первого исполнения... А пока что оперно-банковские крохоборы подняли на 50 процентов цены на билеты в специальных маршрутных автобусах, обслуживающих посетителей «Мет». Проехавшись на одном из них в ночь после повышения цен по всему маршруту от подземного гаража «Мет» через 57-ю стрит и Мэдисон-авеню до 96-й стрит, я записал кучу цветастых комплиментов в адрес господ Мура и Бинга, воспроизвести которые здесь я не имею никакой возможности...

Однако и повышение цен на билеты, разумеется, не автобусные, а театральные, не в состоянии вывезти «Мет» из финансовой трясины. Тем более, что все имеет свой предел. Администрация «Мет» уже давно подошла к этому опасному пределу. Стоимость билетов на регулярные представления колеблется от трех с половиной долларов за стоячие места до двадцати пяти (на гала-представления цены удваиваются). Абонементные цены — от тридцати пяти до двух с половиной тысяч долларов за ложу! Как пишет «Нью-Йорк таймс» в специальной передовой, посвященной «Метрополитен-опера»,

«дальнейшее резкое повышение цен на билеты еще более су-
зит круг посетителей, ограничив его богатыми жителями
Нью-Йорка. «Мет» должна быть общественной институцией,
обогащающей культурные запросы всех граждан, а не оби-
телью элиты».

Процесс отлива уже начался. Даже в день открытия се-
зона не было аншлага! Факт, исключительный в истории
«Мет». Средняя посещаемость оперы упала на 15—20 про-
центов. В течение последних 32 спектаклей пустовало в об-
щей сложности около 12000 мест. «Мы впервые оказались в
подобном положении», — говорит с грустью в голосе Аль-
фред Хабэй, главный кассир «Мет».

Одиссея «Метрополитен-опера» — это будни культурной
жизни Америки. Получила она столь широкий резонанс лишь
благодаря исключительному положению самой «Мет» в сис-
теме культурных учреждений Соединенных Штатов. Передо-
мной лежит пухлое досье читательских писем, опубликован-
ных в различных американских газетах в связи с ее кризисом.
Это в высшей степени любопытные документы. С одной сто-
роны, они свидетельствуют о том, что именно народ являет-
ся подлинным любителем и ценителем искусства, что именно
у народа больше всего болит душа за него. С другой, они
отражают отчаяние, охватившее людей, для которых театр —
храм искусства, а не ателье мод.

Вот письмо читателя Уэйна Коннери из Балтимора:
«Здесь есть от чего прийти в беспокойство, более того, впасть
в отчаяние. Молодежь, которая любит оперное искусство,
рассматривает трагедию «Мет» как еще один пример непо-
рядков в мире, контролируемом недостижимыми людьми, го-
товыми разрушить то последнее, что еще связывает нас с
разумом и духом». Пишет читатель Стефан Банди из Прови-
денса: «Каждый любитель оперы, в особенности если он
студент, имеющий опыт борьбы за билеты в храмах Линкольн-
центра, сразу же убеждается в том, что «Мет» — замкнутая
корпорация, совершенно не заинтересованная служить кому-
либо кроме своих членов... Существующая система продажи
билетов эффективно отгораживает широкую публику от опе-
ры, если только вам не повезло и вы не получили в наслед-
ство от тетушки Клариссы театральный абонемент». «В самом
деле, — вторит ему читательница Бетти Зайдмэн из Скардс-
дейла, — единственная возможность пробиться в «Мет» —
это или унаследовать абонемент, или заложить и перезало;

жить свой дом». Читатель Дэвид Пирс из Атланты высказывает опасения, что двери «Мет» могут оказаться на вечном запоре, если только «федеральная бюрократия не распрощается с безумным курсом и не пойдет по пути вменяемости — по пути предоставления государственных субсидий». Об этом же говорится и в письме читательницы Гедвиг Орлик из Нью-Йорка: «Среди всех опер мира американские, пожалуй, единственные, которые не получают государственных субсидий... Закат «Мет» был бы позором для нашей культуры». Жительница Нью-Йорка Джесси Ворст возмущается тем обстоятельством, что правительство швыряет миллиарды на военные цели, но одновременно не считает возможным «поддерживать жизнь самой большой оперы в мире... В Европе все культурные учреждения, вроде опер и симфонических оркестров, субсидируются государством. У нас в Вашингтоне тоже имеется департамент искусств. Так почему же эти проблемы не стали вопросом номер один в его повестке дня уже сейчас?»

Заслуживает интереса письмо читателя Арнольда Зильберштейна, в котором рассказывается о попытках любителей оперы оказать помощь «Мет». Сразу же после того, как открытие сезона, назначенное на 15 сентября, было сорвано, группа энтузиастов сформировала «Комитет по спасению «Мет». Соответствующее объявление было напечатано в «Нью-Йорк таймс». Немедленно последовали телефонные звонки. Комитет развил бурную деятельность. Рассылались сотни писем. Распространялись тысячи листовок. По словам Зильберштейна, выяснилось, что имеются «тысячи любителей оперы, для которых ее гибель означает утрату какой-то частички жизни». Комитет обратился с посланиями к мэру Нью-Йорка Линдсею и губернатору штата Нью-Йорк Нельсону Рокфеллеру. Ни тот, ни другой не удосужились ответить ему.

Злоключения «Комитета по спасению «Мет» проливают свет на пессимизм и разочарование, которыми пронизаны многие письма. Их авторы парализованы чувством собственного бессилия, невозможностью изменить заведенный порядок вещей. «Хотя мы и глубоко опечалены положением «Мет», но наиболее утрашающей является мысль о том, что это заболевание вскоре захватит все оперные кампании и оркестры в нашей стране. Неужели они должны исчезнуть из-за нехватки денег в государстве, которое считает себя настолько

1
Буд-5940
812-010933

великим, что забывает о существовании всех других вещей, кроме войны?» — спрашивает читатель Джеймс Вуд из Будапешта и с горькой иронией добавляет: «Кто сказал, что мы, поклонники искусства, и в особенности поклонники «Мет», сидим, сложа руки, и ничего не предпринимаем? Мы льем слезы при виде этого прекрасного строения стоимостью в пятьдесят миллионов долларов, опустевшего и погруженного во мрак, этого храма искусств, превратившегося в замок с привидениями. Чем мы, маленькие люди, можем помочь ему?»

Существенная группа читателей видит одну из причин злоключений «Мет» и в чисто профессионально-репертуарном курсе оперной администрации, не желающей считаться с веяниями времени, с эстетическими запросами нового поколения. В этом смысле показательно письмо Джозефа Риго из Нью-Йорка. Он протестует против того, что репертуар «Мет» в угоду «ложам» замкнут исключительно в рамках оперной музыки только девятнадцатого века. «Эти господа буквально добились оперное искусство в нашей стране, холя и лелея толстых, пустоголовых и темпераментных сопрано, лопающихся от здоровья в жизни и умирающих от чахотки на сцене... Но еще хуже то, что они и пальцем не пошевелили для возрождения оперного искусства — путем постановок произведений современных композиторов».

Репертуарная политика «Мет» — это особая тема. Но в претензиях Риго и некоторых других, критикующих ее ориентацию на вкусы «лож», много справедливого. Замечу кстати, что две последние по времени попытки поставить здесь современную американскую оперу («Ванесса» и «Последний ди-кар») потерпели полное и немедленное фиаско. Находясь в долгу, как в шелку, «Мет» и не помышляет об экспериментах. «Дай бог, чтобы нас вывезли такие старые испытанные боевые кобылы, как «Аида» и «Травиата», говорят с наигранным цинизмом ее директора.

Да, одиссея «Метрополитен-опера» — это будни культурной жизни Америки, причем далеко еще не самые мрачные. «Мет» как-никак привилегированный нищий или, вернее, разорившийся принц. А каково положение других культурных учреждений? Мы уже писали, что, согласно новому бюджету США, на культурные цели будет отпущено сорок миллионов долларов. А дефицит симфонических оркестров, музеев, оперных и балетных компаний одного лишь штата Нью-Йорк составляет семьдесят миллионов долларов! И это в самом богатом штате Америки, где сосредоточены самые по-

пулярные культурные институции, где самый высокий эстетический уровень населения. Что же тогда говорить об остальных сорока девяти штатах страны Джефферсона, занятой «поисками счастья»?

В своем предисловии к ежегодному отчету нью-йоркского Совета искусств за 1969—70 год, опубликованному 15 февраля, губернатор Рокфеллер, тот самый, который не откликнулся на «SOS» «Комитета по спасению «Мет», пишет: «Перед нашими законодательными органами... встает вопрос, а способны ли вообще выжить культурные учреждения в этом штате? Общество без искусств — пустое место, лишенное смысла жизни. Более конкретно, Нью-Йорк, который мы привыкли считать «священным штатом». Сам отчет — скучный и грустный перечень того, кто кому сколько задолжал. Об итоге я уже упоминал — семьдесят миллионов долларов. Тем не менее власти штата отпустили на нужды Совета всего лишь два с небольшим миллиона долларов. Не лишне заметить, что мистер Рокфеллер большой специалист не только в области политики, нефти и финансов. Он один из крупнейших в мире владельцев частных собраний живописи, скульптуры, предметов этнографии. Никто толком не знает точной цены этих сокровищ. Называются различные цифры — от ста миллионов до пятисот миллионов долларов. Во всяком случае мистера Рокфеллера проблема культурного выживания в личном плане не тревожит...

...За кулисами шли последние приготовления. Неожиданно обнаружилось, что свет за сценой слишком силен и зрители смогут наблюдать смену декораций. Вызвали маляров, которые срочно стали накладывать на задний занавес дополнительный слой светонепроницаемой краски. Закончив работу, один из них размашисто написал на девственной фанере: «Итак, вперед, Аида».

Сама Аида, замечательная певица Леонтин Прайс, волновалась, как дебютантка.

— Будет тебе, ведь армия, которой поручено взять вас в плен, состоит из нескольких статистов. Разве это армия? — пытался отвлечь ее шуткой Ричард Такер, выступавший в тот вечер в роли Радамеса.

Сам Ричард волновался не меньше Леонтин. Это выступление «американского Карузо» было юбилейным. Исполнялось 25-летие его артистической деятельности на сцене «Мет». Такер, расхаживая, пробовал голос, а в паузах предавался воспоминаниям. Вспоминал, как работал посыльным

16085040
2008-11-03

на Уолл-стрите, как подвизался в подмастерьях у меховщиков с Седьмой авеню, вспоминал о недавнем банкете в «Уоллдорф-Астории», данном в его честь. Рудольф Бинг, который и так натерпелся с запозданием сезона, не хотел пускать его. «Запиши благодарственное слово на пленку и пошли ее участникам банкета», говорил он тенору. Такер отказался. Тогда Бинг снарядил ему вдогонку телохранителей, которые ни на шаг не отходили от Такера и пунктуально «отбуксировали» его на генеральную репетицию.

— Когда же будут начинать увертюру? — спрашивала в который уже раз Леонтина Прайс, с опаской поправляя замысловатую прическу. — Пока я не услышу ее, я не поверю, что «Мет» вновь ожила.

А Такер тем временем добрался до своего коронного номера — истории с том, как однажды в целях паблисити он нарядился в костюм паяца, в котором выступал сам божественный Карузо.

— Меня попросили спеть что-нибудь, но я наотрез отказался. Ведь это было бы святотатством. Между прочим, костюм оказался мне в самый раз. Вот только башмаки несколько жали.

— Можно еще унаследовать мантию Карузо, но башмаки его — никак, — пошутил кто-то.

— Тише, тише, начинаем, — раздался громкий шепот режиссера сцены.

...Свет в зале исчезал мучительно долго. Но вот, наконец, все погрузилось во мрак и маэстро Франческо Молилари-Праделли стал осторожно пробираться к дирижерскому пультау.

Пройдут многие годы, но из моей памяти никогда не изгладится эта сцена — лицо маэстро, искаженное гримасой боли, и его рука в гипсе, зажавшая дирижерскую палочку. Маэстро в черном фраке напоминал гигантскую птицу с подбитым крылом, которая из последних сил, чтобы не разбиться, цеплялась за погасшие люстры «Метрополитен-опера».

Нью-Йорк. Декабрь 1969 — январь 1970 года.

Нодар ДУМБАДЗЕ

„Реальный герой 80-х? Приглядишься и увидишь!“

На вопрос — каким мне видится герой восьмидесятых годов — ответить трудно. Я не оракул. Герой будущего неотделим от будущего человечества, герой восьмидесятых — от наших дней, от нас с вами, он среди нас. Поэтому, если мы будем верно воспитывать своего читателя и зрителя, то есть человека, мы одновременно будем влиять не только на формирование взглядов и характеров доверившихся нам людей, но и обратной связью — параллельно на социальную и человеческую сущность будущего героя литературы, театра, кино.

Жить среди людей — это значит сегодня бороться за мир, за завоевания Октября и конкретного развитого социа-

ПРЕДЛАГАЕМОЕ читателю интервью родилось и создавалось летом и осенью 1980 года, окончательно сложилось зимой 1981-го. История его такова.

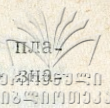
Мы часами сидели над магнитофоном, делали записи от руки. Уже вышел в свет на русском и иностранных языках «Закон вечности». Нодар Владимирович стал лауреатом Ленинской премии. Но ничего не изменилось в его отношении к работе, к делу. Дело, которое человек вершит на земле, было критерием отношения Думбадзе к личности.

Думбадзе — боец с открытым забралом.

Навязать ему какую бы то ни было позицию, не соответствующую его взглядам и убеждениям, было невозможно. Мысль, над которой ратбстала его душа, он мог повторять по нескольку раз, освещая ее самыми разными примерами, настаивая на ее фиксации в статье.

— Мы уже говорили об этом, — замечала я. Или: — Мы уже писали про это.

— Ну и что? — отвечал он. — Я не такой уж большой писатель, чтобы каждый раз придумывать что-то новое. А

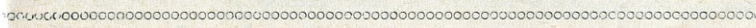

лизма, за охрану окружающей среды — мы в ответе за планету, на которой жить нашим внукам и правнукам! Это значит — быть честным перед народом, перед партией.

Только такая задача может стоять перед героем восьмидесятых, перед Человеком, который будет его прототипом. И пусть я в данный момент не могу назвать его фамилии, имени, профессии и возраста, но предвижу его черты, человеческие качества. Человек восьмидесятых многограннее, чем его предшественники. А герой литературы будет еще сложнее и интереснее. Наш читатель и зритель стал начитанным, образованным, его трудно удивить писательским интеллектуальным знанием необычного. Завоевать доверие читателя и зрителя можно только тогда, когда мы, наши герои станут говорить с ними искренне и чистосердечно о самом главном в нашей жизни.

В моем последнем романе «Закон вечности» есть эпизод, который полностью автобиографичен: на заседании бюро райкома моего героя Бачану спрашивают, почему он вступает в партию? Он ответил, что хочет, чтобы в нашей партии было как можно больше честных и порядочных людей. А я к тому же при голосовании сам за себя поднял руку, так волновался. Поэтому для меня положительный герой — с партбилетом или без — обязательно человек, преданный идеям и делу партии, активно дерущийся, борющийся за их претворение в жизнь.

Театр, его положительный герой — не прокурор, не милиционер, не дружинник, он не может физически вмеша-

главное, мое мнение не меняется от перемены места и времени.

Как бы вы ни готовились заранее к разговору с Нодаром Думбадзе, как бы тщательно ни составляли свой вопросник, он легко и просто уходит от неинтересующих его тем. И вы — вольно или невольно — идете туда, куда ведет он. И это чудесно. Его нельзя ни дописать, ни переиначить, ни перетолковать.

Работать с ним трудно, работать с ним прекрасно.

Счастье работы с Думба-

дзе, образно говоря языком шахтеров, заключается в том, что ни одно его слово, мысль, образ не бывает пустой породой. И даже то, что не вошло в это интервью, в другие статьи и материалы, — бесценно для меня и будущего читателя (я надеюсь, что успею записать все оставшееся!), в тяжелую минуту служит поддержкой и опорой, утешением в горе. А это и было задачей писателя на протяжении всей его творческой деятельности.

...Когда материал был утвержден и завизирован Но-

ваться в жизнь. Его главная роль в том, чтобы морально воздействовать на мир, социально активно влиять на современность.

После выхода в свет «Закона вечности» в многочисленных письмах, приходящих ко мне, просили рассказать подробнее, где я «подсмотрел» своего героя. Театральные режиссеры обращались с просьбой разрешить инсценирование, видя в Бачане положительного героя наших дней, достойного воплощения на сцене. Бачана — герой нашего времени, коммунист, идеолог нашего строя и образа жизни. Ему присущи глубочайшая порядочность, честность, смелость, сострадание чужой боли, беспристрастность в анализе собственных поступков, желание понять окружающих, быть им полезным и нужным.

Специально я не делал его ни преступником, ни кристально честным, хорошим человеком. Просто он все время ЖИВЕТ среди людей, постиг все заповеди человеческой жизни и морали, кто-то его поддерживает, а кто-то ненавидит. Битый и обиженный, прошедший через раннее сиротство, и радостный, и счастливый, и больной, и вылеченный, возвращенный к жизни людской добротой, и как солдат, став взрослым человеком, редактором, в мирные дни ранен в сердце — его нетерпимость ко всему антисоветскому, к тому, что чернит и уродует нашу жизнь, приводит его с инфарктом в сорок пять лет на больничную койку. И как солдат, он воскресает, чтобы продолжать бороться, что для него и значит жить.

Ничего нарочно я не придумывал для своего героя. Когда

даром Владимировичем, сда-
ла в редакцию.

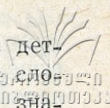
Но то ли внутренние противоречия и противоборства, раздиравшие коллектив, не дали редактору возможности пробить материал, им заказанный, то ли осторожность редакционной коллегии не позволила опубликовать смелый, острый, пронизанный болью за современника материал. Нодара Владимировича — не знаю...

И тогда я пришла к главному редактору и основателю журнала «Театральная жизнь» Юрию Александровичу Зубкову. Прочитав статью, он ска-

зал: «—Бери билет до Тбилиси, лети к Нодару. Привезешь — и быстро — интервью «Реальный герой восьмидесятых».

И я снова в Тбилиси, и снова на нас сердится Нанули, и снова Нодар с божественной щедростью и неоглядностью тратит на нас свое время.

Но, как часто это бывает в редакционной жизни, отложенное на «потом» слишком долго ждет своего часа выхода в свет. Приближался год XXVII съезда партии, журналу нужна была в этот пе-

да человек пишет о себе, он, волей-неволей, начинает с детства. Любой взрослый характер вытекает из детства. Так сложилась моя жизнь, что большая доля самых серьезных, значительных впечатлений, воспоминаний у меня связана с детством. Я рано осиротел, в девять лет переселился с родственниками в Сухуми, а позднее, во время войны, несколько лет жил в деревне. Люди, заменившие мне родителей, стали навек для меня родными в самом высоком смысле этого слова, и я всегда с нежной благодарностью вспоминаю их, люблю, пишу о них. Впечатления тех лет, той жизни оказались такими сильными, что вот мне уже пятьдесят два года, а все не могу расстаться с ними. Они во мне. В эти годы, наверное, и произошло становление моего характера.

И в русской литературе, и в мировой, и в грузинской уже немало написано о том, что мальчишки моего поколения рано и быстро выросли; нам рано приходилось становиться мужчинами — работали дома, в колхозе и учились. И все-таки детство было тоже, так как рядом находились мудрые взрослые люди, которые всячески пытались своей добротой возместить нам отнятое войной, как бы тяжело ни приходилось им самим. И воспитывали меня не дидактическим декларированием необходимых правил поведения, а личным примером — неутомимостью в труде, неиссякаемым жизнелюбием, верой в правду и непобедимость нашей Родины, добротой и сердечностью.

У моего поколения было трудное, зачастую трагичное детство, да и юность тоже. Некоторые писатели делают на

риод статья Нодара Владимировича.

Разные обстоятельства все перемешали, изменили жизненные планы. Казалось, что с этим интервью все успеется...

Так сложилась жизнь, что я не была на похоронах, даже не могу себе представить его мертвым. И перечитав сейчас написанное мною предисловие к интервью с ним, увидела, что почти везде пишу о нем в настоящем времени.

Мы почти не писали друг другу. Но из всех своих по-

ездок по стране, — будь то Хабаровск или Киев, север или юг, — я всегда старалась звонить в семью Думбадзе. Расстояние не служило препятствием дружбе и работе. Часто брала и беру в поездки голос друга. Вот и сейчас включаю магнитофон.

— Нодар, что такое — время?

— Время было всегда, а мы просто ошибаемся, когда говорим, что время течет. Это мы приходим и уходим. А время вечно..

Надежда МАРТЫНЮК.

этом особый акцент, я же выбрал для себя другой путь — ос-
вещения не только своей жизни, своей дороги, но и моего по-
коления. У меня юмор и боль, смешное и трагичное живут
рядом и не ссорятся. А доброе, настоящее, без больших фан-
тазий и придумок, приводит героев к победе — иногда нравст-
венной, порой к физической, но обязательно — к справедли-
вой. Почему я выбрал одним из главных средств показа своих
героев юмор? Пессимизм — это оковы, это рабство души. Я
по природе свободный человек и хотел быть свободным всег-
да. Свобода — мечта человечества испокон веков, со времен
создания всего сущего, разумного на земле. Быть свободным —
значит быть правдивым, честным и смелым. Когда человек мо-
жет быть свободным, он — смелый. Но смелость — тоже источ-
ник свободы. И отделять их друг от друга не так уж и нуж-
но, просто нельзя. Это одна кухня создания, воспитания души.

Наверное, во имя воспитания души мы и говорим се-
годня о тех качествах, что получаем в наследство от своих
свободолюбивых предков и хотим передать потомкам с по-
мощью литературного или сценического героя, олицетворяю-
щего собою связь времен и поколений, оптимистическое ви-
дение художником и наших дней, и грядущего.

Время зрелости... В наш век все становится относи-
тельным: и старость, и возраст. И герои наши не похожи на
чеховских. У Чехова можно встретить в ремарках: вошел ста-
рик сорока лет.

Сейчас в пятьдесят лет человек не только живой, но и
молодой! Не берусь судить, заслуга ли в этом медицины,
природы ли самого человека, спорта, умственного развития
человечества, но факт в том, что сегодняшнего шестидесяти-
летнего человека мы не можем назвать стариком. На мой
взгляд, молодость — это состояние души человека, его взаи-
моотношений с жизнью. В моей первой прозаической работе
«Я бабушка, Илико и Илларион» Илларион вполне серьезно
заявляет своему юному другу Зурико: когда-то же мне было
столько лет, сколько тебе, и когда-нибудь тебе будет столько
же, сколько мне. Какое имеет значение, у кого больше во-
лос на голове — у тебя или у меня? Мы — ровесники с
тобой. И они дружат на равных.

Во всех моих произведениях молодые общаются, рабо-
тают и дружат со стариками, а те исподволь влияют на фор-
мирование их личности.

Я пишу о молодежи, потому что ее будущее, жизнь
для меня, как для писателя, — главное. И пусть я повто-

уюсь, но — хотим мы того или нет — мы уходим, и новое поколение берет в свои руки и государство, и экономику, и культуру, и цивилизацию человечества, нашу любовь и нашу ненависть к противникам этой любви.

Вот и стараемся мы, чтобы накопления, завоевания нашей жизни попали в надежные руки. И мне радостно от сознания того, что весь наш строй направлен на то, чтобы наша смена была лучше, мудрее, сильнее нас, а оснований для беспокойства, что этого не произойдет, у меня, уже поседевшего человека, нет абсолютно никаких. Так оно и будет.

Меня, литератора, волнует процесс воспитания личности, героя, приход его к зрелости.

Этот процесс не кончается к сорока годам, как бы бурно они ни были прожиты. Просто в жизни так не бывает, чтобы человеку исполнилось сорок и он бы кончил волноваться, завершил свой круг поисков и стремлений. Конечно, в семьдесят лет человек совершает меньше ошибок, опыт его больше, поступки обдуманнее, цели конкретнее. Но поиск истины, жизненная борьба за свои идеалы у мыслящей личности — процесс, не прерываемый до конца, до смерти.

И в мировой классике, и в советской литературе, и в грузинской я с удовольствием читаю о стариках, люблю их, а вот в моей работе пока преобладает тема молодого человека. Это отнюдь не значит, что мне писать о старшем поколении неинтересно. Очень интересно. Но это делают другие писатели и пишут о нем гораздо лучше, чем я о молодежи.

Старики — вторая половина человечества, более мудрая, добрая, подарившая нам свет и радости сегодняшнего дня, и опыт, и завоевания своей жизни. Но очень трудно о них писать, и этим, наверное, объясняется нехватка драматургического материала для актеров старшего поколения.

А самое главное — чтобы о чем-то написать правдиво, это надо пережить. Мне сейчас пятьдесят два года. И как бы я ни фантазировал, верно я могу передать лишь то, что произошло со мной, моим поколением, моим государством, моим героем до пятидесяти двух. И смело могу писать об этом, опираясь на свой опыт жизни. А что дальше? Это я должен сначала пережить, так как я — реалист, а не фантаст. К ста годам с чистой совестью смогу написать хороший, интересный роман про человека и его друзей, которым пятьдесят два года, шестьдесят и более лет.

Но как и теперь, мой положительный герой в любом возрасте будет патриотом своей страны, ибо это чувство для ме-

ня самое святое. Но патриотизм можно и должно воспитывать в человеке, подарить ему осознанное счастье — причастность судьбе родины, волнение за ее судьбу.

Привязанность к отчей земле и ее людям, что становятся для тебя дороже собственной жизни, была побудительной причиной, чтобы рассказать о сегодняшнем дне границы, ее патриотах, несущих нелегкую, но праведную службу, в романе «Не бойся, мама!».

Но только побудительных причин для создания художественного произведения художнику мало. Опять же нужно глубокое знание жизни и проблем своих героев, а для этого надо быть одним из них, их другом, единомышленником, соратником, если хотите. И я отправился служить вместе со своими будущими героями, чтобы написать правду.

Воспитание чувства патриотизма на границе достигается не только экзотичностью мест службы, не только формой и винтовкой, доверенной тебе, не только сознанием — «здесь — мы, там — они», но значителен еще и тот фактор, который складывается из комплекса прошлого воспитания и нынешнего: культура твоего народа, организация знаний истории родной страны, соседней, мира, то есть школа, литература современности и классика, фольклор, народные обычаи и традиции, отношение к искусству, территория. Мы, предположим, любим свои редчайшие по красоте горы, а в пустыне тоже живут люди, и красоты, понятные им, родные просторы они будут защищать от пришельцев до последней капли крови. Вряд ли вы уговорите эскимоса переселиться в солнечную Грузию — он по моржам скучать будет, по ездовым собакам и белым медведям, которые ему дороже любых даров нашего края. Ибо от материнской ласки и колыбельной, от суровой или благодатной природы нам подарена трепетность отношения к отчей земле.

Подлинный патриотизм развивается еще и в борьбе с агрессорами. Мой многострадальный народ пролил море крови, чтобы сохранить свой национальный облик, язык, грузинскую лозу, грузинское гостеприимство, танцы, песни, древнейшую культуру. Он присоединился добровольно к России, братьям по вере, видя в ней союзника, верного друга в борьбе с агрессорами, но не склонил головы перед алчными завоевателями.

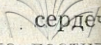
Любовь к родине — вечное чувство. Оно переходит по наследству от поколения к поколению, воспитывается в человеке со дня рождения, служит ему верной социальной

платформой в минуту суровых испытаний. История Великой Отечественной войны дает нам множество примеров интернационального братства всех народов СССР, глубочайшего советского патриотизма. Патриотизма, который не истощается.

Патриотизм... Когда мальчик Александр Матросов ложится на амбразуру дзота, сердцем своим заставив умолкнуть вражеский пулемет, дав товарищам несколько секунд, чтобы подняться в атаку, а Алеша Иванов, обвязавшись гранатами, раненый, бросается под танк, а такая светлая, очаровательная девочка, как Зоя Космодемьянская, поднимается на виселицу, уходит из жизни, то как искать слова, где брать их, чтобы выразить, что такое патриотизм?! Это очень высокое, святое чувство. Потому мы чтим родителей наших героев, в подвиге детей — заслуга матери и отца.

Если вы слышали показанные по Центральному телевидению беседы Константина Михайловича Симонова с ветеранами войны, то, наверное, помните, что на вопрос — что самым трудным было на войне? — все они отвечали по-разному: кому-то трудно было первым подняться в атаку, другому — коротать ночь в промерзлом окопе, и так далее. А один из них сказал, что самым трудным для него было прицелиться в живого человека и выстрелить, убить его. Его искренность сильно потрясла меня. Этот солдат прошел войну, награжден, но он — не убийца по духу своему и воспитанию. Его выстрелы — высшее проявление гуманизма положительного героя, продиктованное необходимостью защиты отечества.

Очень сложна человеческая жизнь, и бесполезны попытки ее упрощать — она будет все сложнее и сложнее, потому что человечество развивается по нарастающей, обостряется борьба социальных лагерей, острее ставятся проблемы века. А меня иногда упрекают в том, что мои герои всегда веселы, шутливы, добры. Но, во-первых, не всегда, хотя я не могу представить себе положительного современника недобрым. Самое хрупкое, что сотворено природой, — человек, его сердце. И как же нужно его понимать, любить, беречь, бороться за справедливость, чтобы раньше времени не угасла жизнь, не остановилось сердце. Я отнюдь не за всепрощение. И в моих произведениях есть и антигерой, которому ни я, ни мой герой никогда ничего не простим. И в этом — доброта гуманизма, стойкость наших убеждений. Но положительный герой, обладая всеми человеческими качествами в совокупности, вы-

свечивается, если так можно сказать, добротой, сердечностью. Порой мы стараемся себе простить какие-то поступки, находим для себя легкое им оправдание. Прощаем себе то, чего не прощаем другим. А истина жизни, по всей вероятности, состоит в том, чтобы, не прощая себе, мы умели прощать ближних, любимых, научились бы продлевать их жизнь, врачевать их горести и печали.

И вы, и я — мы, сограждане, живущие в страстное, горячее время, в период мощно развивающейся НТР. Как же нам отделить героя от жизни, возможно ли это? Бесполезно, как это было и до нас с вами. К примеру — можно ли представить себе НТР древности крупнее, чем та, когда человек научился добывать и беречь огонь? Но ведь разум этого крупнейшего изобретателя не мог себе даже представить, что его огонь послужит костром для Джордано Бруно, что в середине двадцатого века коричневорубашечники станут сжигать на нем книги! Так кто же победил? Он, подаривший своим соплеменникам свет и тепло, и они, в благодарность отразившие его подвиг в искусстве, в легенде о Прометее, дошедшей до наших дней.

Достижениям разума человеческого нужно, естественно, радоваться, способствовать их совершенствованию. Однако я думаю, что у НТР есть своя духовная сторона, которая более значительна и важна, нежели ее технические достижения: как бы ни были высоки достижения в технике сегодня, завтра они будут еще больше и лучше. Но есть у времени нечто непреходящее — стремление человека жить для лучшего, творить благо, а не зло.

Сейчас поэты говорят, что НТР отняла у них Луну: пришел в столь интимное место человек в сапогах на свинцовых подошвах и топчется там, какими-то аппаратами берет пробы из тела Луны. Но рано или поздно поэты поймут, что НТР подарила им глубокого, положительного, нового героя, чья духовная зрелость позволила ему оторваться от матери-Земли, что от Луны ближе к Солнцу, другим галактикам, к познанию новых миров, быть может, к братьям по разуму. А значит, обогащается образ героя наших дней, героя восьмидесятых, прочнее и надежнее становятся духовные связи людей, сильнее манит нас будущее. И я не сомневаюсь, что и через многие годы дойдут до потомков подвиги героев восьмидесятых, моих современников — космонавтов и учителей, ученых и рабочих, крестьянок и ткачих, врачей и артистов, неутомонных журналистов и комиссаров революции. Если, конечно, мы не про-

глядим, не пропустим в жизни встречи с этим герцем, и мы казим его облик.

Вот, наверное, вкратце то, что я «подсмотрел» в жизни, прежде чем начать работу над романом «Закон в тишине», прежде чем представить на суд читателя своего героя-современника.

ХРОНИКА

Илье Чавчавадзе — 150

Состоялось заседание республиканской юбилейной комиссии по празднованию 150-летия Ильи Чавчавадзе, которым руководил председатель юбилейной комиссии первый секретарь Центрального Комитета Компартии Грузии Д. Патиашвили.

К юбилею писателя будет издано много книг. Завершится издание пятитомника сочинений Ильи Чавчавадзе. Читатели получают отдельные произведения писателя, монографии, воспоминания, миниатюрные подарочные издания, фотоальбом. Выйдут в свет однотомник избранных сочинений на русском языке, произведения Ильи Чавчавадзе на абхазском и осетинском языках, уже подготовлены переводы на английском, французском и немецком языках.

Знаменательным явлением в культурной жизни грузинского народа станет издание полного академического 20-томного собрания сочинений писателя, первый том которого подписчики получают к юбилею.

Московское издательство «Художественная литература» предложит русским читателям сборник «Проза Ильи». В социалистических странах будут изданы произведения великого писателя.

Славному сыну грузинского народа будет посвящено вы-

ездное заседание секретариата Союза писателей СССР. Состоится объединенная научная сессия Академии наук Грузинской ССР, Тбилисского государственного университета, Музея дружбы народов и Института грузинской литературы имени Ш. Руставели. Тбилиси примет участников второй международной конференции писателей на тему: «Судьбы мировой цивилизации в социалистических литературах».

Все театры республики включают в свой репертуар произведения Ильи Чавчавадзе. Богатое творчество писателя будет широко представлено и в концертном исполнении. В Грузинской государственной картинной галерее откроется большая выставка, в Батуми будет установлен памятник Ильи Чавчавадзе.

Оперу, симфонию, хоровые произведения посвящают юбилею грузинские композиторы.

Новые экспозиции готовятся в музеях писателя в Кварели, Сагурамо и Тбилиси.

Комиссией было решено провести в Тбилиси 23 октября вечер в честь 150-летия Ильи Чавчавадзе. А 24 октября праздник переместится в Кварели и Сагурамо.

В работе заседания республиканской юбилейной комиссии приняли участие товарищи В. Алавидзе, П. Гиладзе, Г. Енукидзе, З. Чхеидзе, Д. Маргвелидзе.

Почитатель Льва Толстого

Уход Л. Н. Толстого 28 октября 1910 года потряс всех не равнодушных к судьбе великого современника¹.

В. И. Ленин, который в ноябре 1910 года посвятил ему три статьи, писал о том, как масса народа переживала смерть не только всемирно известного писателя, но и горячего протестанта, страстного обличителя, великого критика. Вместе с тем он отмечал, что в официальной прессе «лжут крокодиловые слезы, уверяя в своем уважении к «великому писателю» и в то же время защищая «святейший Синод»².

Больше того, по словам В. И. Ленина (16 ноября 1910 года), «святейшие отцы только что проделали особенно гнусную мерзость, подсылая попов к умирающему, чтобы надуть народ и сказать, что Толстой «раскаялся»³.

¹ Подробно об этом см.: «Литературное наследство», 1975 год. М., т. 75, кн. 1 — 2; Б. Мейлах «Уход и смерть Льва Толстого», 1979, 2-е изд., с. 22—55.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, с. 22.

³ Там же.

Своего они не добились. Парламенты разных стран мира выражали соболезнования России в связи с потерей гордости человечества. Все это отнюдь не трогало отечественных мракобесов — черносоптенцев, для которых это был повод не для сострадания и скорби, а для злорадства. Так, например, трое из них на специальном траурном заседании Государственной думы 8 ноября 1910 года с мест не вставали, чтобы не почтить со всеми депутатами память Льва Толстого⁴, а 10 ноября 1910 года на заседании Государственного совета два высочинных церковника, обураваемые инстинктом животной ярости, в знак протеста демонстративно продолжали сидеть⁵.

И в ходе похорон, и в последующие дни ярые и скрытые реакционеры без устали доказывали несостоятельность толстовского антихристового учения. Это им было нетрудно в период черной реакции, в условиях расцвета богоискательства. Их, конечно, больше всего возмущали еретические взгляды Льва Толстого.

Так, например, богоискатель С. Н. Булгаков, активный представитель нового религиозно-философского течения — неохристианства, зло и беспощадно выступил против религиозного учения Л. Н. Толстого.

⁴ См. сборник «Последние дни Льва Толстого», М., 1910, с. 93.

⁵ Там же. с. 94.

Доклад известного адвоката Л. Н. Андроникова, прочитанный в ноябре 1910 года⁶ на петербургском собрании присяжных поверенных, написан по горячим следам событий, когда еще не был похоронен Л. Н. Толстой.

Теперь, конечно, не во всем могут нас удовлетворить

⁶ См. фонд. проф. Л. Н. Андроникашвили. — Институт рукописей им. К. С. Кекелидзе АН ГССР. Д-47, № 252, с. 1—8.

взгляды Л. Н. Андроникова. И хотя тогдашнее понимание им мировоззрения Льва Толстого небесспорно, в каждой строке прочитанного им доклада перед нами предстает горячий почитатель и искренний ценитель его творческого гения.

Причем говорит он о великом современнике всегда с демократических позиций.

Поэтому представляется целесообразной публикация впервые предлагаемых вниманию читателей основных положений этого доклада.

Серго ДЖОРБЕНАДЗЕ

Почтить память Толстого — это значит вспомнить его дела и мысли, вспомнить ту связь, которая была между нами, вспомнить его заветы...

...Для того, чтобы понять слово и дело Толстого и затем его в целом, нужно исходить из того же самого, из чего произошла его мысль.

Вспомните площадь в Москве перед домом Растопчина, где многотысячная толпа, волнуясь и бурля, как неведомое море, подымлет, как волною, несчастную жертву, брошенную ей Растопчиным, и убивает ее. Это одна из самых потрясающих сцен из «Войны и мира».

Объективность, которая в «Войне и мире» достигает почти невероятной степени, могла быть обусловлена только тем, что человек занял такую неприступную по крепости позицию. Ведь что такое в сущности объективность? Это умение схватить предмет целиком. И где оценить существенное его значение, существенный его признак? Это возможно только при условии, если наблюдательный пункт в стороне, если наблюдательный пункт тверд, достаточно высок для обозрения предмета и по моральному значению ценнее, выше, чем самый объект наблюдения. Факты социальности, психология массы, все эти истории и провиденциальность были ему, Толстому, видны, как жителю гор — долина...

...В Толстом сидел человек огромной патетической силы. При ином отношении к тем же предметам мы слышали бы от него и другие слова, читали бы и другие описания, но были бы

ли они объективны?... Все трудно исчерпать. Сказано им так много, что повторить нет сил и возможности. Но важно не это. Важно то, что какой бы области он ни касался, он умел самый основной вопрос поставить ребром с потрясающей правдой и ясностью и сказать почти самое глубокое, что можно было сказать о предмете.

Критика по отношению к нему чрезвычайно поспешна. Не пройдет и несколько годов, и ему воздадут должное...

...Он первый рискнул признать, что не все в Евангелии имеет одинаковую ценность. Многие он отбрасывал из Евангелия как материал, могущий затемнить нравственное сознание. Эта простота и этот прямой подход к вопросу должны служить для каждого думающего об этих предметах и образцом, и методом отношения. Можно с ним не согласиться. Но дело не в том. Работа его необходима. Пусть вывод его необязателен.

Следующий вопрос — о церкви. Его «Критика догматического богословия» — еще не оцененный по достоинству труд⁷. Пусть что угодно говорит о нем Берлинская кафедра во главе с профессором Гарнак, но должно признать, что Толстой единственный чистый павлианец, который жил за последние 5 веков христианства, а религия его была религией безспекулятивного Бога, религия Бога Живого. Изумительна та простота, с которой подходит он к этому вопросу. В человеке живет вера, и как чувство — она факт.

Вера носит идею Бога, и сама вера есть воплощенная идея Бога. Но Бог сам не больше, чем идея, которая среди идей имеет единственную верность. Еще изумительнее в нем

⁷ И спустя больше полвека советский ученый В. Ф. Асмус напишет: «Критика догматического богословия» — одно из самых страстных произведений Л. Н. Толстого. Книга эта дышит гневом, негодованием, чувством оскорбленной и обманутой страдающей человечности.

Шаг за шагом, параграф за параграфом, Толстой излагает догматическое вероучение православной церкви. Одновременно он рассказывает о своих попытках понять это вероучение, найти в нем разумный смысл и обновление нравственного поведения. Но во множестве мест книги терпение автора иссякает, оскорбленное достоинство мыслителя и нравственного существа возвышает голос, и тогда из уст Толстого слетают исполненные страдания слова...» (В. Ф. Асмус. Избранные философские труды, М., Изд-во МГУ, с. 67).

были степень и форма веры. У него было убеждение в Боге, доходившее до радости, т. е. самая глубокая и самая искренняя вера в Бога. Лицо его мощное — верный символ того, что он не может отступить от того, во что верует... Лицо его было лицом апостола первого века. С верою он достиг и внутреннего, и внешнего величия. Он мог называть предметы их простыми именами и умел указывать простые причины самым сложным массовым явлениям. В «Войне и мире» он достигает почти ясновидения. Он формулирует то, что несколько лет спустя будет говорить историческая наука. События первостепенной исторической важности 1812 года он мог свести к простому факту переселения... Это был самый цельный человек, что, конечно, не обозначает того, что он легко дошел до того высшего духовного единства, которое зародилось в нем давно, но он достигал [его] в течение всей своей жизни и достиг к окончанию своего земного существования.

Толстой — это русское просвещение от дальнего севера до юга, от Варшавы до Владивостока. Не было семьи, смело говорю, интеллигентной, где бы не было споров из-за идей Толстого. Отцы ссорились с детьми, а молодое поколение свою честность определяло большей или меньшей близостью к нему. Это он бросил религиозную мысль в русское интеллигентное человечество. 80-е годы обосновывали «Вопросы философии и психологии»⁸. Журнал удовлетворил потребности читающей массы, конечно, не тем, что писал в нем Грот, что философия Западной Европы ослепла на один глаз, а тем, что среди сотрудников журнала был Толстой. Это была единственная живая личность в журнале.

⁸ Создатель журнала «Вопросы философии и психологии» (1889 год) профессор Московского университета Н. Я. Грот был другом Л. Н. Толстого. Л. Н. Толстой вспоминал: «С первой же встречи мы полюбили друг друга. Для меня, кроме его учености и, прямо скажу, несмотря на его ученость, Николай Яковлевич был дорог тем, что те же вопросы, которые занимали меня, занимали и его, и что занимался он этими вопросами, не как большинство ученых, только для своей кафедры, а занимался ими и для себя, для своей души» (Л. Н. Толстой, Полн. собр. (акад.) соч., т. 64, с. 421). Конечно, сотрудничество Л. Н. Толстого в этом журнале, особенно напечатанное там «Что такое искусство», способствовало повышению популярности среди читателей этого издания.

Религиозное и нравственное миросозерцание графа Льва Николаевича Толстого было преобладающей темой наших философских рассуждений, и многие снискали себе известность только потому, что об этом предмете говорили.

Толстой был другом для русского человека и еще большим для всего человечества...

...Справедливо говорят те, которые говорят, что Толстой как проповедник принадлежит всему миру, а не только русскому человечеству, и это вытекает из того, что давящими индивидуальность совести он признал не только условия нашей жизни, но и самую европейскую государственность...

...Жизнь его была абсолютно согласована с его личными взглядами. Он представляет из себя полувекное нисхождение с графской подставки до бытия простого крестьянина...

...На старости он дарит людей высокими примерами благочестия и святости...

За нами один долг: встретить его смерть соответственно его заветам, ибо и было бы насилием над памятью его соблюдать те обряды, которые он считал близкими к язычеству.

«Сперва был сад...»

Бывают книги, западающие в душу, их читаешь не отрываясь и к ним возвращаешься не раз, трепетно и благодарно. В чем их загадка, в чем их магия — «тайна сия велика есть», но они завораживают, очищают, возвышают...

К числу таких книг, на мой взгляд, следует отнести и только что вышедший в свет в издательстве «Мерани» небольшой сборник стихов Паолы Урушадзе «Сперва был сад...». Эта книга — первенец автора, и нетрудно было бы предъявить к ней целый ряд формально обоснованных претензий по поводу версификационных небрежностей, сбоя ритма, неряшливой рифмы... Можно придаться и к другим явным техническим огрехам, таким образом «поверяя алгеброй гармонию», но делать это, честно говоря, не хочется... Пожалуй, именно в подобном стихийно возникающем нежелании и содержится главный, отличительный признак подлинности стиха, истинности поэтического дара автора — ведь главное, чтобы стихотворение шло не от стертых литературных штампов, а из глубинных тайников души, сердца, сознания и даже, если хотите, подсознания...

Стихи Паолы Урушадзе вещны, фактурны, образны,

в них гармония переживаний подкреплена и расцвечена гармонией выражения, и я, как коренной тбилисец, не устаю восхищаться зоркостью поэтического глаза и емкостью образной памяти поэтессы, безошибочностью ее художественного вкуса, давших ей возможность «остановить мгновение», приобщить читателя к сопереживанию музыке стиха, окрашенного ностальгической дымкой... Читаешь книгу, и перед тобой во всей своей сложной простоте и шершаво-неприглаженной безыскусственности, в пряных синкопах запахах и созвучий предстает красочный, удивительный, неповторимый теплый город интернационального братства и гуманизма, в котором, конечно же, «сперва был сад», в котором на «дегустацию» арбуза никогда не забудут пригласить «одинокое соседа» («Далекое»), где к своим подъездам старики выносят стулья, зная, что «во дворе уже давно сосед хлопочет. Белеет простыня. Кино. До поздней ночи» («До телевизора»). Здесь «на помосте скрипучем и шатком в тусклом свете осеннего дня расписной карусельной лошадной детство смотрит в упор на меня», здесь лихо орудуют «пильщики пятидесятых», а потом «ускользают тихо, осторожно, впопыхах, а может, в назиданье во дворе оставив нам треножник», здесь живут не бумажной, а полнокровной жизнью и

«одноногий Крез—курд Сулейман», и керосинщик в подвале, и старушки в «заплатанных шляпках из черной соломки»...

Особо хочется отметить такие душевные, по-настоящему проникновенные стихи Паолы Урушадзе, написанные словно бы на одном дыхании, как «Сперва был сад...», открывающий книгу и подаривший ей название, «Пильщики», «Старушки из детства», «В благодарность», «До телевизора», «Далекое», «Я пришел», «Запах детства», «Ветер», «Мыльный пузырь», «Коль случится — век спустя...», «Старик», «Гроза», «Зияет пустота...», «Коджори», «Осень», «В окне», «Листья», — я ловлю себя на том, что фактически переписываю чуть ли не все оглавление...

Мастер детали и антуража, штриха и колорита, Паола Урушадзе — тонкий лирик, истинный патриот-интернационалист, по-настоящему интеллигентный, сочувливый, порядочный человек, чурающийся высокопарных фраз, но любящий свою Родину самозабвенно и свято...

Говоря о книге в целом, следует воздать должное не только автору, но и редактору Л. Шахназаровой — сборник составлен на редкость удачно, стихи чередуются как виртуозные вариации одного лейтмотива, никогда не повторяясь, но

всегда друг друга усиливая и только лишь выигрывая от своего ближнего и дальнего соседства. Композиционно, стилистически и тематически сборник выверен и выстроен гармонично, здесь уместно и ненавязчиво использованы и принцип соответствия, и принцип контраста.

Несколько слов об авторе в плане его анкетных данных — конечно же, как это можно было понять и ощутить по первым же ее стихам, она — уроженка города Тбилиси, по образованию — театровед (по призванию — поэт и только поэт! — Г. О.), кандидат наук, читает лекции в театральном институте по истории дореволюционного русского театра. За пределами нашего региона публиковалась в «Юности» и в сборнике «День поэзии», переводила стихи Галактиона Табидзе.

Поэтесса не желает себе «лучшей доли, чем лишь бы до скончанья дней и в бурю, и в затишье гореть на медленном огне тревожного предстишья».

Присоединимся же и мы к этому программному пожеланию с тем только добавлением, чтобы это «тревожное предстишье» еще не однажды разрешалось книгами, может быть, и более совершенными по форме, чем «Сперва был сад...», но такими же свежими, цельными и настоящими!

Глан ОНАНЯН

«Когда Орфей вступил на берега Колхиды...»

В КНИГЕ Наталии Соколовской «Природа света» есть стихотворение без названия, которое начинается эпической строкою: «Когда Орфей вступил на берега Колхиды...». В этом стихотворении Орфею принадлежат слова: «Судьба — занятие, достойное мужчины». Наверное, это занятие, достойное не только мужчины, но и человека вообще. Орфей — певец, поэт. Я принадлежу к числу тех читателей, которым небезразлично соотношение судьбы поэта с его творчеством. Не следует доводить этот принцип до крайности, равно как и принцип противоположный. Дело, собственно, вообще не в принципе, а в особенностях личного восприятия, и затронул я эту тему потому, что она имеет непосредственное отношение к книге Н. Соколовской, и стихотворение об Орфее представляется мне куда более личным, чем может показаться на первый взгляд.

«Природа света» вышла в серии сборников русских поэтов, связанных с Грузией, пишущих о ней и переводящих на русский язык стихи своих грузинских собратьев. Поскольку это — первая

Н. Соколовская. Природа света. Тбилиси, «Мерани», 1985 г.

книга Наталии Соколовской, мне хочется рассказать, с чего все началось. Восемь лет тому назад А. Н. Беставашивили, руководительница группы переводчиков с грузинского, учившихся тогда на втором курсе Литературного института им. Горького, начала один из семинаров с того, что представила своим ученикам Наталию Соколовскую, «поэтессу из Ленинграда, которая интересуется грузинской поэзией и хочет ее переводить». Наша гостья училась на заочном отделении Литинститута и вскоре перешла в грузинскую группу, в которой мы вместе проучились до самого получения дипломов. Отсюда вытекает, что, во-первых, я не могу (да и не намерен) быть объективным ценителем творчества однокурсницы — оно мне очень близко, а, во-вторых, и это главное, мне кое-что известно о том, как связаны между собою судьба и творчество этого поэта.

Прежде всего, Соколовская — профессионал. Поэтому, если она берется за перевод, работа бывает выполнена на должном уровне, и каждый автор в ее переводе сохраняет свой голос и свою интонацию. Соколовской везет. Ей приходится по большей части иметь дело с настоящими поэтами, и такие мастера, как Реваз Маргиани и Джансуг Чарквиани, предстают в ее переводах в полной своей силе и сложности. Соколовская не гонится за объемом. Например, Иона Вакели представлен в «Природе света», вернее, в первой, «переводной» ее части — «По образу и подобию» — лишь двумя

стихотворениями, но зато отличными.

...И все-таки главное место в книге Н. Соколовской — и по объему, и по значению — занимает Отар Чиладзе. С него началось ее увлечение грузинской поэзией, и по сей день его творчество остается для нее путеводной звездой и источником вдохновения. Чиладзе занимает две трети «переводной» части книги и более чем вдвое превосходит ее «оригинальную» часть.

Многое из Отара Чиладзе в переводе Соколовской я помню наизусть. Быть может, оттого, что она читала эти переводы в студенческом общежитии, мы не раз обсуждали их на семинаре... Но читалось, обсуждалось и многое другое, не оставившее следа в памяти. А это... По-моему, такими стихотворениями, как «Сентябрь» или «Знаешь, Марина...» можно объясняться в любви. А другими — порывать:

Не подходи. Не надо.
Лжив мой взор.
Мое лицо, притворно
хорошее,
улыбку занесло,
словно топор,
над вздернутым плечом
твоим и шей...

Это из «Лужи и забора», одного из первых переводов Соколовской Отара Чиладзе. Потом было много других, в частности «Знаешь, Марина...», где о снеге говорится:

Словно усталый беглец,
он держался
ближе к домам.
И поскрипывал тихо.
Без передыха снег
продолжался.

Без передыха,
Без передыха.

Это «без передыха» действительно созвучно соответствующей строке оригинала — «дзалиан дидханс, дзалиан дидханс»...

Из этого же стихотворения:

Снег продолжался
ночно и денно,
улицы красок лишив,
как пощады.
И заволакивал он
постепенно
гаснущих окон
долгие взгляды.

Классическая, отточенная, чеканная и мелодичная поэтическая речь присуща и переводам, и собственным стихотворениям Наталии Соколовской. Ее рифмы точны, ритм четок, стих гибок и естествен. Она владеет словом настолько, что ей не приходится жертвовать стройностью мысли в угоду ритму строки. Исключения редки, мне известно лишь одно:

Я вижу, как горят,
ладонь разжав,
стихи, тобой любимые
когда-то.

Конечно, первая строка могла быть и точнее... Поэзии Соколовской присуща некая магия, которая заставляет мириться даже со смысловыми неточностями, например:

Он знал: событий,
городов и рек
забудется с веками
подоплека.
Но он приплыл сегодня
издалека,

чтоб услышал судьбы
горячий клеток
идуший по дороге
человек.

Позволю себе некоторый педантизм: подоплека событий — это ясно, а вот подоплека городов и рек?.. И все же — как волнуют эти строки, как запечатлеваются в памяти их звукопись, их ритм, их смысл.

Так уж вышло, что мы вернулись к тому стихотворению, с которого начали — «Когда Орфей вступил на берега Колхиды...» (только что приведенная строфа завершает его), и я хотел бы объяснить, почему считаю его очень личным.

Несмотря на малый объем, из «оригинальной» части книги, «Как будто это все со мной», можно составить себе весьма целостное и рельефное представление об авторе — его корнях, связях с миром и отношении к этому миру. Здесь и прекрасный отрывок о бабках, которым «ровесник век», с их удивительным «бытием и бытом»; и детство — «проходной коммунальный уют»; и величественный Ленинград — «жизнь с видом на Неву»; и глубокие переживания:

...И покачнулась я
всей памятью сквозной,
заметив средь толпы того,
кого хотела.

Я плакала.

Душа пускала корни
в тело.

И воскресение
склонялось надо мной.

В какое-то мгновение на горизонте возникает Грузия, которой суждено занять такое большое место в судьбе. Тогда-то Орфей и вступает на берега Колхиды. Не берусь утверждать, что это стихотворение возникло после или, тем более, вследствие того, что Соколовская перевела «Поэму любви» О. Чиладзе, героем которой был Орфей, но для меня переключка несомненна, так же, как и связь последней строки его с названием романа все того же Отара Чиладзе «Шел по дороге человек», сюжет которого тоже связан с аргонавтами, в числе коих Орфей прибыл в Колхиду.

И эта неслучайная переключка, равно, как и длительная творческая связь Натальи Соколовской с Грузией и грузинской поэзией, объясняет появление нового хорошего сборника стихотворений и поэм «Природа света».

Александр ЗЛАТКИН

Гулбат ТОРАДЗЕ

Д. ШОСТАКОВИЧ И ГРУЗИНСКАЯ МУЗЫКАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

СЕГОДНЯ Дмитрию Дмитриевичу Шостаковичу, великому советскому композитору, одному из крупнейших творцов XX столетия, исполнилось бы 80 лет. Для миллионов любителей музыки во всем мире Д. Шостакович был не только автором сочинений, получивших всеобщее признание, но и воплощением негибкого творческого духа, символом высокого гуманистического искусства.

Его бессмертные творения вошли в сокровищницу мировой музыкальной культуры, в сознание миллионов людей всех стран и континентов. Произведения Шостаковича — это и правдивая, волнующая летопись нашего времени, и пронзительно искренняя исповедь Творца и Человека.

Начиная с 1926 года, когда 19-летним юношей он заявил о себе всему музыкальному миру своей замечательной I симфонией, и кончая последним сочинением — сонатой для альты и фортепиано, написанной незадолго до смерти, творчество его неизменно вызывало горячий интерес, возбуждало мысли и чувства философской глубиной проблематики, высочайшим эмоциональным накалом, необычайной искренностью и, можно сказать, выстраданностью своего художественного содержания.

Необычайно широка, многогранна и остро актуальна те-

матика творчества Шостаковича: грандиозные революционные и социальные потрясения эпохи, борьба против всяческого зла и насилия, утверждение светлых гуманистических идеалов человечества...

Страстная муза Шостаковича всегда находилась в точке скрещения самых животрепещущих проблем и передовых идейных устремлений эпохи. Именно этим определяется громадная общественная значимость, высокая гражданственность всего его творчества. Композитор-новатор, обогативший мировое музыкальное творчество завоеваниями в самых различных его сферах, создавший свой неповторимый музыкальный стиль, свою образную систему, он оказал громадное влияние на всю современную и, в первую очередь, советскую музыку.

Личный пример великого художника, борца за светлые идеалы человечества, композитора ярчайшей творческой индивидуальности оказывал поистине магнетическое влияние на его коллег, учеников, последователей, способствовал проникновению высоких гражданственных, гуманистических тем и образов в творчество советских композиторов, совершенствованию их профессионального мастерства.

По творениям великого советского композитора еще очень долго будут сверять «музыкальное время» эпохи музыканты грядущих поколений, ибо Д. Шостакович был не только гениальным композитором, но и художником-гуманистом, знаменосцем высоких и чистых нравственных идеалов человечества.

Человек исключительной скромности и душевной щедрости, Дмитрий Дмитриевич был мудрым наставником и другом всех советских, в том числе и грузинских композиторов.

Тема «Шостакович и грузинская музыкальная культура» очень широка и многоаспектна. Она включает творческие связи, личные отношения великого композитора с грузинскими музыкантами, богатый спектр воздействия его творчества на современную грузинскую музыку, высказывания по поводу новых сочинений грузинских композиторов и т. д.

Дмитрий Дмитриевич неоднократно бывал в Грузии, впервые — осенью 1931 года. К сожалению, нам известно только то, что он отдыхал в Гудаута и Батуми, а затем побывал в Тбилиси. Летом 1934 года Шостакович вновь посетил Батуми, дал там концерт из своих фортепианных сочинений.

В феврале 1937 года в Тбилиси состоялся авторский концерт (солист — автор, дирижер — Н. Рабинович). Как свидетельствует пресса, концерт прошел с громадным успехом.

Следующий приезд Шостаковича в Грузию имел место 15 лет спустя, в марте (1—12) 1952 года. Осенью того же года он приехал в Тбилиси на II творческий пленум композиторов Грузии. Полученными впечатлениями он с готовностью поделился со своими грузинскими коллегами, выступил на дискуссии, а затем опубликовал статьи в газетах «Заря Востока» и «Молодой сталинец». Он дал очень высокую оценку работе композиторской организации Грузии в целом, выделив при этом кантату «Сердце Картли» А. Чимакадзе, фортепианное трио А. Шаверзашвили, фортепианный концерт № 3 А. Баланчивадзе. В газете «Заря Востока» (1952, 30.XI) Шостакович писал: «Самое лучшее впечатление произвела на всех кантата «Сердце Картли» А. Чимакадзе. Талант буквально бьет ключом в этой кантате. Слушается она с неослабевающим интересом. Выразительные и колоритные мелодии, прекрасная гармония, оригинальное и умелое использование хора и оркестра, глубокая содержательность и идейность произведения — все это, как и гармоническое сочетание содержания и формы, восхищает слушателей. А. Баланчивадзе выступил на смотре со своим 3-м концертом для рояля, посвященным юным пионерам. Характерной особенностью этого концерта является то, что как сольная, так и оркестровые партии рассчитаны на исполнение детьми — учащимися музыкальных школ. Концерт мастерски и образно передает богатый мир советской детворы и, как подлинное художественное произведение, представляет большой интерес не только для детей, но и для профессиональных музыкантов.

Из камерных сочинений, показанных на смотре, в первую очередь хочется назвать фортепианное трио А. Шаверзашвили. В музыке трио много чувства, горячности, динамичности, веселья и бодрости. При этом следует подчеркнуть, что автор обладает яркой индивидуальностью и зрелым мастерством».

В газете «Молодой сталинец» мы читаем: «Второй раз в этом году мне довелось побывать в Тбилиси, в прекрасной столице Советской Грузии. На этот раз я приехал послушать новые произведения грузинских композиторов. Ехал я в Тбилиси с большими надеждами, и эти надежды оправдались. На проходящем на днях смотре новых произведений композиторов Грузии было исполнено много удачных, талантливых произведений...

Радостно было убедиться в том, что грузинская музыка

движется вперед, и в этом немалая заслуга молодого поколения композиторов Грузии...

Смело можно сказать, что ни в одной из республик нашей страны нет такого бурного притока молодых творческих сил, как в Грузии».

Время подтвердило эти высокие оценки Шостаковича.

Надо, однако, подчеркнуть, что его статьи отнюдь не носили комплиментарный характер. О целом ряде произведений, в том числе и таких ведущих композиторов Грузии, как Ш. Мшвелидзе и О. Тактакишвили, были высказаны критические соображения, а также практические советы по дальнейшему совершенствованию деятельности грузинских композиторов.

В последующие годы Дмитрий Дмитриевич неоднократно встречался с грузинскими коллегами в Москве на творческих пленумах, смотрах и т. д. Особенно следует выделить встречу группы грузинских композиторов с Шостаковичем в феврале 1953 года в Москве.

Отметим, что именно по его настоянию в программу концерта была включена известная оркестровая пьеса Р. Лагидзе «Сачидао», имевшая огромный успех.

Весной 1953 года общественность республики торжественно отметила 80-летие старейшего грузинского композитора Д. Аракишвили. Неизменно чуткий Д. Шостакович откликнулся на это событие, прислав телеграмму, которая затем была перепечатана в газете «Заря Востока» (31.V—1953) под заглавием — «Яркая, красивая жизнь»: «Сердечно поздравляю Димитрия Игнатьевича Аракишвили с его замечательным юбилеем... радуюсь его творческим успехам, горжусь ими.

В творческой биографии Димитрия Игнатьевича мое внимание всегда привлекали и вызывали чувство глубочайшего уважения его разносторонняя деятельность, широкий круг его общественных интересов. В лице Димитрия Игнатьевича мы чувствуем композитора, фольклориста, педагога и общественного деятеля. Во всех этих областях он неутомимо работает свыше пятидесяти лет, создавая большие художественные ценности. Таким широким диапазоном интересов обладали только русские композиторы-классики, и эту замечательную черту унаследовал от них и бережно хранит Димитрий Игнатьевич, являя пример для многих и многих из нас.

На протяжении всей своей жизни Димитрий Игнатьевич был и остается тесно связанным с грузинским народом. Он хорошо знает его жизнь, его художественные вкусы и запросы. Это помогло ему создать многие превосходные сочинения.

которые уже вошли в золотой фонд советской музыкальной культуры, написать ценные исследования о грузинской народной песне, обратиться в своем творчестве к актуальным темам наших дней.

Одному из основоположников грузинской профессиональной музыки, передовому художнику, хранителю лучших традиций классиков русской музыки Димитрию Игнатьевичу Аракишвили от души желаю здоровья и новых творческих успехов».

Весной 1961 года Дмитрий Дмитриевич в очередной раз посетил Грузию. Основной целью поездки было лечение пошатнувшегося здоровья. Он провел курс лечения в Цхалтубо, а затем почти на неделю заехал в Тбилиси. Со свойственным ему вниманием ознакомился с новыми сочинениями грузинских композиторов в записи, посетил оперный театр, где прослушал оперу «Десница великого мастера» Мшвелидзе. Своими впечатлениями Шостакович поделился с корреспондентом газеты «Вечерний Тбилиси»: «Ш. Мшвелидзе — один из наиболее любимых мной композиторов, за творчеством которого я слежу с особым вниманием. Я многого ожидал от его оперы и с радостью убедился, что ожидания мои оправдались. «Десница великого мастера» — одно из значительных произведений нашей оперной литературы. Самобытный музыкальный язык, умелое использование народных интонаций, прекрасный мелодический речитатив, блестящие хоры — все это придает партитуре оперы яркость, глубину, красочность» («Вечерний Тбилиси», 22.VI—1961).

Дмитрий Дмитриевич заинтересовался творчеством молодых композиторов, присутствовал на госэкзамене композиторского отделения консерватории. Свои впечатления от знакомства с новыми сочинениями резюмировал следующим образом: «Я хочу оговориться, что собственно плохой музыки я вообще не слышал здесь. Мастерство, красота музыкального языка и особенно глубоко национальный характер — вот что отличает большинство произведений, с которыми мне удалось познакомиться».

Шостакович постоянно проявлял заботу о многонациональной советской музыке, придавал большое значение пропаганде творчества композиторов различных республик СССР.

Еще в 1945 году, когда в Москве впервые была исполнена I симфония Баланчивадзе, Дмитрий Дмитриевич в статье «Грузинские музыканты» писал: «К сожалению, наши концертные организации и Музыкальное издательство уделяют все же недостаточно внимания достижениям музыкальных культур

братских республик. Именно по этой причине многие музыканты Москвы и Ленинграда оказались не в курсе того, что делал Баланчивадзе после окончания «Сердца гор». Тем более радостно было прослушать его симфонию. Она очень интересно задумана и осуществлена».

Как говорилось выше, особенно близкие отношения связывали Дмитрия Дмитриевича с Андреем Баланчивадзе. Их дружба и переписка продолжалась вплоть до последних дней жизни великого композитора. Шостакович прекрасно знал все сочинения Баланчивадзе, ценил многие из них. Вот отзыв о его I симфонии в статье «Грузинские музыканты» («Литература да хеловнеба», 1945, № 11, 29.III):

«Баланчивадзе как композитора я знаю давно. Уже в его раннем, давно написанном фортепианном концерте при всех его серьезных дефектах, было много интересных мыслей, заставивших относиться к творчеству композитора с пристальным вниманием.

Исполненная недавно в Москве, на концерте грузинской музыки, симфония Андрея Баланчивадзе принадлежит, по-моему, к числу наиболее удачных симфонических новинок последних лет. Это интересное и содержательное сочинение, стоящее на высоком техническом уровне. Композитор отлично владеет формой, инструментовкой, — словом, всем арсеналом выразительных средств настоящего симфониста. Привлекает в партитуре Баланчивадзе и ее ярко выраженный национальный характер».

А за несколько лет до этого, весной 1938 года, после премьеры балета Баланчивадзе «Сердце гор» в Ленинграде Дмитрий Дмитриевич в статье «Выдающееся произведение» так охарактеризовал его: «Андрей Баланчивадзе, автор многих талантливых произведений (вспомним, например, его концерт для рояля), написал балет «Сердце гор». Выдающиеся качества музыки ставят этот балет на первое место среди советских балетов, появившихся за последние годы. Отдельные моменты партитуры производят потрясающее впечатление. Это особенно относится к финальному танцу 4-ой картины и к финалу всего балета. Лирическая музыка, рисующая любовь Маниже и Джарджи, поражает своею строгостью и благородством. Вообще в этой музыке нет ничего мелкого, все очень глубоко, я бы сказал, благородно-возвышенно, много серьезно-пафоса, идущего от высокой поэзии.

Хочется от всей души поздравить Андрея Баланчивадзе с выдающимся произведением. Хочется громко сказать о ра-

дости, которая охватывает слушателя этого замечательного произведения» («Советское искусство», 1938, 30.VII).

Несколько лет назад в книге «А. Баланчивадзе» (Тбилиси, 1979) нами впервые было опубликовано в высшей степени интересное письмо Д. Шостаковича к А. Баланчивадзе, которое невозможно читать без волнения (письмо датировано апрелем 1936 года):

«Дорогой Андрюша. Ты, наверное, считаешь меня хамом и невежей за то, что я так долго тебе не отвечал на твое письмо. Дело в том, что я уже много раз садился писать тебе, но не выходило. Твое письмо меня очень взволновало. В двух словах могу только сказать: спасибо тебе. Я за это время очень много пережил и передумал. Пока додумался до следующего: «Леди Макбет» при всех ее больших недостатках является для меня таким сочинением, которому я никак не могу перегрызть горло. Вполне возможно, что я неправ и что у меня не хватает, право, на это мужества. Но мне кажется, что надо иметь мужество не только на убийство своих вещей, но и на их защиту. Так как второе сейчас невозможно и бесполезно, то я и ничего не предпринимаю в этой области. Во всяком случае, я опять много и упорно думаю над всем происшедшим. Главное — это честность. На многое ли и надолго ли этого у меня хватит? Если ты когда-нибудь узнаешь, что я «отмежевался» от «Леди Макбет», то знай, что я это проделал на 100% честно. Но думаю, что это произойдет очень не скоро. Вряд ли раньше пяти-шести лет, я ведь тяжелодум и очень честен в своем творчестве.

Слушал я дважды твой концерт. Это очень талантливое и самобытное сочинение. От души тебя поздравляю. С нетерпением жду возможности послушать его с оркестром.

Я кончаю сейчас 4-ю симфонию. Сочинять уже кончил. Сейчас оркеструю. Думаю, что в неделю закончу, т. к. обычно музыка у меня не на много обгоняет оркестровку.

Очень хочу тебя повидать и потолковать обо всем. Крепко тебя целую.

Твой Д. Шостакович».

А теперь приведем отрывки из воспоминаний Андрея Мелитоновича, также относящиеся к этому трудному для Дмитрия Дмитриевича периоду его жизни: «Однажды Митя Шостакович проездом гостил у меня в Тбилиси несколько дней. Он сыграл мне только что законченный первый акт оперы «Катерина Измайлова». Тогда я не смог выразить своего восхище-

ния, но в дальнейшем мне удалось сказать о принципиальных, высоких достоинствах оперы, выступая в ее защиту на открытии в связи со статьей «Сумбур вместо музыки». Это был не героизм и не жертва. Просто хотелось доказать любовь и преданность большому художнику и другу».

Д. Шостакович и в последующие годы с подлинной заинтересованностью следил за творчеством грузинских композиторов.

Влияние его могучей творческой индивидуальности на грузинскую музыку впервые проявляется в произведениях 40-х годов и ощущается по сей день во всех жанрах музыкального творчества, в композиционных, стилистических, интонационных особенностях, в отдельных приемах оркестровки и т. д. Широта ее воздействия обусловлена многими факторами, среди которых одним из главных представляется полифоничность мышления Шостаковича. Ведь полифоничность является «родовым» признаком грузинского музыкального фольклора, а отсюда и грузинского «композиторского мышления» вообще.

Обогащение грузинской профессиональной музыки творческими достижениями Шостаковича, как правило, носит органичный характер. Они преломляются через призму творческой индивидуальности наших композиторов, как бы адаптируются в художественной среде грузинского национального музыкального стиля.

Влияние музыки Шостаковича впервые дало о себе знать в замечательной I симфонии А. Баланчивадзе (1944), запечатлевшей героическую эпопею борьбы советского народа в Великой Отечественной войне.

В частности, в I симфонии ясно прослеживается связь с V и VII симфониями Шостаковича. С V симфонией связана идея становления личности, а еще шире — героико-эпического самоутверждения путем преодоления драматически конфликтных ситуаций, сквозная драматургическая линия — через трагедию к торжеству и прославлению Жизни.

Можно отметить и некоторые частные моменты инструментовки, оркестровой фактуры и т. д. Общее с знаменитой VII («Ленинградской») симфонией у симфонии Баланчивадзе — это ненависть к войне и неистребимая вера в победу, героика, порожденная подвигом народа в беспримерной схватке с врагом. Как и в VII симфонии, наряду с этим возникает и второй — лирический план (с одной стороны — грустные воспо-

минания о светлых днях недавнего прошлого, и с другой — жгучая горечь утрат). Несомненна и структурная близость отдельных эпизодов (например, финального апофеоза) симфоний, а также родство некоторых стилистических приемов (например, тембрального нагласования и др.).

Заканчивая выявление некоторых параллелей в вышеназванных произведениях, еще раз подчеркнем полнейшую художественную самостоятельность симфонии Баланчивадзе, органичность ее стиля и концепции.

Не избежал влияния Шостаковича и другой крупный грузинский симфонист Ш. Мшвелидзе. Особенно это проявилось в симфонической поэме «Миндия». В частности, прямую ассоциацию с знаменитым «эпизодом нашествия» из VII симфонии Шостаковича вызывает развернутый раздел *Allegretto* поэмы Мшвелидзе, также рисующий картину вражеского нашествия. Как и в симфонии, этот раздел строится на остиноматном принципе. Краткий мотив флейты на фоне барабанной дроби, разрастаясь, превращается в грозно и неумолимо звучащий марш.

Переосмысление различных приемов Шостаковича встречаем в ряде сочинений выдающегося композитора А. Мачавариани. В частности, в вокально-симфонической поэме «На смерть героя» (1948) непосредственные ассоциации с побочной партией I части V симфонии Шостаковича вызывает минорный эпизод поэмы Мачавариани. С более органичным примером музыкальной аллюзии встречаемся в его известном скрипичном концерте, где трио II части перекликается с пасскальей (II ч.) из фортепианного трио Шостаковича. Не раз отмечалось влияние его оратории «Песнь о лесах» на многие произведения этого жанра, созданные в 40—50-х годах. Сказанное относится и к оратории А. Мачавариани «День моей Родины» (схожесть конструкции цикла, введение детского хора).

Особенно усиливается воздействие творчества Шостаковича начиная с 60-х годов. Можно сказать, что в его «гравитационное поле» попадают почти все композиторы, работающие в инструментальных жанрах. Относится это и к таким видным современным симфонистам, как С. Насидзе и Г. Канчели, в произведениях которых можно проследить драматургические и конструктивные принципы Шостаковича. Об этом же свидетельствует стремление к интеллектуализации музыки, поручение оркестровым тембрам семантической функции, противопоставление философских и гротесково-пародийных образов.

Вне сомнения воздействие квартетов Шостаковича на музыку замечательного мастера этого жанра С. Цинцадзе. Сложный и на редкость органичный синтез традиций квартетного стиля Шостаковича (равно, как и другого великого художника — Б. Бартока) с собственным индивидуальным почерком обусловил новый этап творческой эволюции Цинцадзе (начиная с V квартета, созданного в 1962 году), новый «взлет» совершенствования его композиторского мастерства. Конкретно это проявляется в тенденции симфонизации квартетного жанра, полифонизации фактуры, осложнении метро-ритмического начала, заметном проникновении элементов токатности, остроте драматических сопоставлений.

С полным основанием можно говорить о плодотворном воздействии традиций Д. Шостаковича и на молодое поколение грузинских композиторов.

Как уже отмечалось, история исполнения музыки Шостаковича в Грузии начинается с 1937 года, когда в Тбилиси прозвучали его I фортепианный концерт и V симфония. Сегодня уже налицо богатые традиции исполнения музыки Шостаковича в Грузии. Так, исполнены почти все его симфонии (кроме II, III, XIII) и инструментальные концерты. Необходимо также напомнить об исполнении на грузинском языке вокального цикла «Из еврейской поэзии».

Можно смело сказать, что творения Шостаковича имеют достойных интерпретаторов в Грузии. С большим успехом исполняет его квартеты в Советском Союзе и за рубежом Государственный струнный квартет Грузии. Прелюдии и фуги украшают репертуар замечательной пианистки Э. Вирсаладзе (с особенным блеском играющей прелюдии и фугу Des-dur). Темпераментно интерпретирует I фортепианный концерт пианистка М. Доинджашвили, I скрипичный концерт имеется в репертуаре выдающейся скрипачки Л. Исакадзе, а оба виолончельных концерта не раз исполнял ее брат, известный виолончелист Э. Исакадзе.

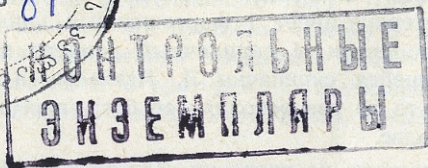
Лучшие симфонические творения Шостаковича постоянно были в программах грузинских дирижеров различных поколений, таких, как Ш. Азмайларашвили, О. Димитриади, Дж. Гокиели, Л. Киладзе. Среди современных дирижеров-исполнителей симфоний Шостаковича выделяется Дж. Кахидзе (особенно запомнилась трактовка IV симфонии), а из более молодых — Р. Такидзе (V симфония) и Г. Гоциридзе (VIII симфония).

Светлой памяти великого музыканта композитора Грузии

посвятили ряд значительных сочинений, среди которых выделяются камерная симфония А. Шаверзашвили, симфония Р. Габичвадзе, «Камерная симфония» Ш. Шилакадзе и IX струнный квартет С. Цинцадзе. Интересно, что для «плавающей» темы последний использует принцип монограммы (инициалы Шостаковича: DDSCH), а в скерцо использует тему из VIII квартета Шостаковича.

Естественно, что творчество Шостаковича давно вошло в сферу научных и эстетических интересов грузинских музыковедов. Композитору, его отдельным сочинениям посвящен целый ряд статей, рецензий, воспоминаний грузинских музыковедов, композиторов. Что же касается научно-публицистических и исследовательских работ, то здесь должны быть названы известные грузинские музыковеды А. Цулукидзе, Г. Орджоникидзе, а также К. Туманишвили, М. Канчели, М. Яшвили, Е. Карангозишвили, М. Киракосова, Л. Маруашвили и другие.

Можно не сомневаться, что необъятное творческое наследие великого композитора еще не раз привлечет внимание грузинских музыковедов. Светлая же личность Дмитрия Дмитриевича Шостаковича навсегда останется высоким примером беззаветного служения искусству, своему народу, человечеству.

«Сдано в набор 25.12.86 г. Подписано к печати 6.11.87 г. Формат 84×108¹/₃₂. УЭ 10608. Высокая печать. Печ. л. 7,0 — усл. печ. л. 11,97. Уч.-изд. л. 14,0. Тираж 5 000. Заказ 2959. Адрес редакции: 380008, Тбилиси, ул. Ленина, 5. Телефон: 99-06-59.

Главный редактор Роман МИМИНОШВИЛИ

Редакционная коллегия:

Резо АМАШУКЕЛИ (заместитель главного редактора),
Чабуа АМИРЭДЖИБИ, Элисбар АНАНИАШВИЛИ, Реваз
АСАЕВ, Хута БЕРУЛАВА, Анаида БЕСТАВАШВИЛИ,
Игорь БОГОМОЛОВ, Тенгиз БУАЧИДЗЕ, Хута ГАГУА,
Алексей ГОГУА, Эдуард ЕЛИГУЛАШВИЛИ, Виктория
ЗИНИНА (ответственный секретарь), Марк ЗЛАТКИН,
Михаил ЛОХВИЦКИЙ, Георгий МАРГВЕЛАШВИЛИ,
Сергей СЕРЕБРЯКОВ, Лия СТУРУА, Серги ЧИЛАЯ.

ТЕЛЕФОНЫ:

Главный редактор — 93-65-15, заместитель главного
редактора — 93-13-57, ответственный секретарь —
93-31-28, приемная — 99-06-59, отделы — 93-31-43 и
93-65-19.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются

При перепечатке ссылка на «Литературную Грузию»
обязательна.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КП ГРУЗИИ
Тбилиси, ул. Ленина, 14.

65 к.

26-87

ИНДЕКС 76117

87-119

ՀԱՅԿԱՅԻՆ
ԼԻԲՐԱՐՆԵՐ

